

**Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»**

ISSN 2713-2536

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ОРЛОВСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА
МВД РОССИИ ИМЕНИ В.В. ЛУКЬЯНОВА**

Электронный журнал
№ 2 (91) 2022 г.

**Орел
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2022**

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова [Электронный ресурс] : электрон. журнал / Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. – Электр. текстовые данные (1,97 МБ). – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022. – 1 компакт-диск: 12 см.

Журнал является периодическим электронным изданием, в котором публикуются результаты научных исследований ведущих ученых и молодых авторов по юридическим отраслям науки, а также передовому опыту борьбы с преступностью в России и за рубежом.

Минимальные системные требования: процессор Intel с частотой не менее 1,3 ГГц; ОЗУ 512 Мб; операц. система семейства Windows; Adobe Reader v. 4.0 и выше; дисковод; мышь.

Текстовое электронное издание.

© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

Электронное издание создано
при использовании программного обеспечения:
Microsoft Word, Adobe Acrobat Reader.
Технический редактор *А.Ю. Денисова*
Корректор *А.К. Аванесян*

Дата выхода в свет: 03.06.2022.
Объем издания: 1,97 МБ.
Комплектация издания: 1 компакт-диск: 12 см.
Тираж: 6 компакт-дисков

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
Эл № ФС77-78909 от 14.08.2020
распространяется бесплатно

учредитель:
Федеральное государственное казенное
образовательное учреждение высшего образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова».

адрес редакции и издателя:
302027, г. Орел, ул. Игнатова, 2.
Тел. 8 (4862) 423114.
E-mail: orui@mvd.ru.
<http://www.orui.mvd.ru>.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Журнал включён в Научную электронную библиотеку и систему
Российского индекса научного цитирования. URL: <http://www.elibrary.ru>
и в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных Высшей аттестаци-
онной комиссией при Минобрнауки России, в которых должны быть опубликованы ос-
новные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук,
на соискание ученой степени доктора наук в отрасли «Юридические науки»
по специальностям:

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки.

ФГКОУ ВО «Орловский юридический институт Министерства внутренних дел
Российской Федерации имени В.В. Лукьянова».

© Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, 2022.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

Редакционная коллегия:

Главный редактор – начальник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент С.А. Синенко

Заместитель главного редактора – заместитель начальника Орловского
юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
(по научной работе) доктор юридических наук, доцент К.В. Муравьев

Члены редакционной коллегии:

заместитель начальника Барнаульского юридического института
МВД России (по научной работе) доктор юридических наук,
профессор Ю.В. Анохин;

профессор кафедры уголовного права Юго-Западного государственного
университета доктор юридических наук, доцент А.Б. Баумштейн;

начальник центра организационного обеспечения научной деятельности
Всероссийского научно-исследовательского института МВД России доктор
юридических наук, доцент С.С. Безруков;

профессор кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова
доктор юридических наук, доцент В.Ф. Васюков
(секретарь редакционной коллегии);

профессор кафедры государственного и муниципального права Омского госу-
дарственного университета им. Ф.М. Достоевского доктор юридических наук,
профессор В.В. Головкин;

директор Иркутского юридического института (филиала) Университета
прокуратуры Российской Федерации доктор юридических наук,
профессор О.П. Грибунов;

заместитель начальника Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина (по научной работе) доктор юридических наук,
доцент О.А. Дизер;

профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права
Саратовской государственной юридической академии доктор юридических наук,
доцент И.А. Ефремова;

первый заместитель начальника Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук, профессор О.В. Зиборов;

начальник кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя доктор юридических наук,
доцент А.И. Клименко;

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Новосибирского
военного института имени генерала армии И.К. Яковлева войск
национальной гвардии Российской Федерации доктор юридических наук,
доцент Н.Ю. Лебедев;

профессор кафедры теории государства и права Московского университета
МВД России имени В.Я. Кикотя Заслуженный работник высшей школы,
доктор юридических наук, профессор, почетный работник высшего
профессионального образования В.П. Малахов;

главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем
правосудия Российского государственного университета правосудия доктор
юридических наук, доцент Е.В. Марковичева;

главный научный сотрудник Научного центра исследования проблем
правосудия Российского государственного университета правосудия
Заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук,
профессор В.В. Николюк;

ученый секретарь ученого совета, профессор кафедры уголовного права
Санкт-Петербургского университета МВД России доктор юридических наук,
доцент А.В. Никуленко;

начальник факультета подготовки научно-педагогических и научных
кадров Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя
доктор юридических наук, профессор Р.Б. Осокин;

первый заместитель начальника Всероссийского научно-исследовательского
института МВД России Заслуженный юрист Российской Федерации,
доктор юридических наук, профессор О.И. Цоколова;

главный научный сотрудник центра исследования проблем обеспечения
безопасности в учреждениях уголовно-исполнительной системы Научно-
исследовательского института ФСИН России доктор юридических наук,
профессор Н.Г. Шурухнов.

Об издании - 1, 2, 3, 4, 5, 6

ОГЛАВЛЕНИЕ

«100 лет со дня рождения В.В. Лукьянова»

Зейналов Ф.Н.о. О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В.В. ЛУКЬЯНОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЛНОМОЧИЙ ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ	11
Сальников Е.В., Гаврилин С.А. В.В. ЛУКЬЯНОВ И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ПОДХОДА К СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ	18

Теория и история права и государства; история правовых учений

Диваев А.Б. ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ»	26
Зайнутдинов Д.Р. АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СУД НА «БЕЛОМ» ЮГЕ РОССИИ В 1918-1919 ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ЛИКВИДАЦИЯ	35

Административное право; административный процесс

Натхо Р.М. ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА: ПОНЯТИЕ, МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ	46
Покотиленко Н.А. К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ	54
Хайруллин Р.Р., Сунгатуллина К.А. ПРИМЕНЕНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ МВД РОССИИ	62

Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право

Архипцев И.Н., Бельский А.И., Сарычев А.В. ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕВИАЦИЙ В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МАЛОЛЕТНИХ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ	70
Сорокин А.И. ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЮ СОВЕРШЕНИЯ САМОУБИЙСТВА	80

Уголовный процесс

Быстрова Ю.В. ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ И РАВНОПРАВИА СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ: УКЛОН В СТОРОНУ ОБВИНЕНИЯ	87
Виноградова В.А. УЧАСТИЕ ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ СУДОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО	95
Воробей С.Н., Чаплыгина В.Н. ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИИ: ПРОЕКТЫ И ПРОЖЕКТЫ	103
Замуруева Е.Ю. ДОСТАТОЧНОСТЬ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ	111
Кондрашин П.В. ПОДСУДНОСТЬ ВОЕННЫХ СУДОВ ПО УГОЛОВНО- ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ	119

Лыга А.П. ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ МЕР УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА (ЗАЛОГ, НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО, ДЕНЕЖНОЕ ВЗЫСКАНИЕ)	127
Нурбаев Д.М. ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	136
Титова К.А., Литвинова И.В. К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ КРИТЕРИЕВ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К ЭЛЕКТРОННЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ	144

***Криминалистика; судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность***

Агафонов А.С. ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ИЗМЕНЕНИЕМ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ	153
Грачев С.А., Крюкова А.С. ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА	164
Журбенко А.М., Советова М.В. СПОСОБЫ ХИЩЕНИЙ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ НА ТРАНСПОРТЕ, КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ	172
Емельянов С.Л., Конин В.В., Марьина Е.В. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ	181
Лукьянчикова С.А. ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ	192
Сезонова Т.В., Пунина О.Н. ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА КАК МЕТОД ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	202
Смирнов И.М. ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В СЕТИ	210
Усачев С.И., Малыхина Е.А., Небрatenко Г.Г. К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	216
Шурухнов Н.Г. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СБОРА ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК	224

CONTENTS

"100 years since the birth of V.V. Lukyanov"

Zeynalov F.N.o. ABOUT SOME AREAS OF ACTIVITY OF V.V. LUKYANOV IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE POWERS OF THE STATE TRAFFIC INSPECTORATE	11
Salnikov E.W., Gavrilin S.A. V.V. LUKYANOV AND THE FORMATION OF A SCIENTIFIC APPROACH TO THE ROAD SAFETY SYSTEM	18

Theory and history of law and state; history of legal teachings

Divaev A.B. THE CONCEPT AND CONTENT OF THE CATEGORY "EFFECTIVENESS OF LEGAL IMPACT"	26
Zaynutdinov D.R. ADMINISTRATIVE COURT IN THE «WHITE» SOUTH OF RUSSIA IN 1918-1919: FORMATION, DEVELOPMENT, LIQUIDATION	35

Administrative law; administrative process

Natho R.M. THE INSTITUTE OF EXTERNAL LABOR MIGRATION OF WORKERS OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION: CONCEPT, PLACE IN THE LEGAL SYSTEM AND DEVELOPMENT PROSPECTS	46
Pokotilenko N.A. ABOUT THE GENERAL THEORETICAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT AND SIGNS OF A CONSTITUTIONAL OFFENSE	54
Khayrullin R.R., Sungatullina K.A. THE USE OF AUTOMATED WORKPLACES IN OPERATIONAL AND SERVICE ACTIVITIES BY EMPLOYEES OF THE TRAFFIC POLICE PATROL SERVICE OF THE TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA	62

Criminal law and criminology; penal enforcement law

Arkhiptsev I.N., Belsky A.I., Sarychev A.V. PROBLEMS OF PREVENTION OF CRIMINAL DEVIATIONS IN RELATION TO MINORS AND MINORS ON THE INTERNET	70
Sorokin A.I. PECULIARITIES OF THE QUALIFICATION OF PREVENTION TO COMMIT SUICIDE OR ASSISTANCE TO SUICIDE	80

Criminal proceedings

Bystrova Yu.V. PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION AND EQUALITY OF THE PARTIES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS: BIAS TOWARDS THE PROSECUTION	87
Vinogradova V.A. PARTICIPATION OF A PSYCHOLOGIST IN THE INTERROGATION BY THE COURT OF A MINOR VICTIM	95
Vorobey S.N., Chaplygina V.N. INSTITUTE OF INVESTIGATIVE JUDGES IN RUSSIA: PROJECTS AND PROJECTS	103
Zamurueva E.Yu. SUFFICIENCY OF THE REASONS FOR ELECTION OF PREVENTIVE MEASURES	111
Kondrashin P.V. JURISDICTION OF MILITARY COURTS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA	119
Lyga A.P. THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE EXECUTION OF MEASURES OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION OF A PROPERTY NATURE (PLEDGE, SEIZURE OF PROPERTY, MONETARY RECOVERY)	127

Nurbaev D.M. SEPARATE ASPECTS OF RECOGNITION OF EVIDENCE INADMISSIBLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS	136
Titova K.A., Litvinova I.V. TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBILITY OF APPLYING EXISTING CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE TO ELECTRONIC EVIDENCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE	144

Forensics; forensic activity; investigative activities

Agafonov A.S. ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION IN THE INVESTIGATION OF CRIMES ASSOCIATED WITH CHANGING MARKINGS OF VEHICLES	153
Grachev S.A., Kryukova A.S. CHECKING REPORTS OF FRAUD ON THE INTERNET AND MAKING A DECISION ON THE INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS	164
Zhurbenko A.M., Sovetova M.V. METHODS OF THEFT OF FUELS AND LUBRICANTS COMMITTED THROUGH APPROPRIATION AND EMBEZZLEMENT BY OFFICIALS IN TRANSPORT, AS AN ELEMENT OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS	172
Emelyanov S.L., Konin V.V., Maryina E.V. THE USE OF VIDEOCONFERENCING IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: CRIMINAL PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS	181
Lukyanchikova S.A. APPLICATION OF ANALYTICAL PROCEDURES IN CONDUCTING FINANCIAL AND ECONOMIC EXPERTISE IN CASES OF ECONOMIC CRIMES	192
Sezonova T.V., Punina O.N. PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION WITH THE USE OF A POLYGRAPH AS A METHOD OF INSTRUMENTAL LIE DETECTION IN THE DETECTION OF CRIMES	202
Smirnov I.M. OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF NEW WAYS OF COMMITTING FRAUDULENT ACTIONS IN THE NETWORK	210
Usachev S.I., Malykhina E.A., Nebratenko G.G. TO THE QUESTION OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE SPHERE OF AUTOMOTIVE INSURANCE AT THE PRESENT STAGE	216
Shurukhnov N.G. METHODOLOGICAL PATTERNS AND PROBLEMS OF EMPIRICAL DATA COLLECTION FOR FORENSIC CHARACTERIZATION	224

«100 лет со дня рождения В.В. Лукьянова»

Научная статья
УДК 351.81

**О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
В.В. ЛУКЬЯНОВА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ПОЛНОМОЧИЙ
ГОСАВТОИНСПЕКЦИИ**

Фазил Назим оглы Зейналов

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, fazil-z@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены ключевые вехи организационно-методического и научного совершенствования деятельности Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации, которые под чутким руководством В.В. Лукьянова были преодолены указанной службой. Приводятся воспоминания и размышления коллег В.В. Лукьянова относительно его научной интуиции, профессионального предвидения, правильности выбранного пути развития государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения и закрепления полномочий за подразделениями по обеспечению безопасности дорожного движения. В статье также приводятся перспективные направления совершенствования подготовки специалистов для подразделений по обеспечению безопасности дорожного движения; определяются перспективные направления дальнейшего совершенствования организационно-методического и научного сопровождения деятельности Госавтоинспекции.

Ключевые слова: Лукьянов В.В., развитие полномочий, Госавтоинспекция, правила дорожного движения, безопасность дорожного движения, основные направления деятельности, орловский юридический институт, организационно-методическое сопровождение, структура Госавтоинспекции, стремление к нулевой смертности

Для цитирования: Зейналов Ф. Н. о. О некоторых направлениях деятельности В.В. Лукьянова в контексте развития полномочий госавтоинспекции // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 11-17.

**ABOUT SOME AREAS OF ACTIVITY OF V.V. LUKYANOV
IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF THE POWERS OF THE STATE
TRAFFIC INSPECTORATE**

Fazil Nazim oglu Zeynalov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia,
fazil-z@yandex.ru

© Зейналов Ф. Н. о., 2022

Abstract. The article discusses the key milestones of organizational, methodological and scientific improvement of the activities of the State Road Safety Inspectorate of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, which were overcome by this service under the strict guidance of V.V. Lukyanov. The memoirs and reflections of V.V. Lukyanov's colleagues are given about his scientific intuition, professional foresight, the correctness of the chosen path of development of the state system for ensuring road safety and securing powers for road safety units. The article also provides promising areas for improving the training of specialists for road safety units; identifies promising areas for further improvement of organizational, methodological and scientific support for the activities of the State Traffic Inspectorate.

Keywords: Lukyanov V.V., development of powers, State Traffic Inspectorate, traffic rules, road safety, main activities, Orel Law Institute, organizational and methodological support, structure of the State Traffic Inspectorate, striving for zero mortality

For citation: Zeynalov F. N. o. About some areas of activity of V.V. Lukyanov in the context of the development of the powers of the State Traffic Inspectorate // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 11-17.

С именем заслуженного юриста России, доктора юридических наук, генерал-лейтенанта милиции Валерия Витальевича Лукьянова связан очень большой и результативный период становления и развития государственной системы обеспечения безопасности дорожного движения, создания на принципиально новой основе службы Госавтоинспекции, внедрения в жизнь опередивших время организационно-управленческих решений, в течение полувека неоспоримо доказавших глубину его научной интуиции и профессионального предвидения.

Именно при нем практически были заложены основы сегодняшней службы Госавтоинспекции, по-настоящему началось ее развитие.

При В.В. Лукьянове на данную службу легла задача организации и практического исполнения комплексной программы обеспечения безопасности дорожного движения в стране. Эти изменения были заметны не только работникам ГАИ, но и всему населению страны.

Как свидетельствуют воспоминания людей, которым довелось с ним работать, он имел новаторский взгляд на проблему безопасности дорожного движения [1, с. 58-59]. Именно им первым было обращено внимание на то, что безопасность на дороге – проблема комплексная и определяется «триадой»: человек – автомобиль – дорога.

Сейчас для нас очевидно, что безопасность дорожного движения зависит от надежности входящих в систему ВАД компонентов [2, с. 34-36], их безотказности, а Госавтоинспекции вменено в обязанности осуществление функций по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию, а также правоприменительные функции – по федеральному государственному контролю (надзору) в сфере безопасности дорожного движения.

В нашем понимании Госавтоинспекция неразрывно связана с обеспечением соответствия улично-дорожной сети нормативным требованиям безопасности, допуском транспортных средств и водителей к участию в дорожном движении, анализом

причин и условий аварийности, профилактикой и пропагандой безопасности дорожного движения¹, но так было не всегда.

В своё время Валерий Витальевич Лукьянов четырнадцать лет проработал в Орловской области. Под его руководством коллектив органов внутренних дел добился высокой результативности в борьбе с преступностью и в охране общественного порядка. С 1967 по 1983 год ему было доверено руководство Главным управлением ГАИ МВД СССР.

Для совершенствования полномочий Госавтоинспекции СССР вновь назначенный ее руководитель, генерал Лукьянов, свои усилия сосредоточил на выработке концепции коренного улучшения деятельности службы с опорой на научную составляющую. Для создания четкого плана действий по коренному преобразованию службы Валерий Витальевич досконально изучил предмет, уясняя для себя государственную систему обеспечения безопасности дорожного движения и роль в ней Госавтоинспекции.

С позиции науки управления сущность системы обеспечения безопасности движения и место в ней Госавтоинспекции Лукьянов определил следующим образом: объект воздействия – процесс дорожного движения; цель воздействия – обеспечение безопасного функционирования этого процесса [3, с. 11-13].

Способ воздействия – убеждение, а при необходимости – и опирающееся на силу закона принуждение к соблюдению всех положенных правил, стандартов и других норм всеми гражданами и организациями.

Госавтоинспекции Лукьяновым отводилась роль основного рабочего органа, обеспечивающего функционирование этой системы. Впоследствии данные положения были закреплены в утвержденном в 1978 году Положении о Государственной автомобильной инспекции². В соответствии с ним Госавтоинспекция осуществляла контроль над соблюдением всеми предприятиями, организациями, учреждениями, гражданами правил, нормативов и стандартов, относящихся к обеспечению безопасности дорожного движения, а также разрабатывала их или принимала участие в их разработке. Последующие годы показали обоснованность такого подхода, в том числе и в настоящее время.

Благодаря усилиям В.В. Лукьянова была определена конкретная линия развития Госавтоинспекции: специализация по всем направлениям деятельности по обеспечению безопасности движения.

По его инициативе были созданы первые строевые подразделения дорожно-патрульной службы, которые сразу же доказали свою полезность; с нуля была организована служба дорожного надзора, началась работа по внедрению автоматизированных систем регулирования уличного движения. В то же время начали создаваться и основы науки безопасности дорожного движения, была организована наша образовательная организация.

Приказом Министра внутренних дел Российской Федерации от 30 мая 2013 года № 310 Орловскому юридическому институту МВД России было присвоено почетное имя В.В. Лукьянова. Это решение является не только данью уважения к заслугам одного из видных руководителей органов внутренних дел советской эпохи. Целесообразность присвоения почетного именованья продиктована в большей степени тем обстоя-

¹ О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Указ Президента Рос. Федерации от 15 июня 1998 г. № 711. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Об утверждении Положения о Государственной автомобильной инспекции [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров СССР от 10 августа 1978 г. № 685. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

тельством, что само возникновение в 1976 году Орловской специальной средней школы милиции и ее последующее развитие воплотили в себе квинтэссенцию новаторских идей Валерия Витальевича Лукьянова [4, с. 20].

Для управления силами дорожно-патрульной службы, организации по горячим следам розыска водителей, совершивших дорожно-транспортное происшествие, и для других послеаварийных действий в составе строевых подразделений были созданы дежурные части, группы по розыску и дознанию.

Оснащение улично-дорожной сети техническими средствами организации дорожного движения в то время было в бедственном состоянии [1, с. 1-82]. По решению В.В. Лукьянова часть функций местных служб коммунального хозяйства и дорожных органов по их изготовлению и установке Госавтоинспекция приняла на себя, и с 1972 года при органах ГАИ стали создаваться специализированные монтажно-эксплуатационные подразделения. Данное спорное решение позволило коренным образом изменить положение дел с оборудованием дорог техническими средствами организации дорожного движения и их эксплуатацией.

Под чутким руководством Лукьянова специализировалась работа по всем другим направлениям деятельности Госавтоинспекции. Так, в 1974 году были созданы регистрационно-экзаменационные подразделения. Обеспечением контроля над техническим состоянием транспорта стали заниматься специальные подразделения, используя для технических осмотров диагностическую базу станций технического обслуживания и автотранспортных предприятий, создавая при этом и свои диагностические станции.

Тогда же было положено начало специализации по линии пропаганды безопасности дорожного движения, работы в этом направлении с детьми, по учету и анализу дорожно-транспортных происшествий, административной практике.

Вне всяких сомнений, развитие службы требовало улучшения ее технического оснащения по всем направлениям деятельности, прежде всего, конечно, для патрулирования. Благодаря личным усилиям Лукьянова с начала 1970-х годов по целевому назначению для Госавтоинспекции стали выделять по 800-1000 штук новых автомобилей. Кроме того, тот вид патрульных транспортных средств Госавтоинспекции, который мы можем сейчас видеть, в большей своей части – тоже задумка В.В. Лукьянова, который в свое время настаивал на специфической окраске патрульных автомобилей ДПС, так называемом мундире, производящем успокаивающее воздействие на нарушителей.

Кроме того, был решен вопрос об оснащении дорожно-патрульной службы инновационными для того времени портативными измерителями скорости. В экзаменационные подразделения поступали легендарные приборы «Вятка», изготовленные по заказу Главного управления ГАИ и позволяющие проводить программированный прием экзаменов.

Начиная с 1969 года, для получения и обработки информации стали применять электронно-вычислительную технику. Это позволило упразднить существовавшую ранее громоздкую отчетность, составление которой отнимало много сил и времени на местах. Теперь сведения о каждом дорожно-транспортном происшествии поступали по телеграфу непосредственно в центр. Для этого в отделах и управлениях ГАИ были установлены телетайпы. На этой основе можно было получить сколь угодно количество таблиц в любых разрезах, что позволяло всесторонне анализировать причины дорожно-транспортных происшествий.

Валерием Витальевичем много было сделано для совершенствования законодательства в сфере безопасности дорожного движения. Особенное внимание им уделялось устранению недоработок при квалификации и назначении наказаний за совершение дорожно-транспортных преступлений и нарушений Правил дорожного движения.

Когда на очередь становилось принятие новых Уголовного и Административного кодексов, закона о безопасности дорожного движения, он обстоятельно рассматривал положения проектов в журналах «Государство и право», «Автомобильный транспорт», постоянным автором которых он был. Также В.В. Лукьянов неоднократно выходил с конкретными предложениями непосредственно к законодателям.

Лукьяновым была введена система подготовки обстоятельных докладов министру об обстановке в сфере БДД и вытекающих из нее предложениях. Он предпринимал энергичные активные действия по их реализации. Валерий Витальевич говорил, что мало найти верные решения, надо «убеждать, согласовывать, завоевывать союзников во многих инстанциях». Он это делал постоянно, энергично, умело.

Поддержку в своих начинаниях В.В. Лукьянов черпал среди своих единомышленников – коллектива Управления ГАИ МВД СССР, реорганизованного впоследствии в Главное управление министерства с созданием в его структуре отделов и отделений, соответствующих всем направлениям службы.

Валерий Витальевич глубоко вникал в функции вновь создаваемых в аппарате ГАИ МВД Союза подразделений, можно сказать, кропотливо определял круг обязанностей их работников, самым серьезным образом следил за подбором кадров. В результате был создан крепкий, сплоченный, слаженный, творчески и увлеченно работающий коллектив. В этой атмосфере хорошо было и начальнику, и подчиненным.

Бесспорно, Валерий Витальевич был подвижник и сеятель. Служба ГАИ под его руководством была в кратчайшие сроки преобразована, упорядочена ее структура, а также включила в свои полномочия новые направления деятельности.

Обновлённая служба ГАИ нуждалась в новых высококвалифицированных сотрудниках, и в связи с этим под его покровительством в Орле, в 1976 году, была создана специальная средняя школа милиции МВД СССР, теперь – юридический институт. В «Народном музее» института ему посвящена одна из экспозиций, а в институте в 2011 году был открыт бюст генерал-лейтенанта милиции В.В. Лукьянова.

В соответствии с приказом Министра внутренних дел России Владимира Александровича Колокольцева детищу Валерия Витальевича Лукьянова – Орловскому юридическому институту МВД России в мае 2013 года присвоено его имя.

Вне всяких сомнений, оказанная коллективу образовательной организации честь носить имя «патриарха» Госавтоинспекции обязывает институт строить свою профессиональную деятельность, неукоснительно соблюдая его новаторский подход и заложенные им традиции.

Институт по праву является одним из немногих образовательных организаций МВД России, который практически полностью перешел на практико-ориентированную подготовку специалистов для Госавтоинспекции.

Усилиями коллектива института:

- был создан и функционирует межкафедральный многофункциональный учебно-полигонный комплекс на загородной базе института, включающий в себя автомотодром, соответствующую государственным стандартам улично-дорожную сеть небольшого города со всем спектром технических средств организации дорожного движения, позволяющую на занятиях отработать почти все элементы оперативно-служебной деятельности сотрудника Госавтоинспекции;

- профессорско-преподавательский состав института поддерживает международные связи в научной и организационно-методической сферах работы по подготовке кадров;

- поддерживается тесное сотрудничество с ГУОБДД МВД России, Научным центром безопасности дорожного движения МВД России, с органами внутренних дел дружественных государств; диплом об окончании Орловского юридического института

МВД России имени В.В. Лукьянова свидетельствует о подготовке высококвалифицированного специалиста не только в Российской Федерации, но и в республиках Монголии, Узбекистана, Туркменистана, Таджикистана и др.;

- в институте запущена и функционирует программа контраварийной подготовки, обеспечивающей уникальный подход к формированию умений и навыков безопасного управления служебным транспортом при выполнении оперативно-служебных задач сотрудниками Госавтоинспекции;

- ведётся совершенствование материально-технической базы института в целях обеспечения подготовки специалистов для Госавтоинспекции, отвечающей требованиям современности и состоянию научно-технического прогресса.

Сейчас дело Валерия Витальевича живет. ГУОБДД, основываясь на заложенных им традициях, продолжает работу по тем направлениям, которые им были определены как ключевые (подтверждение этому мы можем видеть и в законодательских инициативах, и в мероприятиях, проводимых ГОБДД как самостоятельно, так и во взаимодействии с субъектами, заинтересованными в обеспечении безопасности дорожного движения, участия в решениях проблем повышения безопасности дорожного движения на различных площадках и в различных форматах) [5, с. 170].

Госавтоинспекция осуществляет функции и полномочия по осуществлению мониторинга и оценки состояния безопасности дорожного движения, участвует в разработке и реализации государственной политики и нормативно-правового регулирования в сфере безопасности дорожного движения, активно участвует в реализации мероприятий по основным направлениям Стратегии БДД в России на 2018–2024 годы³, Национального проекта «Безопасные качественные дороги» [6, с. 85].

Научная интуиция и профессиональное предвидение В.В. Лукьянова позволили отстроить структуру Госавтоинспекции, сферу ее полномочий таким образом, что позволяет решать стоящие перед службой задачи, в том числе по стремлению к нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях к 2030 году.

Список источников

1. Жизнь на переднем крае / под общей ред. начальника ДОБДД МВД России – главного государственного инспектора безопасности дорожного движения Российской Федерации В.Н. Кирьянова. Москва, 2008. 208 с.
2. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Транспорт, 1983. 262 с.
3. Лукьянов В.В. Проблемы дорожного движения. М.: Знание, 1972. 48 с.
4. Сальников Е.В., Леонова И.А., Власов В.В. Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова: традиции и перспективы развития: монография. Орёл: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. 49 с.
5. Зейналов Ф.Н. Об основных положениях национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова, 2020. С. 168-173.
6. Зейналов Ф.Н. Некоторые аспекты безопасности дорожного движения, требующие внимания в контексте реализации направлений Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы. Современное состо-

³ Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018-2024 годы [Электронный ресурс]: Распоряжение Правительства Рос. Федерации от 8 января 2018 г. № 1-п // Официальный сайт правительства Рос. Федерации. URL: <http://static.government.ru/media/files/g6BXGgD-I4fCEiD4-xDdJUwIxd-PATBC12.pdf>

яние и перспективы обеспечения безопасности дорожного движения: теория и практика: сборник трудов одноименной конференции. Орел, 2019. С. 84-93.

References

1. Zhizn' na perednem krae / pod obshchej red. nachal'nika DOBDD MVD Rossii – glavnogo gosudarstvennogo inspektora bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya Rossijskoj Federacii V.N. Kir'yanova. Moskva, 2008. 208 s.
2. Luk'yanov V.V. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Transport, 1983. 262 s.
3. Luk'yanov V.V. Problemy dorozhnogo dvizheniya. M.: Znanie, 1972. 48 s.
4. Sal'nikov E.V., Leonova I.A., Vlasov V.V. Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova: tradicii i perspektivy razvitiya: monografiya. Oryol: OrYUI MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2017. 49 s.
5. Zejnalov F.N. Ob osnovnyh polozheniyah nacional'nogo proekta «Bezopasnye i kachestvennye avtomobil'nye dorogi» // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova, 2020. S. 168-173.
6. Zejnalov F.N. Nekotorye aspekty bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya, trebuyushchie vnimaniya v kontekste realizacii napravlenij Strategii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya v Rossijskoj Federacii na 2018–2024 gody. Sovremennoe sostoyanie i perspektivy obespecheniya bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya: teoriya i praktika: sbornik trudov odnoimennoj konferencii. Orel, 2019. S. 84-93.

Информация об авторе

Фазил Назим оглы Зейналов. Начальник кафедры организации деятельности ГИБДД Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Fazil N. o. Zeynalov. Head of the chair of organization of Organization of the Traffic Police Activities.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 07.04.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted March 10, 2022; approved after reviewing April 7; 2022; accepted to the writing of the article for publication April 21, 2022.

Научная статья
УДК 342

В.В. ЛУКЬЯНОВ И ФОРМИРОВАНИЕ НАУЧНОГО ПОДХОДА К СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Евгений Вячеславович Сальников¹, Сергей Александрович Гаврилин²

^{1,2}Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия

¹esalnikov5@mvd.ru

²gavrilinsa@mail.ru

Аннотация. Статья представляет собой историко-правовое исследование научного творчества В.В. Лукьянова. Авторы обосновывают, что предпринятые Лукьяновым на посту начальника государственной автомобильной инспекции МВД СССР реформы были результативными в силу опоры на научные исследования. В статье приводятся основные труды В.В. Лукьянова, излагаются его наиболее значимые идеи. Авторы реконструируют эволюцию творческих взглядов В.В. Лукьянова на проблему обеспечения безопасности дорожного движения. Особое внимание в статье уделено подходу В.В. Лукьянова к трактовке состава дорожно-транспортных преступлений, его вкладу в понимание механизма совершения данных преступлений, специфическим характеристикам виновности данных деяний.

Ключевые слова: Лукьянов В.В., история юридической науки, научное обеспечение безопасности дорожного движения, реформы, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Сальников Е.В., Гаврилин С.А. В.В. Лукьянов и формирование научного подхода к системе обеспечения безопасности дорожного движения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 18-25.

V.V. LUKYANOV AND THE FORMATION OF A SCIENTIFIC APPROACH TO THE ROAD SAFETY SYSTEM

Evgeniy W. Salnikov¹, Sergey A. Gavrilin²

^{1,2}Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia

¹esalnikov5@mvd.ru

²gavrilinsa@mail.ru

Abstract. The article is a historical and legal study of the scientific creativity of V.V. Lukyanov. The authors substantiate that the reforms undertaken by Lukyanov as head of the State Automobile Inspection of the Ministry of Internal Affairs of the USSR were effective due to reliance on scientific research. The article presents the main works of V.V. Lukyanov, outlines his most significant ideas. The authors reconstruct the evolution of V.V. Lukyanov's creative views on the problem of road safety. Special attention is paid in the article to V.V. Lukyanov's approach to the interpretation of the composition of road traffic crimes, his contribution to understanding the mechanism of committing these crimes, specific characteristics of the culpability of these acts.

Keywords: Lukyanov V.V., history of legal science, scientific provision of road safety, reforms, road safety

For citation: Salnikov E. V., Gavrilin S. A. V.V. Lukyanov and the formation of a scientific approach to the road safety system // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 18-25.

В 2022 году исполнилось 100 лет со дня рождения доктора юридических наук, профессора генерал-лейтенанта милиции Валерия Витальевича Лукьянова. Вклад этого выдающегося ученого и организатора в развитие советской административно-правовой науки и в целом в развитие концепции научного обеспечения деятельности органов внутренних дел СССР трудно переоценить. Достаточно сказать, что именно Валерий Витальевич Лукьянов был тем руководителем Государственной Автомобильной инспекции МВД СССР, при котором впервые был озвучен и реализован тезис об организации обеспечения деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения на научной основе, а сама служба Госавтоинспекции стала многофункциональным, высокотехнологичным подразделением МВД СССР.

Вместе с тем признание выдающихся заслуг В.В. Лукьянова в организации деятельности ГАИ МВД СССР, которую он возглавлял с 1967 по 1983 годы, не нашло на настоящий момент своего отражения в комплексном историческом исследовании данного периода деятельности ГАИ МВД СССР. В настоящее время преобладает мемуарное освещение фигуры В.В. Лукьянова, в рамках которого он представлен, прежде всего, талантливым организатором и неординарной личностью. Именно такой подход воплощен в сборнике воспоминаний, посвященных 90-летию В.В. Лукьянова [1, с. 57], мемуарах П.И. Решетнюка [2, с. 320] и документально-художественной книге В.А. Потиевского [3, с. 78].

Непосредственно изучению научных воззрений В.В. Лукьянова, его административно-правовым и уголовно-правовым идеям и в особенности его взгляду на проблему дорожно-транспортных преступлений уделено значительно меньшее внимание. Данное положение дел резко контрастирует с тем вкладом, который внес в систему научного обеспечения безопасности дорожного движения сам В.В. Лукьянов. По воспоминаниям Б.В. Россинского, знание Лукьяновым юридических вопросов, а также проблем, «казалось бы, далеко выходящих за круг его профессиональных интересов», просто потрясало [4, с. 103]. «Это был крупный ученый, обогативший теорию и практику науки по безопасности дорожного движения, в том числе юридической его составляющей, новыми положениями и выводами» [5, с. 122]. При этом как указывал сам Лукьянов в своих воспоминаниях, огромное значение в реализации научного подхода к деятельности Госавтоинспекции и к становлению самого Лукьянова как ученого сыграла поддержка министра внутренних дел СССР Н.А. Щелокова, для которого научное обеспечение деятельности органов внутренних дел было фундаментально важным.

Исторический анализ научного наследия В.В. Лукьянова показывает, что в центре его исследовательского интереса на протяжении всей творческой деятельности находились вопросы обеспечения безопасности дорожного движения и в том числе проблемы квалификации и противодействия дорожно-транспортным преступлениям и административным правонарушениям.

Свою первую монографическую работу «Случай на дороге» [6, с. 118] В.В. Лукьянов публикует еще в 1961 году, когда он служил заместителем начальника Управления охраны общественного порядка Орловского облисполкома. В этой работе Лукьянов рассматривал опыт практической деятельности по обеспечению безопасности дорожного движения, полученный им за десятилетие службы на различных должностях

Госавтоинспекции, на эмпирическом уровне фиксируя имеющиеся проблемы обеспечения безопасности дорожного движения и организации деятельности ГАИ.

6 мая 1966 года в газете «Советская Россия» публикуется статья В.В. Лукьянова, ставшего к тому времени уже начальником Управления охраны общественного порядка Орловского облисполкома, «Раздумья на перекрестке». В ней Лукьянов поднимает вопрос о роли и месте организации дорожного движения в транспортной системе СССР, а также впервые формулирует мысль о необходимости подготовки инженеров по организации движения и введения таких специалистов в штаты ГАИ, а также в городские органы управления и в коммунальные службы. Кроме того, в этой же статье автор предлагал на смену разрозненным научным исследованиям создать специальный научно-исследовательский центр или институт по проблемам научного обеспечения безопасности дорожного движения, который бы занимался изучением всех элементов комплекса БДД «человек – автомобиль – дорога – среда».

Новый импульс научному творчеству Валерия Витальевича Лукьянова придало назначение начальником Управления ГАИ МВД СССР. Спустя всего несколько месяцев пребывания в должности, в сентябре 1967 года, В.В. Лукьянов пишет докладную записку Щелокову, в которой излагает четкий план действий по реорганизации ГАИ. В основе этого плана лежало научное осмысление принципов обеспечения безопасности дорожного движения. На этом этапе огромное значение в становлении Лукьянова как ученого сыграла поддержка его деятельности министром внутренних дел Николаем Анисимовичем Щелоковым. Лукьянов вспоминал: «Н.А. Щелоков действительно дал полную самостоятельность и поддерживал любое разумное предложение. Он даже предложил мне как-то на основе моих докладных по реорганизации ГАИ написать книгу о государственной системе обеспечения безопасности дорожного движения и роли в ней Госавтоинспекции. Для чего предоставлял творческий отпуск. Отпуска я, конечно, не взял – изо дня в день шла перестройка службы, а книгу написал» [5, с. 23]. Действительно, уже в 1973 году В.В. Лукьянов завершает работу и представляет к защите диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.08 на тему «Правовые и организационные проблемы совершенствования общегосударственной системы обеспечения безопасности дорожного движения», которую и защищает в диссертационном совете на базе Высшей школы МВД СССР.

Еще в одной из своих ранних работ В.В. Лукьянов сформулировал базовый тезис о месте и роли научного обеспечения деятельности по обеспечению дорожного движения, тем самым заложив начало целой отрасли научных исследований. По мнению В.В. Лукьянова, основу общегосударственной системы обеспечения безопасности дорожного движения составляет «обязательное соблюдение соответствующих нормативов, стандартов и правил во всех сферах народнохозяйственной деятельности. Успех функционирования этой системы может быть обеспечен лишь в том случае, если не будет упущено ни одно из ее звеньев и в то же время по каждому отдельному направлению найдут реальное осуществление конкретные меры, разработанные на прочной научной основе» [7, с. 25].

В развитие своих исследований в период своего пребывания в должности начальника Управления (Главного управления) Госавтоинспекции МВД СССР Лукьянов пишет ряд фундаментальных монографических работ: «Проблемы дорожного движения» (1972) [7], «Безопасность дорожного движения» (1978) [8] (второе издание, переработанное и дополненное, увидело свет в 1983 году) [9], «Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений» (1979) [10]. В этот период В.В. Лукьянов публикуется и в научных журналах: «Наука и жизнь» (1972) [11], «Советское государство

и право» (1974) [12, с. 35], а также в сборниках материалов по проблемам безопасности дорожного движения.

В 1979 году Валерий Витальевич Лукьянов защищает в Академии МВД СССР докторскую диссертацию по теме «Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений». Оппонентами по диссертации выступали доктор философских наук, профессор, академик Гришиани Д.М., доктор юридических наук, профессор Б.С. Никифоров и доктор юридических наук, профессор Б.А. Куринов. Уровень диссертации подчеркивал тот факт, что ведущей организацией по диссертации выступал Институт государства и права Академии наук СССР.

Определяя направления актуальных научных исследований системы безопасности дорожного движения, В.В. Лукьянов выделял такие важнейшие темы, как:

комплексное изучение дорожного движения – в первую очередь с позиций безопасности; обеспечение взаимодействия различных научных направлений, нацеленных на исследование этого процесса, их интеграции; развитие «стыковой» отрасли знаний;

разработка нормативов и рекомендаций в области безопасности дорожного движения, относящихся ко всем трем составляющим процесс дорожного движения: участникам дорожного движения, транспортным средствам, дорожным условиям;

разработка методики контроля за соблюдением утвержденных в установленном порядке нормативов;

совершенствование методов регулирования движения с использованием современных технических средств; широкое внедрение автоматизированных (компьютерных, говоря современными терминами) технологий в систему обеспечения безопасности дорожного движения.

Впервые именно В.В. Лукьяновым были сформулированы основные административно-правовые и уголовно-правовые проблемы дорожно-транспортных происшествий и предложено авторское видение вариантов их разрешения. В.В. Лукьянов формулирует важнейшие вопросы о составе дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: каким образом нарушение правил дорожного движения приводит к причинению вреда; что представляет собой безопасность дорожного движения, выступающая в качестве объекта посягательства; как разграничить умысел и неосторожность в их совершении; как отграничить общественно опасные нарушения от других нарушений правил дорожного движения, определить форму вины в их совершении. Именно Лукьянов настаивал на включении в сферу научных исканий подетального изучения механизма дорожно-транспортного происшествия, выявлении такого существенного, обязательного его элемента, как аварийная обстановка.

Центральной темой научных исследований В.В. Лукьянова после его ухода с поста начальника Главного управления ГАИ МВД СССР становится сущностная характеристика дорожно-транспортных преступлений, специфики виновности лица в их совершении (разграничение умысла и неосторожности, противодействие концепции умышленно-неумышленной (смешанной) формы вины), взаимосвязи нарушений правил дорожного движения и причиненного вреда.

В.В. Лукьянов резко критиковал трактовку дорожно-транспортных преступлений в рамках концепции двойной, которая впервые была сформулирована в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР 1965 г. «О судебной практике по делам, связанным с нарушением правил безопасности движения и эксплуатации транспорта или городского электротранспорта». Согласно данному разъяснению Пленума, в автодорожных преступлениях «отношение виновного к нарушению правил безопасности движения и эксплуатации транспортных средств может выражаться как в форме умысла, так и неосторожности, а к наступившим последствиям только в форме неосторожности».

По мысли В.В. Лукьянова, подобная трактовка приводит к тому, что «в одном ряду перед законом оказываются и лица, проявляющие при совершении преступлений хулиганское и другие антиобщественные наклонности, явное пренебрежение к безопасности окружающих, и водители, допустившие случайную ошибку по невнимательности или недостатку опыта» [13, с. 37].

Преодоление проблемы субъективной стороны дорожно-транспортных преступлений Лукьянов видел на путях выяснения механизма дорожно-транспортного происшествия, с учетом того обстоятельства, что «причинение вреда осуществляется не человеком, управляющим транспортным средством с нарушением правил дорожного движения, а бездушной машиной, которая вышла из-под его власти в результате того или иного нарушения правил, и потому стала подчиняться не человеку, а физическим законам движения, превратившись в носителя стихийной разрушительной силы» [13, с. 38].

Эти свои идеи В.В. Лукьянов изложил в работах: «Мир на колесах: книга для тех, кто за рулем» (1991 г.) [14]; «Транспортные и другие техногенные преступления, и проступки: состав и квалификация» (1997 г.) [15]; «Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: специальные вопросы уголовного и административного права» (2003 г.) [16]; «Дорожно-транспортные преступления и административные правонарушения. Проблемы и решения» (2005 г.) [13].

Интерес представляют и статьи Валерия Витальевича Лукьянова: «К вопросу о раздвоении вины в преступлениях со сложным составом» [17], «Двойная вина – свидетельство отставания юридической науки от требований технического прогресса» [18], «Административные правонарушения и уголовные преступления: в чем их различие?» [19], «Технический прогресс и уголовное законодательство» [20], «Исключить из Уголовного Кодекса статью об ответственности за преступления с двумя формами вины» [21], «Форма вины в дорожно-транспортных правонарушениях» [18], опубликованные в ведущих юридических научных журналах «Советское государство и право», «Государство и право», «Российская юстиция».

При этом В.В. Лукьянов видел проблему дорожно-транспортных преступлений максимально широко, указывая на необходимость «исследования самой сущности такого явления, как дорожно-транспортное происшествие, совершенное по вине человека, во всем многообразии факторов, его порождающих и составляющих. Это как раз наиболее подходящий объект для криминологии, занимающейся не столько вопросами квалификации преступления и определения меры наказания, сколько всесторонним изучением причин возникновения преступлений» [7, с. 25].

В настоящее время достижения поставленных целей снижения аварийности на дорогах, уменьшения тяжести вреда, наносимого дорожно-транспортными преступлениями, оказались, к сожалению, не в полной мере востребованными. Сам выдающийся ученый в конце своей жизни признавал, что поставленные им и его учениками проблемы далеки от своего разрешения. Анализируя полувековую историю исследований проблем безопасности дорожного движения в юридической науке, В.В. Лукьянов в 2003 году признавал, что «за это время были рассмотрены миллионы дел по факту дорожно-транспортных преступлений с привлечением к административной и уголовной ответственности, уголовное и административное законодательство подверглось значительным изменениям, выпускались многочисленные к нему комментарии, издавались руководящие разъяснения высших судебных органов, защищались диссертации, на страницах юридических журналов шла оживленная дискуссия, выдвигались концепции, опровергавшие друг друга, – словом, работа кипела... Но Фемида к российским

воителям осталась неблагосклонной. Как и полвека назад, остался неразрешимым вопрос о разграничении умысла и неосторожности в совершении дорожно-транспортных преступлений. Не только не разрешен, но и не поставлен вопрос о сущностной связи нарушения правил дорожного движения с причинением вреда и т. д.» [16, с. 58]. В своей еще более поздней работе 2005 года В.В. Лукьянов категорически заявляет, что «представители науки, занятые в этой области, продолжают придерживаться явно устаревших взглядов относительно общественной опасности административных правонарушений, унаследованных с тех времен, когда эти нарушения носили в основном бытовой характер» [13, с. 38].

Сегодня, когда развитие автомобилизации и усложнение дорожно-транспортной сети ставит перед учеными-правоведами сложные задачи по совершенствованию обеспечения дорожного движения, идеи В.В. Лукьянова как никогда востребованы и актуальны. В год его столетия важно вспомнить о нем не только как о выдающемся организаторе, государственном деятеле и об одном из наиболее значимых сотрудников органов внутренних дел МВД СССР, но и как об ученом, чьи идеи и сегодня могут служить достаточным основанием для новых подходов и свежих решений.

Список источников

1. Жизнь на переднем крае. Очерк жизни и сб. воспоминаний, посвященных В.В. Лукьянову / под общ. ред. В.Н. Кирьянова. М., 2008. 208 с.
2. Решетнюк П.И. ГАИ, ГАИ, моя звезда: записки провинциального автоинспектора. Петрозаводск: Острова, 2011. 320 с.
3. Потиевский В.А. Истина и танки войны. М.: Барс. 2002. 120 с.
4. Россинский Б.В. Встреча, которая перевернула мою жизнь... / Жизнь на переднем крае. Очерк жизни и сб. воспоминаний, посвященных В.В. Лукьянову / под общ. ред. В.Н. Кирьянова. М., 2008. 208 с.
5. Шевчук А.А. Из когорты сильных духом... / Жизнь на переднем крае. Очерк жизни и сб. воспоминаний, посвященных В.В. Лукьянову / под общ. ред. В.Н. Кирьянова. М., 2008. 208 с.
6. Лукьянов В.В. Случай на дороге. Орел: Кн. издательство, 1961. 82 с.
7. Лукьянов В.В. Проблемы дорожного движения. М.: Знание, 1972. 48 с.
8. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. М.: Транспорт, 1978. 212 с.
9. Лукьянов В.В. Безопасность дорожного движения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Транспорт, 1983. 262 с.
10. Лукьянов В.В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений. М.: Юрид. лит. 1979. 288 с.
11. Лукьянов В.В. Беспокойный мир дороги // Наука и жизнь. 1972. № 6. С. 21-28.
12. Лукьянов В.В. Законодательство об ответственности за дорожно-транспортные преступления нуждается в совершенствовании // Советское государство и право. 1974. № 9. С. 34-41.
13. Лукьянов В.В. Дорожно-транспортные преступления и административные правонарушения. Проблемы и решения. М.: НИП «2Р», 2005. 88 с.
14. Лукьянов В.В. Мир на колесах: книга для тех, кто за рулем. М.: МП «Имидж», 1991. 127 с.
15. Лукьянов В.В. Транспортные и другие техногенные преступления, и проступки: состав и квалификация. М.: Изд. дом «Центр Плюс», 1997. 112 с.

16. Лукьянов В.В. Состав и квалификация дорожно-транспортных преступлений и административных правонарушений: специальные вопросы уголовного и административного права. М.: Изд-во Дашков и К0, 2003. 136 с.
17. Лукьянов В.В. К вопросу о раздвоении вины в преступлениях со сложным составом // Советское государство и право. 1988. № 4. С. 17-29.
18. Лукьянов В.В. «Двойная вина» – свидетельство отставания юридической науки от требований технического прогресса // Государство и право. 1994. № 12. С. 22-31.
19. Лукьянов В.В. Административные правонарушения и уголовные преступления: в чем их различие? // Государство и право. 1996. № 3. С. 12-20.
20. Лукьянов В.В. Технический прогресс и уголовное законодательство // Российская юстиция. 1999. № 10. С. 4-11.
21. Лукьянов В.В. Исключить из УК статью об ответственности за преступления с двумя формами вины // Российская юстиция. 2002. № 3. С. 18-26.

References

1. Zhizn' na perednem krae. Ocherk zhizni i sb. vospominanij, posvyashchennyh V.V. Luk'yanovu / pod obshch. red. V.N. Kir'yanova. M., 2008. 208 s.
2. Reshetnyuk P.I. GAI, GAI, moja zvezda: zapiski provincial'nogo avtoinspektora. Petrozavodsk: Ostrova, 2011. 320 s.
3. Potievskij V.A. Istina i tanki vojny. M.: Bars. 2002. 120 s.
4. Rossinskij B.V. Vstrecha, kotoraya perevernula moyu zhizn'... / Zhizn' na perednem krae. Ocherk zhizni i sb. vospominanij, posvyashchennyh V.V. Luk'yanovu / pod obshch. red. V.N. Kir'yanova. M., 2008. 208 s.
5. Shevchuk A.A. Iz kogorty sil'nyh duhom... / Zhizn' na perednem krae. Ocherk zhizni i sb. vospominanij, posvyashchennyh V.V. Luk'yanovu / pod obshch. red. V.N. Kir'yanova. M., 2008. 208 s.
6. Luk'yanov V.V. Sluchaj na doroge. Orel: Kn. izdatel'stvo, 1961. 82 s.
7. Luk'yanov V.V. Problemy dorozhnogo dvizheniya. M.: Znanie, 1972. 48 s.
8. Luk'yanov V.V. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. M.: Transport, 1978. 212 s.
9. Luk'yanov V.V. Bezopasnost' dorozhnogo dvizheniya. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Transport, 1983. 262 s.
10. Luk'yanov V.V. Problemy kvalifikacii dorozhno-transportnyh prestuplenij. M.: Yurid. lit., 1979. 288 s.
11. Luk'yanov V.V. Bespokojnyj mir dorogi // Nauka i zhizn'. 1972. № 6. S. 21-28.
12. Luk'yanov V.V. Zakonodatel'stvo ob otvetstvennosti za dorozhno-transportnye prestupleniya nuzhdaetsya v sovershenstvovanii // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1974. № 9. S. 34-41.
13. Luk'yanov V.V. Dorozhno-transportnye prestupleniya i administrativnye pravonarusheniya. Problemy i resheniya. M.: NIP «2R», 2005. 88 s.
14. Luk'yanov V.V. Mir na kolesah: kniga dlya tekhn, kto za rulem. M.: MP «Imidzh», 1991. 127 s.
15. Luk'yanov V.V. Transportnye i drugie tekhnogennye prestupleniya i prostupki: sostav i kvalifikaciya. M.: Izd. dom «Centr Plyus», 1997. 112 s.
16. Luk'yanov V.V. Sostav i kvalifikaciya dorozhno-transportnyh prestuplenij i administrativnyh pravonarushenij: special'nye voprosy ugolovnogo i administrativnogo prava. M.: Izd-vo Dashkov i K0, 2003. 136 s.

17. Luk'yanov V.V. K voprosu o razdvoenii viny v prestupleniyah so slozhnym sostavom // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. 1988. № 4. S. 17-29.

18. Luk'yanov V.V. «Dvojnaya vina» – svidetel'stvo otstavaniya yuridicheskoy nauki ot trebovanij tekhnicheskogo progressa // Gosudarstvo i pravo. 1994. № 12. S. 22-31.

19. Luk'yanov V.V. Administrativnye pravonarusheniya i ugolovnye prestupleniya: v chem ih razlichie? // Gosudarstvo i pravo. 1996. № 3. S. 12-20.

20. Luk'yanov V.V. Tekhnicheskij progress i ugolovnoe zakonodatel'stvo // Rossijskaya yusticiya. 1999. № 10. S. 4-11.

21. Luk'yanov V.V. Isklyuchit' iz UK stat'yu ob otvetstvennosti za prestupleniya s dvumya formami viny // Rossijskaya yusticiya. 2002. № 3. S. 18-26.

Информация об авторах

Евгений Вячеславович Сальников. Начальник кафедры социально-философских дисциплин. Доктор философских наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Сергей Александрович Гаврилин. Заместитель начальника кафедры социально-философских дисциплин. Кандидат социологических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Evgeniy W. Salnikov. Head of the chair of Social and Philosophical Disciplines. Doctor of philosophical sciences, associate professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Sergey A. Gavrilin. Deputy Head of the chair of Social and Philosophical Disciplines. Candidate of sociological sciences, associate professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 13.05.2022.

The article was submitted April 3, 2022; approved after reviewing April 22, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 13, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Теория и история права и государства; история правовых учений

Научная статья
УДК 340.132

ПОНЯТИЕ И СОДЕРЖАНИЕ КАТЕГОРИИ «ЭФФЕКТИВНОСТЬ ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ»

Александр Борисович Диваев

Кузбасский институт ФСИН России, Новокузнецк, Россия, divalex09@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены общеправовые проблемы установления эффективности правового воздействия. По итогам исследования сформулирован ряд положений: определено содержание категории «эффективность» применительно к оценке правовых явлений; аргументирован вывод об оценке эффективности права исключительно «в динамике» с точки зрения оценки как непосредственных формально-юридических результатов его действия, так и тех опосредованных общесоциальных последствий, которые наступили при реализации его предписаний; приводятся аргументы в пользу использования в научном обиходе терминов «правовое воздействие», «формально-юридическая эффективность права», «социальная эффективность права».

Ключевые слова: право, правовое воздействие, эффективность, формально-юридическая эффективность, социальная эффективность

Для цитирования: Диваев А.Б. Понятие и содержание категории «эффективность правового воздействия» // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 26-34.

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE CATEGORY "EFFECTIVENESS OF LEGAL IMPACT"

Alexander B. Divaev

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russia, divalex09@mail.ru

Abstract. The article deals with the legal problems of establishing the effectiveness of legal influence. According to the results of the study, a number of provisions are formulated: the content of the category "effectiveness" in relation to the assessment of legal phenomena is determined; the conclusion is reasoned about the assessment of the effectiveness of law exclusively "in dynamics", from the point of view of assessing both the direct formal legal results of its action and those mediated general social consequences that occurred during the implementation of its prescriptions; arguments are given in favor of using the terms "legal impact", "formal legal effectiveness of law", "social effectiveness of law" in scientific usage.

Keywords: law, legal impact, efficiency, formal legal efficiency, social efficiency

For citation: Divaev A.B. The concept and content of the category "effectiveness of legal impact" // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 26-34.

С момента появления права как особого социального института – средства упорядочивания общественных отношений человечество не прекращает работу по его совершенствованию, приведению права к наиболее эффективным формам реализации общественно полезных целей, поставленных перед ним. Этот тезис, думается, бесспорен. В то же время, несмотря на то, что история современной цивилизации – это одновременно и история развития права, научное осмысление процесса повышения его эффективности началось сравнительно недавно.

С чем связано появление таких исследований? В первую очередь – с формированием во второй половине XIX в. социологической школы права, апологеты которой в качестве базовой рассматривали проблему соотношения «должного» (позитивного, писанного) и «сущего» (реального неписанного) в праве, отдавая явное предпочтение «сущему», считая лишь его «настоящим» правом.

В нашей стране изучением этой проблематики в тот период занимались такие известные исследователи, как С.А. Муромцев [1, с. 11-15; 2], К.М. Коркунов [3, с. 183-275], Б.А. Кистяковский [4, с. 338-355], Н.А. Градескул [5, с. 1-44] и др. Уже в их работах заявлялось о том, что выявление и устранение противоречий писанного и реального права – это не что иное, как средство повышения его эффективности. И хотя сам термин «эффективность» в них не звучит, однако чем, как не рассуждением об этом, является следующее высказывание Б.А. Кистяковского: «...есть целая область явлений и фактов, которые должны послужить самостоятельным предметом социально-научного исследования права... Только оно даст возможность законодателю работать не в слепую, не наугад, как это бывает по большей части теперь, а вполне отдавая себе отчет о том, как должен быть издан тот или другой закон для того, чтобы он оказал *желаемое воздействие* (выделено автором – А.Д.) на жизнь» [4, с. 352].

Истинный же расцвет учение об эффективности права пережило в 60–80-е гг. прошлого века, когда оно фактически оформилось в виде самостоятельного направления общеправовых научных исследований.

Одним из пионеров таких исследований был классик советской, а позднее и российской теоретической науки С.С. Алексеев. Еще в 1964 г. на страницах своей работы «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» он исследовал механизм обеспечения эффективности воздействия права на социалистические отношения [6, с. 49-106]. Положения, касающиеся эффективности правового воздействия, высказанные ученым, сыграли важную роль в развитии данной сферы научного познания права. Во многом именно они позволили сформировать теорию эффективности права как самостоятельное исследовательское направление.

Заметим, что одна из сильных сторон представленной разработки заключалась в ее комплексном характере. Правовую эффективность автор предлагал изучать не только с точки зрения результатов действия права как некой данности. С.С. Алексеев совершенно справедливо полагал, что причины неэффективности правового воздействия вполне могут быть и не связаны с самой правовой нормой. Она вполне может быть и не «виновата» в том, что не работает должным образом, а, следовательно, факторы, влияющие на эффективность правового воздействия, необходимо распространять не только на этап реализации уже готового правового предписания. Вполне вероятно наличие таких факторов на этапе правотворчества. Именно поэтому большое внимание выдающийся ученый-правовед уделял вопросам образования права, совершенно справедливо полагая, что истоки эффективности правового воздействия связаны с процессами правообразования и от того, насколько качественно «сотворено» право, во многом зависит его эффективность.

Кроме того, важнейшая роль этой работы С.С. Алексеева видится и в том, что автор впервые предложил не ограничивать роль права исключительно правовым регу-

лированием общественных отношений, рассматривая право гораздо шире во всем многообразии аспектов его взаимодействия с обществом. И с этой точки зрения гораздо более предпочтительным выглядит использованный им термин – *правовое воздействие*, включающий в себя не только специально-юридические, но и иные опосредованные формы воздействия права на общество.

К сожалению, в дальнейшем в теории советского права в вопросах изучения правовой эффективности ученые-правоведы отошли от комплексного изучения правовой эффективности, сосредоточившись на более узких специальных проблемах, что, как представляется, повлияло и на содержание конечных выводов, их некоторую отрешенность от общественных реалий.

Как попытку отхода от формально-юридического взгляда на эффективность права (норм права) и комплексного подхода к этой проблематике следует расценивать появление в правовой науке того периода ряда исследований, посвященных изучению социальной эффективности права.

Так, И.С. Самощенко и В.И. Никитинский, отмечая невозможность с достаточной степенью обоснованности оценить уже имеющиеся в распоряжении научного общества предложения по совершенствованию законодательства, указывали, что одной из причин этого является нехватка «одного звена – знания того, какова социальная эффективность тех норм, которые уже действуют, которые предлагается изменять, дополнять, совершенствовать» [7, с. 5-6].

Наиболее последовательно проблемы определения социальной эффективности права разрабатывались учеными – сторонниками вовлечения социологических методов в изучение правовых явлений, предлагавшими рассматривать право как средство социального управления. Так, один из них – И.А. Дюрягин в качестве объекта исследования предлагал изучать эффективность юридического механизма управления. Сообразно такому пониманию права и механизма его воздействия на общественные отношения автор считал необходимым применить к определению эффективности права критерии, применявшиеся в 70–80 гг. к оценке эффективности управленческой деятельности. Эффективность управления рассматривалась им как «своеобразная *мера полезности* управления с учетом достижения стоящей цели, совершенных затрат, а также полученного результата» [8, с. 123].

Кардинальные изменения 90-х гг., приведшие к слому действовавшего социального уклада и появлению на его месте совершенно нового общественного строя, повлекли за собой и государственно-правовые перемены, что вполне предсказуемо вынудило приостановить исследования в области эффективности права – теории права требовалось время для накопления эмпирического материала, вновь принятые нормы всех уровней должны были показать себя в действии, прежде чем исследователи вновь принялись за изучение этой тематики.

Новый виток дискуссии по рассматриваемой проблеме стартовал на рубеже XX–XXI вв. и развивается до сих пор. За прошедшие два десятилетия появились и работы, в которых дается новая интерпретация выводов, сформулированных еще советской теорией права [9; 10; 11; 12; 13; 14; 15; 16; 17 и др.], и совершенно новые в методологическом плане исследования.

Основные доктринальные новшества, привнесенные современной правовой наукой в теорию эффективности права, связаны с переосмыслением правового статуса личности, попытками определения того, как соотносятся эти правовые категории. Так, А.В. Поляков по этому поводу пишет, что человек является «основным элементом, компонентом, актором такой системы... Само существование правовой системы, как системы отношений между людьми, предполагает, что никакое правовое регулирова-

ние не может быть эффективным в онтологическом/ системном/ аутопойетическом смысле без учета того, что представляет собой человек, каким образом и для чего он способен вступать в правовое общение» [18, с. 21].

Небезынтересны в этой связи и рассуждения В.В. Лапаевой, которая совершенно верно отмечает, что «любая правовая тема, в том числе – повышение качества и эффективности правового регулирования – может быть осмыслена по-разному в зависимости от типа правопонимания, которого придерживаются исследователи» [19, с. 27]. При этом автор, с чем также нельзя не согласиться, одной из основных проблем современного правового развития нашей страны считает то обстоятельство, что «... смена мировоззренческих ориентиров, связанная с переходом к закреплённой в Конституции Российской Федерации человекоцентристской правовой парадигме, не сопровождается соответствующей корректировкой правовой догматики» [19, с. 28]. И как логическое следствие этой посылки в трактовке В.В. Лапаевой – либертарно-юридическое правопонимание – как необходимое условие эффективного правового регулирования. В представлении исследователя только такое, основанное на формальном равенстве всех и каждого понимание права субъектами правовой деятельности, является залогом правовой эффективности [19, с. 31].

И.Л. Честнов в качестве факторов, накладывающих отпечаток на новое, «пост-классическое измерение эффективности правового регулирования», называет антропологичность (человекоразмерность), процессуальность, конструктивизм, контекстуальность (правовое регулирование протекает и зависит от исторического и социокультурного контекста), знаково-символическое опосредование, практикоориентированность [20, с. 90].

С.А. Жинкин в основу своей концепции правовой эффективности также положил антропологический аспект. Следует согласиться с высказанным им мнением о том, что эффективность права как «социально-духовного регулятора» – это многоаспектная категория, и вопреки сложившейся в теории права концепции под ней, прежде всего, следует понимать «успешное осуществление им своего духовного и социального назначения в конкретный исторический период, осуществление господства правовых начал в общественной жизни, когда поведение личности, общественные отношения, деятельность государства оцениваются с позиции справедливости, гуманизма, упорядоченности, предсказуемости и разумности, единства, свободы и ответственности» [21, с. 25-26].

Небезынтересен и вывод автора, считающего, что эффективность права следует отличать от эффективности норм права, которая, по его мнению, тождественна эффективности законодательства. При этом, как пишет С.А. Жинкин, традиционное понимание их эффективности в соотношении цели законодателя и реально достигнутого результата не вполне корректно, так как «при данном подходе цели государства в лице его соответствующих органов рассматриваются как некий абсолют... Тем самым игнорируются не только социальные последствия эффективности соответствующих норм, но и их влияние на человеческую личность, ее духовную и поведенческую самореализацию, а само понятие эффективности носит формальный, этатизированный характер» [21, с. 27].

На что еще обращает внимание представленный спектр позиций современных исследователей по проблемам правовой эффективности, помимо их явной антропоцентричности? Как представляется, совершенно явным здесь видится все больший отход от формально-юридического понимания объективного права как совокупности формально-определённых и обеспеченных государственной властью правил поведения, регламентирующих отношения в определенной сфере общественной жизни. Право в представлении нынешней теории права все больше и больше «социализируется»,

сущностно – все дальше дистанцируется от писаных норм права (законодательства), а, следовательно, и представление об эффективности права (норм права, правового регулирования), его критериях, факторах, влияющих на него, вслед за пониманием права также претерпевает серьезные изменения. Сейчас эффективность – это не только и даже не столько формальная четкость, внутренняя и внешняя непротиворечивость правовой нормы, ее «технологичность» с позиции правотворчества. Сегодня эффективной признается только такая норма закона, которая отражает потребность личности в свободе, правовую суть общества, его внутреннюю правовую природу, в основе чего лежат общечеловеческие ценности. И если право, отраженное в соответствующих нормах, способствует этому – оно, безусловно, эффективно, как эффективна сама норма права, посредством которой право «приходит» в жизнь каждого.

В современном правопонимании правовой позитивизм хотя и постепенно, однако совершенно явно трансформируется в правовой социализм. В этой парадигме вполне уместны и неправовые, а поэтому и неэффективные нормы закона, и неправовые цели государственно-правового воздействия.

Дав очень краткий анализ развития научной мысли по проблемам эффективности права, позволим себе сформулировать ряд общих выводов, отражающих наше видение по основным проблемам данной тематики.

1. Важнейшей проблемой теории права в контексте исследования эффективности этого социального института является вопрос о том, что должно подлежать изучению: эффективность самой нормы права или ее действия. С этой точки зрения в теории права выделяются два подхода, условно названные нами «статическим» и «динамическим». Сторонники первого считают возможным изучать потенциальную эффективность правовой нормы вне рассмотрения того, как эта норма реализуется в общественной жизни, что, по нашему мнению, нельзя считать оценкой эффективности, которая неразрывно связана с результатами действия исследуемого явления (в данном случае правовой нормы). Процесс изучения правовой нормы в статике необходимо рассматривать как процесс прогнозирования возможных (т. е. необязательных) последствий действия правового предписания. Соответственно, исследовать эффективность права на любом уровне (и точки зрения оценки эффективности конкретной нормы права, и при изучении эффективности целой отрасли права) можно исключительно с позиции «динамического» подхода, изучая «право в действии» и, соответственно, ориентируясь на полученные результаты правового воздействия.

2. Что касается вектора развития правовой науки по проблеме эффективности, то, несмотря на явное превалирование на современном этапе исследований, посвященных изучению эффективности *правового регулирования*, что и было продемонстрировано нами выше, по нашему мнению, такой подход нуждается в существенной корректировке как весьма ограниченный вариант исследования эффективности правового воздействия. Как представляется, находясь в такой парадигме, исследователь сознательно лишает себя возможности изучения того, насколько право общественно полезно, сосредотачивая свое внимание исключительно на формальных аспектах действия права.

Поясним сказанное. Дело в том (и это согласуется с результатами теоретико-правовых исследований, проводимых в последние 50 лет), что правовое регулирование – это всего лишь одна из форм специально-юридического воздействия права на общественные отношения, а, следовательно, изучая эффективность правового регулирования, мы всего лишь изучаем то, насколько эффективно право упорядочивает общественные отношения, как его предписания формально воплощаются в жизнь. Безусловно, это важный аспект исследования эффективности права: нормы, которые в принципе не реализуются, априори не эффективны. Однако нужно понимать, что право должно

не только формально претворяться в жизнь, но и оказывать благоприятное общественное воздействие, развивать общественные отношения, предохранять общество от внутренних конфликтов. Если же право «работает», но при этом не приносит общественной пользы или вовсе оказывает негативное общесоциальное воздействие, – такое право эффективно лишь с формальной точки зрения, но на самом деле – общественно вредно. Другими словами, норма права, правовой институт, отрасль права и право в целом как основа правопорядка в обществе и государстве, формально регламентируя общественные отношения, одновременно могут консервировать их в определенном состоянии, не давая хода общественному развитию, сея распри между общественными группами и т. п. Эта негативная сторона «работы» права остается за пределами внимания исследователя и не позволяет ему познать его реальную эффективность, если тот подвергает изучению только то, насколько право эффективно регулирует общественные отношения.

Кроме этого, на наш взгляд, существеннейшее ограничение, сосредоточение усилий на исследовании эффективности правового регулирования также оставляет за границами познания и эффективность охранительного воздействия права – еще одной формы специально-юридического правового воздействия. Изучая формальные аспекты того, насколько эффективно право регулирует общественные отношения, мы способны понять, насколько эффективно оно их упорядочивает. Однако право не только регулирует общественные отношения, но и охраняет их. И как раз эффективность этой формы специально-юридического правового воздействия понять не удастся, если исследовать исключительно эффективность правового регулирования.

Отсюда следует, что, изучая эффективность правового воздействия, мы должны исходить из того, что правовое воздействие не ограничивается его *специально-юридическими формами*. Помимо традиционных регулирования и охраны общественных отношений, право как универсальное социальное средство оказывает иное, опосредованное воздействие на всю систему отношений, сложившихся в социуме, а не только на те отношения, которые составляют предмет его специально-юридического воздействия. Мы назвали такое воздействие *общесоциальным правовым воздействием*, которое отличается от специально-юридических форм правового воздействия своим опосредованным характером, направленностью не на адресата правового предписания – субъекта права, а на определенные социальные группы, и даже общество в целом.

Опосредованность общесоциального правового воздействия – это не только его существенное отличие, но и фактор, значительно усложняющий исследование механизма такого воздействия и его эффективности. Вполне очевидно, что, с одной стороны, его невозможно ни учесть, ни оценить, если подходить к исследованию эффективности права с формально-юридической точки зрения. С другой же – необходимо признать, что вне учета общесоциального воздействия права оценка его эффективности будет не полной, так как в этом случае пренебрегается обязательной составляющей его эффективности – социальной полезностью права.

3. Сообразно сказанному вполне обоснованным выглядит и тезис о необходимости изучения и оценки эффективности правового воздействия на двух уровнях:

- «внешнем» уровне формальной реализации субъектами права правовых предписаний, содержащихся в правовой норме, который мы назвали формально-юридической эффективностью;

- «глубинном» уровне опосредованного общесоциального воздействия права на систему общественных отношений, не входящих в предмет правового регулирования или охраны данной правовой отрасли, составляющем социальную эффективность правового воздействия.

4. Базовой категорией теории эффективности права является, собственно, кате-

гория «эффективность», к содержанию которой также нет единого подхода. В научной литературе, в общем-то, не оспаривается, что вывод об эффективности права необходимо производить на основе оценки соответствия результатов действия правовой нормы, той цели, которая была заложена правотворцем в ее содержание. Однако одни авторы предлагают рассматривать эффективность исключительно с позиции такого соответствия: чем полнее реализована эта цель – тем эффективнее правовое воздействие, оказываемое нормой права. Другие же предлагают в это соотношение вводить третий элемент – средства реализации поставленной цели и, соответственно этому, считать эффективным исключительно такое воздействие, которое не только достигает цели, поставленной перед соответствующей нормой права, но и достигает его наиболее оптимальным набором средств, не допуская чрезмерной траты ресурсов.

Несмотря на внешнюю привлекательность второго подхода к данной проблеме, нам представляется, что он не совсем отвечает правилам логики. Учитывая, что право само по себе является средством достижения поставленной правотворцем цели правового воздействия, вводить в логическое отношение «средство – цель» еще один элемент, также являющийся средством достижения цели, нелогично. Гораздо правильнее здесь говорить об оптимальности как о качественной характеристике права (или правовой нормы) – средства реализации цели правового воздействия, но не как о самостоятельном элементе содержания категории «эффективность», и саму оптимальность правовой нормы (или права в целом) рассматривать как условие его эффективности.

Подводя итог, сформулируем понятие категории «эффективность правового воздействия» и ее критерии.

Если следовать изложенным выше выводам, *эффективность правового воздействия* можно определить как *способность нормы права (правового института, отрасли права, права в целом) реализовывать субъективно поставленную правовую цель посредством регулирования и охраны общественных отношений, достигая при этом объективного социально полезного результата*.

Предложенное определение вполне очевидно демонстрирует и *критерии эффективности правового воздействия*, в качестве которого может выступать только его *результат*, оцениваемый по двум параметрам: степени реализации цели специально-юридического воздействия, которая была заложена в данное правовое средство правотворцем (субъективный критерий) и тем социальным изменениям, которые произошли в силу этого, или их отсутствию (объективный критерий).

Список источников

1. Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 1879. 250 с.
2. Муромцев С.А. Право и справедливость (отрывок из публичной лекции) // Сборник правоведения и общественных знаний. Т. 2. СПб., 1898. 12 с.
3. Коркунов К.М. Лекции по общей теории права. СПб., 1909. 354 с.
4. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. М., 1916. 708 с.
5. Градескул Н.А. К учению об осуществлении права. Интеллектуальный процесс, требующийся для осуществления права. Харьков, 1900. 235 с.
6. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М.: Юридическая Списание источников. 1964. 187 с.
7. Глазырин В.В., Кудрявцев В.Н., Никитинский В.И., Самощенко И.С. Эффективность правовых норм. М.: Юридическая Списание источников. 1980. 280 с.
8. Дюрягин И.Я. Право и управление. М.: Юридическая Списание источников. 1981. 168 с.

9. Зелепукин А.А. Проблемы эффективности российского законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов. 2000. 23 с.
10. Абрамова А.А. Эффективность механизма правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Красноярск. 2006. 206 с.
11. Марина И.Н. Средства повышения эффективности норм права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. 24 с.
12. Хусаинова О.В. Правоприменительная деятельность органов государственной власти: оценка эффективности, основные направления совершенствования (теоретико-правовой аспект). М., 2009. 23 с.
13. Мамай Е.А. Эффективность правоприменительных процедур (теория, практика, техника): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2011. 35 с.
14. Оносов Ю.В. Диалектика соотношения социальной и юридической эффективности правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород. 2011. 31 с.
15. Гильмутдинова М.И. Теоретические основы эффективного правоприменения. Казань. 2012. 22 с.
16. Максуров А.А. Эффективность и качество права. М.: ЭкоООнис. 2015. 372 с.
17. Пунченко С.И. Социальная эффективность права в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар. 2016. 169 с.
18. Поляков А.В. О понятии эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. 2016. С. 19-27.
19. Лапаева В.В. Либертарно-юридическая догматика как фактор повышения качества и эффективности правового регулирования // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. 2016. С. 27-36.
20. Честнов И.Л. Эффективность правового регулирования в постклассическом измерении // Правовое регулирование: проблемы эффективности, легитимности, справедливости: сборник трудов международной научной конференции. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС. 2016. С. 86-99.
21. Жинкин С.А. Эффективность права: антропологическое и психологическое измерение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Краснодар. 2009. 41 с.

References

1. Muromcev S.A. Opredelenie i osnovnoe razdelenie prava. M., 1879 . 250 s.
2. Muromcev S.A. Pravo i spravedlivost` (otry`vok iz publichnoj lekcii) // Sbornik pravovedeniya i obshhestvenny`x znaniy. T. 2. SPb., 1898. 12 s.
3. Korkunov K.M. Lekcii po obshhej teorii prava. SPb., 1909. 354 s.
4. Kistyakovskij B.A. Social`ny`e nauki i pravo. M., 1916. 708 s.
5. Gradeskul N.A. K ucheniyu ob osushhestvlenii prava. Intellektual`ny`j process, trebuyushhij dlya osushhestvleniya prava. Xar`kov, 1900. 235 s.
6. Alekseev S.S. Mexanizm pravovogo regulirovaniya v socialisticheskom gosudarstve. M.: Yuridicheskaya literatura. 1964. 187 s.
7. Glazy`rin V.V., Kudryavcev V.N., Nikitinskij V.I., Samoshhenko I.S. E`ffektivnost` pravovy`x norm. M.: Yuridicheskaya literatura. 1980. 280 c.
8. Dyuryagin I.Ya. Pravo i upravlenie. M.: Yuridicheskaya literatura. 1981. 168 s.
9. Zelepukin A.A. Problemy` e`ffektivnosti rossijskogo zakonodatel`stva: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Saratov. 2000. 23 s.

10. Abramova A.A. E`ffektivnost` mexanizma pravovogo regulirovaniya: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnoyarsk. 2006. 206 s.
11. Marina I.N. Sredstva povыsheniya e`ffektivnosti norm prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2009. 24 s.
12. Xusainova O.V. Pravoprimenitel`naya deyatel`nost` organov gosudarstvennoj vlasti: ocenka e`ffektivnosti, osnovny`e napravleniya sovershenstvovaniya (teoretiko-pravovoj aspekt). M., 2009. 23 s.
13. Mamaj E.A. E`ffektivnost` pravoprimenitel`ny`x procedur (teoriya, praktika, texnika): avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod. 2011. 35 s.
14. Onosov Yu.V. Dialektika sootnosheniya social`noj i juridicheskoy e`ffektivnosti pravovogo regulirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk. N. Novgorod. 2011. 31 s.
15. Gil`mutdinova M.I. Teoreticheskie osnovy` e`ffektivnogo pravoprimeneniya. Kazan`. 2012. 22 s.
16. Maksurov A.A. E`ffektivnost` i kachestvo prava. M.: E`koOnis. 2015. 372 s.
17. Puchenko S.I. Social`naya e`ffektivnost` prava v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. jurid. nauk. Krasnodar. 2016. 169 s.
18. Polyakov A.V. O ponyatii e`ffektivnosti pravovogo regulirovaniya // Pravovoe regulirovanie: problemy` e`ffektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS. 2016. S. 19-27.
19. Lapaeva V.V. Libertarno-yuridicheskaya dogmatika kak faktor povыsheniya kachestva i e`ffektivnosti pravovogo regulirovaniya // Pravovoe regulirovanie: problemy` e`ffektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS. 2016. S. 27-36.
20. Chestnov I.L. E`ffektivnost` pravovogo regulirovaniya v postklassicheskom izmenenii // Pravovoe regulirovanie: problemy` e`ffektivnosti, legitimnosti, spravedlivosti: sbornik trudov mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS. 2016. S. 86-99.
21. Zhinkin S.A. E`ffektivnost` prava: antropologicheskoe i psixologicheskoe izmerenie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk. Krasnodar. 2009. 41 s.

Информация об авторе

Александр Борисович Диваев. Декан юридического факультета. Кандидат юридических наук, доцент.

Кузбасский институт ФСИН России.

654066, Россия, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, д. 49.

Information about the author

Alexander B. Divaev. Dean of the faculty of Law. Candidate of legal sciences, associate professor.

Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.

654066, Russia, Novokuznetsk, ave.Oktyabrsky 4.

Статья поступила в редакцию 05.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 17.05.2022.

The article was submitted April 5, 2022; approved after reviewing May 5, 2022; accepted for publication May 17, 2022.

Научная статья
УДК 342.565.4

АДМИНИСТРАТИВНЫЙ СУД НА «БЕЛОМ» ЮГЕ РОССИИ В 1918-1919 ГОДЫ: СТАНОВЛЕНИЕ, РАЗВИТИЕ, ЛИКВИДАЦИЯ

Динар Рафаилович Зайнутдинов

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП), Казань,
Россия, knight_1988@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается исторический путь развития модели административной юстиции, которая была создана в мае 1917 года Временным правительством на территории «белого» юга России в период Гражданской войны (1918-1919 годы). Условия военного времени требовали повышенного внимания к соблюдению режима законности. В этих целях укреплению судебной ветви власти и прежде всего административных судов «белые» правоведы и юристы уделяли огромное внимание. Поэтому закон об административных судах был всецело интегрирован в нормативную правовую базу государственности «белого» юга. Несмотря на ряд недостатков, существовавших в судебной системе «белого» юга, ее административное направление до осени 1919 года развивалось вполне эффективно.

Ключевые слова: административная юстиция, административный суд, Гражданская война, «белый» режим, Вооруженные силы на юге России, А.И. Деникин

Для цитирования: Зайнутдинов Д.Р. Административный суд на «белом» юге России в 1918-1919 годы: становление, развитие, ликвидация // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 35-45.

ADMINISTRATIVE COURT IN THE «WHITE» SOUTH OF RUSSIA IN 1918-1919: FORMATION, DEVELOPMENT, LIQUIDATION

Dinar R. Zaynutdinov

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia,
knight_1988@mail.ru

Abstract. The article discusses the historical path of development of the model of administrative justice, which was created in May 1917 by the Provisional Government, on the territory of the «white» south of Russia during the Civil War (1918-1919). Wartime conditions demanded increased attention to the rule of law. For these purposes, «white» jurists and lawyers paid great attention to strengthening the judicial branch of government, and above all the administrative courts. Therefore, the law on administrative courts was fully integrated into the regulatory legal framework of the statehood of the «white» south. Despite a number of shortcomings in the judicial system of the «white» south, its administrative direction until the autumn of 1919 developed quite effectively.

Keywords: administrative justice, administrative court, Civil war, «white» regime, the Armed Forces in the South of Russia, A.I. Denikin

© Зайнутдинов Д. Р., 2022

For citation: Zaynutdinov D. R. Administrative court in the «white» south of Russia in 1918-1919: formation, development, liquidation // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 35-45.

Крушение монархии в феврале 1917 года открыло простор для практического воплощения различных концепций, посвященных развитию административной юстиции – от учреждения квазисудебных органов до создания самостоятельных судов. Стронников второй концепции было подавляющее большинство. Поэтому модель административной юстиции 1917 года была реализована именно в трехзвенной системе: административный суд – Административное отделение Окружного суда – Первый департамент Правительствующего Сената. Справедливо заключение А.В. Альхименко и В.В. Альхименко о том, что «принятое Положение “О судах по административным делам” являлось огромным шагом вперед для неповоротливой машины российской системы защиты прав граждан и создало правовую базу для организации и деятельности административной юстиции. Однако Октябрьская революция 1917 г. повела российскую административную юстицию в несколько другом направлении» [1, с. 44].

Хотя в октябре 1917 года в центральной России большевики и отказались от института административной юстиции, но менее чем через полгода она была восстановлена на территории антибольшевистских государственных образований.

Весьма тенденциозно развитие административной юстиции велось на «белом» юге России. При этом в отличие от «белого» востока, где сначала функционировали правосоциалистические антибольшевистские режимы (лето – осень 1918 года), позже – колчаковский режим (осень 1918 – зима 1919 года), на юге России «белая» власть существовала более длительное время – фактически с 31 декабря 1917 года по 30 марта 1920 года. Она была представлена в следующих формах:

- донской триумвират (31 декабря 1917 года – 11 февраля 1918 года);
- военный штаб (февраль – август 1918 года);
- Вооруженные силы на юге России (31 августа 1918 года – 30 декабря 1919 года);
- правительство переходного периода (30 декабря 1919 года – 5 февраля 1920 года);
- Южнорусское правительство (5 февраля 1920 года – 30 марта 1920 года).

Среди этих форм самый заметный след в истории антибольшевистской государственности оставил период функционирования Главнокомандующего Вооруженными силами на юге России (Главком ВСЮР) А.И. Деникина и Особого совещания (председатель А.М. Драгомиров, позже А.С. Лукомский).

Длительное существование антибольшевизма на юге России являлось безусловным преимуществом для проведения целого ряда реформ. Иначе говоря, «белая» власть смогла обеспечить более стабильное функционирование конкретных политико-правовых институтов и осуществлять последовательное претворение в жизнь тех или иных проектов. Конечно, нельзя сказать, что все проекты преследовали цель расширения демократических прав. Одни акты ужесточали наказание для социалистов, другие – были направлены на централизацию органов власти, третьи – в большей степени обеспечивали защиту интересов состоятельных слоев и так далее. Но с другой стороны, многие институты развивались в положительном ключе. К этому блоку как раз и можно отнести административную юстицию, высокую государственно-правовую значимость которой «белый» режим прекрасно осознавал.

Пик могущества «белой» государственности на юге России пришелся на период правления А.И. Деникина. Правовед и начальник осведомительного агентства (ОСВАГ) К.Н. Соколов (1882–1927 годы) писал: «К зиме направлявшийся в Екатеринодар поток «живой силы» еще более увеличился. «Особое совещание» пополнилось новыми людьми. ... управляющим Отделом юстиции был назначен член правления «Национального центра» В.Н. Челищев, бывший председатель московского съезда мировых судей, а при Временном правительстве старший председатель Московской судебной палаты» [2, с. 78-79]. На «белый» юг стекались высококвалифицированные специалисты из всех отраслей государственного управления, в том числе и представители судебной системы.

1919 год стал достаточно продуктивным временем для пополнения и развития нормативной правовой базы административной юстиции, которая была заложена еще Положением «О судах по административным делам»¹ (также известное как «Закон об административных судах»), принятым Временным правительством 30 мая 1917 года.

На заседании Особого совещания при Главком ВСЮР 1 февраля 1919 года было решено в изменении временно установленного приказом Главнокомандующего Добровольческой армией от 28 июля 1918 года № 3 порядка подчинения судебных установлений Ставропольской губернии отозвать чины Ставропольского окружного суда, находящиеся в командировках, к исполнению постоянных обязанностей с восстановлением нормальной деятельности Ставропольского окружного суда, включая административное его отделение².

9 сентября 1918 года было утверждено Временное Положение «Об управлении губерниями и областями, занимаемыми войсками Добровольческой армии». Позднее, 6 марта 1919 года оно было дополнено и переименовано во Временное положение «О гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главкома ВСЮР»³. Следует отметить, что данное положение часто оценивают в негативном спектре, и по большей части эти оценки вполне справедливы. Например, депутат Государственной думы II созыва, юрист, член Всероссийского Учредительного собрания Г.К. Покровский (1877–1937 годы) писал: «Упраздняя демократические органы самоуправления и рабочие профессиональные организации, командование Добровольческой Армии издает и энергично проводит в жизнь «Временное положение о гражданском управлении в местностях, находящихся под верховным управлением Главнокомандующего Вооруженными Силами на юге России», которым делает большой шаг назад, хоронит реформы 1917 года и воскрешает всю систему дореволюционного управления с генерал-губернаторами, губернаторами, приставами, стражниками и т. п. Высшая государственная власть – и законодательная и исполнительная – сосредотачивается в руках главнокомандующего вооруженными силами юга России, при котором находится совещательный орган, – известное уже нам Особое Совещание» [3, с. 94]. Безусловно, Временное положение от 6 марта 1919 года было заточено под Главкома ВСЮР А.И. Деникина – «царя Антона»: оно существенно расширяло его полномочия. Однако Временное положение от 6 марта 1919 года было важно и для развития компетенции административных судов.

¹ Положение «О судах по административным делам» от 30 мая 1917 года // Россия (1917, февраль-октябрь). Законы и постановления: сборник указов и постановлений Временного правительства: Вып. 1-2. Пг., 1917-1918. 2 т. Вып. 2: 5 мая – 24 июля 1917 г. Ч. 1. Отд. I-VIII. 1918. 799 с.

² Журналы заседаний Особого Совещания при Главнокомандующем Вооруженными Силами на Юге России А.И. Деникине. Сентябрь 1918-го – декабрь 1919-го года / под ред. С.В. Мироненко. М.: РОС-СПЭН, 2008. С. 130.

³ Там же. С. 149-163.

Учитывая данный аспект, необходимо подвергнуть общему анализу Временное положение от 6 марта 1919 года. Этот нормативный правовой акт знаменовал очередной этап эволюции института административной юстиции.

Нормы данного правового акта подтверждали свою преемственность законодательства Временного правительства. Например, в ст. 57 указывалось, что права и обязанности губернатора в отношении судов по административным делам определяются Положением от 30 мая 1917 года в части, касающейся прав и обязанностей бывших губернских комиссаров. В ряде случаев Временное положение от 6 марта 1919 года подробнее регламентировало взаимосвязь губернатора как представителя высшей исполнительной власти в губернии с административными судами. Например, ст. 53 было установлено, что в случае замеченных в деятельности местных правительственных учреждений и должностных лиц (ст. 50) нарушений закона, превышения или бездействия власти либо осуществления полномочий с нарушением той цели, для которой они были предоставлены, губернатор, в зависимости от обстоятельств данного дела и установленного законом порядка, имел право приносить протесты в суд по административным делам. На губернатора возлагался и надзор за исполнением решений судов по административным делам (ст. 58).

Временное положение от 6 марта 1919 года также закрепляло возможность подачи жалобы на действия губернатора и вице-губернатора. Данные жалобы подлежали рассмотрению Первым департаментом Правительствующего Сената в порядке административного судопроизводства (ст. 81). Порядок уголовной и гражданской ответственности губернатора за неправомерные действия закреплялся в ст. 82.

Кроме того, Временное положение от 6 марта 1919 года, регулируя пределы власти, права, обязанности и предметы ведения начальника уезда, определяло и его правовой статус в административном процессе. Так, в ст. 129 указывалось, что в случае замеченных в деятельности уездных органов нарушений закона, превышения или бездействия власти или осуществления полномочий с нарушением той цели, для которой они были предоставлены, начальник уезда, в зависимости от обстоятельств данного дела и установленного законом порядка, имел право принести протест в административный суд. Правовой статус начальника уезда в отношении судов по административным делам приравнивался к уездным комиссарам, права и обязанности которых определялись еще Положением от 30 мая 1917 года (ст. 133). В пределах уезда начальник уезда осуществлял надзор за исполнением решений административных судов (ст. 134). В соответствии со ст. 153 Временного положения жалобы на действия начальника уезда и его помощников подлежали разрешению в порядке административного судопроизводства, а приноситься они должны были в административные отделения Окружных судов.

6 марта 1919 года Главкомом ВСЮР А.И. Деникиным было утверждено Временное положение «Об общественном управлении городов в местностях, находящихся под верховным управлением Главкома ВСЮР»⁴. Данным нормативным правовым актом также устанавливалась и очередная категория административных дел. Так, согласно ст. 33 данного Временного положения постановления городской думы, подлежащие утверждению начальником управления внутренних дел (ст. 32), представлялись соответствующему губернатору с его заключением в двухнедельный срок со времени их получения от городской управы. Если начальник Управления внутренних дел не признавал возможным утвердить какое-либо из представленных ему согласно ст. 32 данного Положения постановлений думы, то оно считалось несостоявшимся, о чем городская дума ставила в известность с приведением соображений, послуживших осно-

⁴ Там же. С. 163-176.

ванием решения начальника управления. Если основанием для такого решения начальника управления послужило несоответствие постановления городской думы с законом, то думе предоставлялось принести по этому предмету жалобу высшей инстанции административного суда в месячный срок со дня получения извещения. Согласно ст. 34 Временного положения постановления городской думы, не подлежащие утверждению начальника управления внутренних дел, приводились в действие, если губернатор в двухнедельный срок со дня получения им постановления думы не заявлял протеста в административное отделение Окружного суда ввиду несоответствия постановления думы закону или не приостанавливал постановления думы в порядке ст. 35, известив одновременно о том соответствующую городскую управу. Опротестованные или приостановленные постановления думы не приводились в исполнение до вступления их в законную силу. Усмотрев при производстве ревизии либо иным способом нарушения законности, губернатор доводил об этом до сведения думы и в случае, если думой не принимались соответствующие меры к восстановлению законности, заявлял протест в административное отделение Окружного суда (ст. 49). Порядку обращения в административные суды также были посвящены и ст. 58, 77 и 79 Временного положения от 6 марта 1919 года.

Иначе говоря, административный судебный контроль как особый порядок осуществления правосудия стремительно выделялся в отдельный институт. Целый ряд нормативных правовых актов «белого» юга России расширял ревизионную практику судов в отношении органов и должностных лиц в вопросах, так или иначе затрагивающих охраняемые права и интересы граждан и их общественных объединений. И в этом спектре именно административная юстиция выступала в качестве центрального звена судебной системы. Законодательство «белой» России постепенно выводило административную юстицию на новый уровень, что автоматически укрепляло авторитет всей судебной ветви власти.

В то же время авторы законопроектов, опасаясь засилья лиц с социалистическими взглядами в представительных учреждениях губерний, городов, уездов, стремились поставить эти учреждения под пристальный судебный контроль, а не полицейский надзор (хотя эти стремления часто не реализовывались на практике). Об этом свидетельствуют все нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность органов местного управления и самоуправления. Например, в приложении к ст. 14 Временного положения «Об общественном управлении городов в местностях, находящихся под верховным управлением Главкома ВСЮР», именуемом «О правах и обязанностях председателя городских дум» от 6 марта 1919 года, указывалось, что лица, недовольные распоряжениями председателя городской думы (ст. 5), могли требовать занесения такого распоряжения в журнал заседания, а также подавать жалобы на действия председателя в недельный срок в административное отделение Окружного суда. В совокупности в усилении судебного контроля (его административного ответвления) отражалось желание представителей либерально-демократического лагеря реализовать в будущей России идею правового государства, вынашиваемую ими еще с начала XX века.

Особое совещание при Главкоме ВСЮР А.И. Деникине продолжило повышать значимость административной юстиции и в сфере избирательного права. Административный суд здесь должен был выступать в роли гаранта законности, что во многом повторяет задачу, возложенную на них еще в 1917 году. Подтверждением этого служит принятое 6 февраля 1919 года «Временное положение о выборах городских гласных»⁵. Так, ст. 43 данного Временного положения было установлено, что губернатор или градоначальник могли в семидневный срок со дня получения ими выборного производства

⁵ Там же. С. 177-184.

от городских избирательных комиссий подать протест в административное отделение Окружного суда. В соответствии со ст. 44 жалобы на допущенные при выборах нарушения могли подаваться только лицами, имеющими право участвовать в данных выборах, и притом в течение трех дней со дня выставления списка избранных гласных и кандидатов к ним городской избирательной комиссией. Жалобы эти также подавались в административное отделение Окружного суда. В случае признания административным отделением Окружного суда избрания отдельных гласных и кандидатов в гласные с нарушениями закона данные лица подлежали исключению городской избирательной комиссией из списка гласных и замене очередными кандидатами по соответствующему округу.

Решения суда по данной категории административных дел могли быть обжалованы в месячный срок со дня объявления решения в высшую инстанцию административного суда (ст. 45). В свою очередь, в случаях признания высшей инстанцией административного суда избрания отдельных гласных с нарушениями процедуры выборов они заменялись очередными кандидатами к гласным по соответствующему округу (ст. 49). Весьма интересно, что высшая инстанция административного суда не занималась хранением выборного производства. Так, по истечении всех сроков обжалования или после рассмотрения дела высшей инстанцией административного суда все выборное производство с прилагающимися к нему документами передавалось в городскую думу, где и хранилось до окончания выборов в городскую думу нового созыва и получения городской управой выборного производства по данным выборам (ст. 53).

Примечательно, что Временное положение от 6 февраля 1919 года не содержало наименования высшей инстанцией административного суда, что было связано с процессом децентрализации, проходившим на «белом» юге. Казачьи области, Кавказ и Крым выдвигали жесткие требования в рамках решения проблемы территориального устройства России и децентрализации государственной власти. С повестки не сходил вопрос о построении государства на основе принципа федерализма. Поэтому можно предположить, что авторы указанного Временного положения, внедряя понятие «высшей инстанции административного суда», оставляли широкий простор для его толкования. Под «высшей инстанцией административного суда» можно было понимать либо постоянное присутствие Первого департамента Правительствующего Сената, либо аналогичное отделение «верховного суда» в регионе (например, административное отделение Донского Сената или, как на востоке, – Сибирский Высший суд).

Несмотря на период военного времени, «белый» режим стремился не снижать роль судебного контроля в обеспечении законности и правопорядка. Так, 6 марта 1919 года были утверждены Правила «Об упрощенном, по исключительным обстоятельствам военного времени, управлении городским хозяйством», в которых также закреплялся административно-судебный контроль за постановлениями, издаваемыми городской управой, действующей в качестве учреждения, заменяющего городскую думу. Разделом 6 данных Правил указывалось, что на постановление городской управы, приостановленное ввиду его противоречия с законом, губернатор в двухнедельный срок со дня получения постановления мог подать протест в административное отделение Окружного суда⁶.

«Белые» правоведы либерал-демократического вектора, как было отмечено, огромное значение придавали укреплению судебной ветви власти и ее роли в деле обеспечения режима законности. Так, министр судебных дел (апрель – июль 1918 года) и обер-прокурор (с августа 1918 года) в денкинском правительстве М.П. Чубинский

⁶ Там же. С. 187.

(1871–1943 годы) писал: «Главным устоем правосудия, достойного этого имени, является строгая законность всех действий суда и гарантирующий беспристрастие суда принцип равенства всех перед законом» [4, с. 23-24].

4 апреля 1919 года постановлением Особого совещания при Главкоме ВСЮР А.И. Деникине был принят один из важнейших документов для процесса выстраивания правового пространства «белого» юга – Временное положение «О государственной страже»⁷. Данный нормативный акт можно вполне назвать «законом об особой полиции». Несмотря на то, что данное положение отражало яркий антибольшевистский характер, тем не менее его нормы выступают образцом высокой юридической техники, достигнутой среди «белых» правоведов. «Государственная стража совмещала в себе функции общей и политической полиции, а также внутренних войск. Часть чинов Стражи значилась по военному ведомству, а часть – по гражданскому (это зависело от подразделения, в котором значились эти чины). Структура центрального аппарата делилась на три части: военную, специальные курсы (для подготовки полицейских кадров) и гражданскую. Структура Государственной стражи на местах не была унифицированной и однородной, она устанавливалась в соответствии с особенностями территории, а также в связи со спецификой деятельности Стражи» [5, с. 120]. В условиях военного времени было крайне важно поставить деятельность государственной стражи под соответствующий судебный контроль. В этом ключе роль административных судов была особенно актуальной. Так, ст. 155 Временного положения от 4 апреля 1919 года было предусмотрено, что жалобы на незаконные действия чинов государственной стражи могли приноситься не только вышестоящему начальству или прокурору, но и в административный суд. Кроме того, лица, недовольные постановлениями и распоряжениями начальствующих лиц государственной стражи, также были вправе в двухнедельный срок со дня объявления этих актов обжаловать их в соответствующий административный суд.

Правомочия административного суда на территории «белого» юга расширялись в различных направлениях. Например, 20 мая 1919 года Главкомом ВСЮР А.И. Деникиным были утверждены Правила «Об издании обязательных постановлений», в которых было указано, что жалобы частных лиц, обществ и установлений на незаконность изданных в порядке этих правил обязательных постановлений направлялись в административный суд. Срок их обжалования не был ограничен. Одновременно копии жалоб подавались той власти, которой было издано обжалуемое постановление, и представлялись последней в недельный срок в административный суд со своим заключением. При этом подача жалобы не приостанавливала действия обжалованного постановления (ст. 12)⁸.

Особое совещание при Главкоме ВСЮР А.И. Деникине, учитывая условия военного времени, стремилось, с одной стороны, укрепить полномочия исполнительной власти, а с другой – максимально подробно регламентировать судебный контроль. Здесь примечательно Временное положение «О губернских и уездных земских учреждениях в местностях, находящихся под управлением Главкома ВСЮР» от 4 июля 1919 года, нормы которого дополнительно прописали роль административного суда в обеспечение законности в деятельности органов местного самоуправления⁹. Данным Временным положением губернатору предоставлялось лично или через посредство подведомственных ему чинов производить ревизию управ и других земских исполнительных органов, а также всех подведомственных земствам учреждений и требовать от

⁷ Там же. С. 243-256.

⁸ Там же. С. 361-363.

⁹ Там же. С. 436-450.

них сведений и объяснений (ст. 66). Если губернатор находил при производстве ревизии либо иным способом нарушения законности, он доводил об этом до сведения земского собрания, и в случае, если земским собранием не принимались меры к восстановлению законности, губернатор имел право направить соответствующий протест в административное отделение Окружного суда (ст. 67). В соответствии со ст. 90 Временного положения от 4 июля 1919 года постановления окружного суда по жалобам на земскую управу могли быть обжалованы в месячный срок в Первый департамент Правительствующего Сената. Авторы Временного положения предприняли попытку заключения в рамки закона и деятельность начальника Управления внутренних дел в отношении органов местного самоуправления.

Нормы Временного положения от 4 июля 1919 года с поправкой на низовой уровень местного самоуправления во многом повторялись во Временном положении «О волостных участковых земских учреждениях в местностях, находящихся под управлением Главкома ВСЮР», принятом 30 августа 1919 года¹⁰. В то же время, в отличие от Временного положения от 4 июля 1919 года, Временное положение от 30 августа 1919 года не было реализовано. В.В. Раков пишет: «Деникин опасался, что проведение выборов еще больше взбудоражит деревню. Кроме того, его осуществление было связано с необходимостью принятия закона о выборах, который предполагалось принять только после относительной стабилизации положения в тылу» [6, с. 110].

Нельзя не отметить, что нормы Временного положения от 4 июля 1919 года и Временного положения от 30 августа 1919 года были односторонними, то есть существенно расширяли полномочия органов высшей исполнительной власти в регионе (губернатора) и ущемляли права органов местного самоуправления (губернских, уездных и волостных земских учреждений). Процессуальные права органов и должностных лиц местного самоуправления в административном правосудии были максимально сужены, что явно не способствовало движению российской государственности в демократическом русле.

Несмотря на определенную положительную динамику развития административной юстиции на территории «белого» юга России, тем не менее усугубление военного положения ВСЮР заставило деникинский режим осенью 1919 года начать действовать в прямо противоположном направлении. Так, в Ставропольской губернии, Мариупольском уезде Екатеринославской губернии и Черноморской губернии проводились мероприятия, связанные с упразднением должностей административных судей и возложением их обязанностей на председателей съездов мировых судей и участковых мировых судей. Более того, 19 июня 1919 года начальнику Управления юстиции временно было предоставлено право не восстанавливать административные суды в местностях, находящихся под управлением Главкома ВСЮР¹¹.

27 сентября 1919 года на заседании Особого совещания при Главкоме ВСЮР А.И. Деникине был заслушан доклад начальника Управления юстиции о привлечении в случае необходимости членов административного отделения Окружного суда к пополнению его присутствий в уголовном и гражданском отделениях¹². Подобная тенденция была продолжена и далее. Так, на заседании Особого совещания при Главкоме ВСЮР А.И. Деникине 13 декабря 1919 года было решено, что должности секретаря административных судей в Ставропольской губернии и в Мариупольском уезде Екатеринославской губернии считаются упраздненными со времени упразднения в этих губерни-

¹⁰ Там же. С. 577-589.

¹¹ Там же. С. 432.

¹² Там же. С. 693.

ях и уезде должности административного судьи, в прочих же губерниях эти должности не подлежат восстановлению при возобновлении деятельности судебных учреждений¹³. Данный шаг повторял действия другого «белого» режима на востоке – Российского правительства. Невозможность комплектования кадрами административную юстицию заставлял перекладывать компетенцию административных судей на судей общей юрисдикции. Подобные мероприятия отчетливо показывали скорый крах «белой» государственности в России.

В территориальном плане функционирование административных судов стало резко сокращаться с началом поражений Вооруженных сил на юге России. В середине октября 1919 года Красная армия перешла в контрнаступление. Военная компания ВСЮР (Поход на Москву), начатая в июле 1919 года, окончательно провалилась в ноябре этого же года. Белая армия стала отступать на юг.

Но, как ни парадоксально, ослабление «власти «белых» диктаторов вызывало и обратную реакцию. Предпринимались попытки расширения социальной базы «белого» режима с привлечением на его сторону рабочих и крестьян (хотя подобные действия явно запоздали). В этих целях требовались законодательные мероприятия, направленные на обеспечение прав и свобод указанных классов. В данное время наблюдается динамика, нацеленная на очередное расширение компетенции административного суда. Здесь можно обратиться к утвержденному 22 октября 1919 года Временному положению «О присутствиях по делам страхования рабочих»¹⁴. В ст. 13 данного акта было предусмотрено, что при рассмотрении определенной категории дел (п. 4 ст. 11; пп. 13, 14 и 18 ст. 12 указанного Временного положения) в состав присутствия по делам страхования рабочих должен был входить товарищ председателя административного отделения Окружного суда или, по избранию общего собрания Окружного суда, один из членов суда или административный судья. Авторы данного нормативного правового акта стремились обеспечить должный режим законности в деятельности присутствий по делам страхования рабочих, не допускать в нем доминирования интересов работодателей над правами рабочих. Несмотря на это, Временное положение от 22 октября 1919 года на практике не принесло никакого положительного сдвига.

Следует отметить, что оплата труда административных судей и его штатных единиц (секретаря и помощника) на «белом» юге была выше, в сравнении с востоком России. Например, должностной оклад секретаря административного суда на юге был 600 рублей в месяц (на июль 1919 года), тогда как Временное Сибирское правительство за аналогичную должность устанавливало оклад в размере 350 рублей в месяц (на октябрь 1918 года)¹⁵. Однако здесь надо учитывать и инфляцию, возrastавшую стремительными темпами. «Отправление правосудия на местах не могло не страдать от общих условий нашего настроения, и судебные деятели, которые тоже люди, должны были бедствовать, как и другие чиновники» [2, с. 189-190], – отмечал К.Н. Соколов.

Исследуя вышепредставленные нормативные правовые акты, надо подчеркнуть их достаточно проработанную юридическую технику.

Большинство из них разрабатывали представители общественно-политических межпартийных организаций, в особенности Всероссийского Национального центра, в число которых входили талантливые юристы, такие как Н.А. Огородников (1872–1919 годы), Н.И. Астров (1868–1934 годы), А.А. Червен-Водали (1871–1920 годы). Весьма высокую оценку дал этим законодательным актам правовед К.Н. Соколов. В частности, он указывал: «Я рекомендую их вниманию лиц, занимающихся русским

¹³ Там же. С. 885-886.

¹⁴ Там же. С. 745-748.

¹⁵ Там же. С. 485.

административным правом. Несмотря на многочисленные погрешности в отношении редакции и системы, несмотря на неудачи, постигшие нас при применении их на практике, они представляют собою выдающийся интерес по сознательно проведенным в них основным идеям» [2, с. 127].

В период 1918–1920 годов «белые» правоведы продолжили процесс доктринального развития и практического становления административной юстиции, хотя существенным образом этому процессу препятствовали условия военного времени, часто вводимый режим чрезвычайного положения и увеличение числа судебных дел по гражданским и уголовным делам. «Эпилогом так называемого деникинского периода в истории судебной вертикали белого юга стало санкционированное Правительствующим Сенатом решение о передаче высшей военной и гражданской власти Главнокомандующего ВСЮР от Деникина генерал-лейтенанту П.Н. Врангелю. ... Сенат признавался «хранителем законов» и их высшим «толкователем» [7, с. 304-305]. На территории «белого» Крыма административные суды продолжили свою деятельность в течение нескольких месяцев. После поражения антибольшевистского движения в России и ликвидации «белой» государственности в Крыму процесс становления административной юстиции прекратился.

Список источников

1. Альхименко А.В., Альхименко В.В. Административная юстиция в западноевропейских странах и в России (сравнительно-правовой анализ). М.: Изд. Дом Межд. ун-та в Москве, 2013. 164 с.
2. Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). Жуковский; М.: Кучково поле, 2007. 304 с.
3. Покровский Г.К. Деникинщина. Год политики и экономики на Кубани (1918-1919 гг.). Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1923. 282 с.
4. Чубинский М.П. Кризис права и морали и пути к возрождению России. Ростов-на-Дону, 1919. 41 с.
5. Пеструилов А.С. Создание правоохранительной системы на территориях, контролируемых вооруженными силами юга России в период гражданской войны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 5. С.119-122.
6. Раков В.В. Местное самоуправление «белого» Крыма в 1920 г. (историко-правовой аспект) // Вестник университета внутренних дел. Вып. 7. Государственно-правовые проблемы Северного Причерноморья. Ч. 1. Харьков, 1999. С. 108-122.
7. Цветков В.Ж. Судебная вертикаль власти в политико-правовой системе Белого движения: особенности организации гражданской и военной юстиции в 1918–1920 гг. Новейшая история России. 2018. № 2. С. 294-307.

References

1. Al'himenko A.V., Al'himenko V.V. Administrativnaya yusticiya v zapadnoevropejskih stranah i v Rossii (sravnitel'no-pravovoj analiz). M.: Izd. Dom Mezhd. un-ta v Moskve, 2013. 164 s.
2. Sokolov K.N. Pravlenie generala Denikina (iz vospominanij). Zhukovskij; M.: Kuchkovo pole, 2007. 304 s.
3. Pokrovskij G.K. Denikinshchina. God politiki i ekonomiki na Kubani (1918-1919 gg.). Berlin: Izd-vo Z.I. Grzhebina, 1923. 282 s.

4. Chubinskij M.P. Krizis prava i morali i puti k vrozozhdeniyu Rossii. Rostovna-Donu, 1919. 41 s.

5. Pestruilov A.S. Sozdanie pravooohranitel'noj sistemy na territoriyah, kontroliruemyh vooruzhennymi silami yuga Rossii v period grazhdanskoj vojny // Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki. 2016. № 5. S.119-122.

6. Rakov V.V. Mestnoe samoupravlenie «belogo» Kryma v 1920 g. (istoriko-pravovoj aspekt) // Vestnik universiteta vnutrennih del. Vyp. 7. Gosudarstvenno-pravovye problemy Severnogo Prichernomor'ya. CH. 1. Har'kov, 1999. S. 108-122.

7. Cvetkov V.ZH. Sudebnaya vertikal' vlasti v politiko-pravovoj sisteme Belogo dvizheniya: osobennosti organizacii grazhdanskoj i voennoj yusticii v 1918-1920 gg. Novejshaya istoriya Rossii. 2018. № 2. S. 294-307.

Информация об авторе

Динар Рафаилович Зайнутдинов. Доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.

Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова.

420111, Россия, г. Казань, ул. Московская, д. 42.

Information about the author

Dinar R. Zaynutdinov. Assistant professor of the chair of Theory of State and Law and Public Disciplines. Candidate of legal sciences, associate professor.

Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov.

420111, Russia, Kazan, st. Moskovskaya 42.

Статья поступила в редакцию 29.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 26.04.2022.

The article was submitted March 29, 2022; approved after reviewing April 12, 2022; accepted for publication April 26, 2022.

**Административное право;
административный процесс**

Научная статья
УДК 325:34

**ИНСТИТУТ ВНЕШНЕЙ ТРУДОВОЙ МИГРАЦИИ ТРУДЯЩИХСЯ
ГОСУДАРСТВ-ЧЛЕНОВ ЕВРАЗИЙСКОГО ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЮЗА:
ПОНЯТИЕ, МЕСТО В СИСТЕМЕ ПРАВА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

Рустам Муратович Натхо

Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия, gekgh@mail.ru

Аннотация. В представленной статье предпринята попытка сформировать концепцию интеграционного института в системе современного миграционного права; дается определение понятия интеграционного института внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза, определяется место данного интеграционного института в системе российского права, определяются элементы содержания административно-правового (миграционно-правового) режима внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС, который формируется посредством норм данного интеграционного института, отмечаются перспективы дальнейшего развития административно-правового регулирования приведенного правового режима.

Ключевые слова: трудящиеся государств-членов, Евразийский экономический союз, внешняя трудовая миграция, интеграционный институт, миграционное право, система российского права

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя доктора юридических наук, доцента Алексея Николаевича Жеребцова

Для цитирования: Натхо Р. М. Институт внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Евразийского экономического союза: понятие, место в системе права и перспективы развития // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 46-53.

**THE INSTITUTE OF EXTERNAL LABOR MIGRATION OF WORKERS
OF THE MEMBER STATES OF THE EURASIAN ECONOMIC UNION:
CONCEPT, PLACE IN THE LEGAL SYSTEM
AND DEVELOPMENT PROSPECTS**

Rustam M. Natho

Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar, Russia, gekgh@mail.ru

© Натхо Р. М., 2022

Abstract. The article attempts to form the concept of an integration institution in the system of modern migration law; defines the concept of the integration institution of external labor migration of workers of the member states of the Eurasian Economic Union, determines the place of this integration institution in the system of Russian law, defines the elements of the content of the administrative-legal (migration-legal) regime of external labor migration of the workers of the EAEU Member States, which is formed through the norms of this integration institution, prospects for further development of the administrative and legal regulation of the above legal regime are noted.

Keywords: working people of the member states, the Eurasian Economic Union, external labor migration, integration institution, migration law, the system of Russian law

Acknowledgements: the work was carried out with the support of the supervisor of the doctor of legal sciences, associate professor Alexey Nikolaevich Zherebtsov

For citation: Natho R. M. The institute of external labor migration of workers of the member states of the Eurasian Economic Union: concept, place in the legal system and development prospects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 46-53.

Процессы евразийской экономической интеграции государств, происходящие на основании Договора о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г.¹ (далее – Договор о ЕАЭС), предполагают формирования национальных правовых механизмов достижения целей данной интеграции, определенных в ст. 4 указанного учредительного акта. Значимой целью, «кровеносной системой» экономической интеграции государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС, Союз) является создание единого рынка трудовых ресурсов в рамках Союза [1, с. 265]. Обеспечение функционирования единого рынка рабочей силы может быть обеспечено посредством правовой интеграции или иначе формирования нормативно-правового регулирования привлечения и использования на территории государств Союза иностранных трудящихся иных государств, входящих в данное интеграционное объединение, создание единых правовых механизмов административно-правового регулирования (далее – МАПР или АПР) внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС в рамках территории государств, входящих в интеграционное объединение. Обеспечение правового сопровождения реализации свободы движения рабочей силы государств-членов ЕАЭС в рамках территории государств в нее входящих возможно посредством институционализации в рамках правовой системы государства-члена комплекса норм позитивного права, регламентирующего данные правоотношения.

Становление нормативной базы административно-правового регулирования внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС осуществляется на основании норм как права ЕАЭС (ст. 6 Договора о ЕАЭС), так и национального миграционного законодательства государств-членов ЕАЭС. В международно-правовой науке считается доктринальным положение, в соответствии с которым учредительный акт международной организации (в том числе и Договор о ЕАЭС) является основой права данной международной организации, в нашем случае права ЕАЭС. Эти положения означают, что учредительный акт международной организации выступает особым документом, формирующем правовую систему данного интеграционного Союза [2, с. 102]. А.Я. Капустин подчеркивает, что «... за Союзом закреплена правотворческая компетенция, способная создавать интеграционные международно-правовые нормы,

¹ Договор о Евразийском экономическом союзе от 29 мая 2014 г. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. URL: <http://www.eurasiancommission.org/> (дата обращения: 10.02.2022).

формирующие новый интеграционный правовой порядок в его рамках» [3, с. 63-64]. С этим мнением соглашаются и иные исследователи рассматриваемых правовых проблем [4, с. 131-135]. А.Н. Жеребцов, изучая международно-правовые акты, составляющие право ЕАЭС, признает, что Договора о ЕАЭС выступает в качестве учредительного акта евразийского экономического интеграционного объединения, признаваемого региональной международной организацией экономического, политического, социального, информационного и правового сотрудничества, выражает собой системообразующий правовой акт, стоящий в основе права этой международной организации региональной интеграции, имеющей международную правосубъектность, обладающей компетенцией по созданию международно-правовых норм, формирующих новый интеграционный правовой порядок [4, с. 133]. Перечисленные в ст. 6 Договора о ЕАЭС виды правовых актов, образующих право Союза, интегрируются в национальную правовую систему государств-членов ЕАЭС, формируя тем самым систему правовых норм, наравне с нормами национального права государств-членов ЕАЭС, регулиющую систему общественных отношений, направленных на достижения целей евразийской интеграции (ст. 4 Договора о ЕАЭС). Приведенная система норм сформирована и для регулирования общественных отношений в сфере внешней трудовой эмиграции и внешней трудовой иммиграции (внешней трудовой миграции) трудящихся государств-членов ЕАЭС в рамках рынка труда данного интеграционного объединения. Данная совокупность правовых норм обладает определенной спецификой, основанной на процессах правовой интеграции в форме гармонизации и унификации правового регулирования отношений в сфере внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Союза. Ключевой особенностью данного нормативного образования является то обстоятельство, что оно является интеграционным нормативно-правовым образованием в системе национального права всех государств-членов ЕАЭС, включающее в себя как нормы права ЕАЭС, так и национального права государств-членов ЕАЭС. Такой признается и в административно-правовой науке. Так, А.Н. Жеребцов отмечает, что процессы правовой интеграции оказывают существенное влияние на развитие и трансформацию структуры системы административного права, формируя в рамках данной основной отрасли права интеграционных институтов и интеграционных подотраслей права, которые наделяются специфическими признаками, отличающие их от иных структурных элементов в системе данной отрасли права [5, с. 62-69].

Приведенные положения позволяют признать, что АПР внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС в рамках рынка труда указанных государств образует интеграционный правовой институт, который характеризуется следующими признаками. Во-первых, он возникает как продукт правовой интеграции правовых систем международного и национального права государств-членов ЕАЭС, возникающий на основе экономической интеграции государств-членов Союза. Во-вторых, в основе данного института лежат нормы и принципы международного права, являясь правом ЕАЭС. В-третьих, данный интеграционный институт формируется на основе наднационального правового механизма правового регулирования отношений в сфере внешней трудовой миграции [5, с. 67]. Изложенное позволяет определить *интеграционный институт внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС* обособленную, относительно самостоятельную и устоявшуюся, группу административно-правовых норм, содержащихся в международных и национальных правовых актах и направленных на регулирование однородных административно-правовых (миграционно-правовых) отношений в сфере внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Союза посредством присущего им административно-правового механизма правового регулирования общественных отношений.

Характеризуя место данного интеграционного института в системе современного административного права, следует вообще остановиться на вопросе о месте миграционного права в структуре российского права. При этом высказываются практически все возможные варианты позиционирования места миграционного права в системе российского права, например, от признания миграционного права в качестве комплексной отрасли права, до характеристики его как всего лишь комплексной системы миграционного законодательства [1, с. 265; 2, с. 102; 3, с. 63; 6-8; 9, с. 44; 10-11; 12, с. 91; 13, с. 80; 14, с. 37; 15, с. 33; 16, с. 13; 17, с. 46; 18, с. 3; 20, с. 12; 21, с. 46]. При всем многообразии существующих альтернативных позиций о месте миграционного права в системе российского права, мы склонны согласиться с теми авторами, которые относят миграционное право к числу подотраслей современного российского административного права. Выступая в качестве подотрасли Особенной части административного права, миграционное право в свою очередь имеет собственную специфическую структуру, которая складывается из институтов Общей и Особенной части. Эти части созданы в структуре миграционного права по принципу определения в нормах общих положений, затрагивающих все виды миграционных процессов (миграции населения), подлежащих нормативной регламентации и особенностей регулирования отдельных видов миграционных потоков [6, с. 43]. Характеризуя систему подотрасли российского миграционного права, А.Н. Жеребцов и Е.А. Малышев выделяют институциональную структуру данной подотрасли, основываясь на системе российского миграционного законодательства [6, с. 43]. Авторы не учитывают то обстоятельство, что в рамках ст. 4 Договора о ЕАЭС сформировалось специфическое нормативно-правовое направление регламентации внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС, основанное на нормах международного и национального права. Не признавая «некую дистанцированность» норм, регулирующих внешнюю трудовую миграцию трудящихся государств-членов ЕАЭС, следует признать, что они являются составной частью системы норм регулирующие общественные отношения в сфере территориальной мобильности населения в Российской Федерации. В этой связи в структуре системы подотрасли миграционного права России, с момента заключения Договора о ЕАЭС, начал формироваться и в настоящее время функционирует специфический интеграционный правовой институт внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС. Подобный подход имеет место и в системе права государств-членов ЕАЭС.

За последние восемь лет, с момента заключения Договора о ЕАЭС, интеграционный институт внешней трудовой миграции находится в постоянном развитии и совершенствовании, направленном на развитие административно-правового механизма регулирования внешней трудовой миграции (иммиграции и эмиграции) трудящихся государств-членов ЕАЭС. Правовыми основами данного интеграционного института стали нормы ст. 96-98 Договора о ЕАЭС и Протокола об оказании медицинской помощи трудящимся государствам-членам и членам семей, являющегося приложением № 30 к Договору о ЕАЭС. Приведенные нормы формируют требования недопустимости применения ограничений, обусловленных необходимостью защиты национального рынка труда государств-членов ЕАЭС, закрепления требований к работодателю получать необходимые разрешения при осуществлении трудовой деятельности трудящихся государств-членов ЕАЭС, признание документов об образовании и квалификации трудящихся государств-членов ЕАЭС и иные положения, направленные на либерализацию движения рабочей силы государств-членов Союза в пределах территории государств, входящих в данное интеграционное объединение. Фактически данные нормы образуют специальный административно-правовой (миграционно-правовой) режим территориальной мобильности трудящихся государств-членов ЕАЭС. Все элементы содержания данного режима находят нормативное выражение в наднациональных актах ЕАЭС [7, с. 79-94]:

– *цель миграционно-правового режима* – свобода движения трудящихся государств-членов ЕАЭС;

– *нормативная основа* режима приведена нами выше и ими выступают наднациональные акты Союза;

– *система режимных правил поведения* трудящихся-мигрантов государств-членов ЕАЭС – такие правила определяются в нормах ст. 97 Договора о ЕАЭС, где закрепляются нормативные положения:

1) о недопустимости установления каких-либо ограничений по защите национального рынка труда (ч. 1 ст. 97 Договора о ЕАЭС);

2) недопустимость установления разрешительного порядка привлечения к трудовой деятельности трудящихся государств-членов ЕАЭС (ч. 1 ст. 97);

3) необходимость признания документов об образовании (квалификации), выданных в государствах-членах ЕАЭС (ч. 3 ст. 97);

4) признание временного пребывания (проживания) трудящихся-мигрантов государства-члена ЕАЭС и членов семьи на срок действия трудового или гражданско-правового договора, заключенного трудящимся государства-члена Союза с работодателем или заказчиком работ (услуг) (ч. 5 ст. 97);

5) установление обязанности прохождения регистрационного учета трудящихся государств-членов Союза по прибытии на территорию государства трудоустройства (ч. 6 ст. 97);

6) иные требования к трудящимся государств-членов ЕАЭС, например (ч. 9 ст. 97);

– *круг субъектов режима* – таковыми являются работодатели, заказчики работ (услуг), трудящиеся государств-членов ЕАЭС, члены их семьи и миграционные органы государств-членов ЕАЭС. Унифицированное определение данных субъектов дано в нормах ст. 96 Договора о ЕАЭС;

– *объект миграционно-правового режима* – им выступает трудовая миграция населения, как это определяется в нормах ч. 1 и 2 ст. 96 Договора о ЕАЭС. Трудовой миграцией в данном случае выступает территориальная мобильность в виде временного пребывания (проживания) трудящихся граждан государств-членов ЕАЭС для целей осуществления трудовой деятельности на территории одного из государства-члена Союза, т.е. в данном случае данная трудовая миграция является внешней трудовой миграцией, которая складывается из внешней трудовой эмиграции и внешней трудовой иммиграции трудящихся государств-членов ЕАЭС;

– *административные процедуры осуществления режима* – данный элемент содержания миграционно-правового режима не имеет нормативно-правового обеспечения, так как административных регламентов привлечения к трудовой деятельности трудящихся государств-членов Союза, а также по содействию организованному их набору в этих государствах-членах в настоящее время не принято.

Представляется, что перспективным направлением дальнейшего развития правового регулирования данного миграционно-правового режима должна стать административно-правовая регламентация порядка исполнения на национальном уровне правил осуществления данного режима, а также процедур привлечения и организованного набора, трудящихся государств-членов ЕАЭС для осуществления ими трудовой деятельности в Российской Федерации.

Подводя итог исследованию интеграционного института внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС, следует отметить:

1) интеграционный институт внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС представляет собой обособленную, относительно самостоятель-

ную и устоявшуюся, группу административно-правовых норм, содержащихся в международных и национальных правовых актах и направленных на регулирование однородных административно-правовых (миграционно-правовых) отношений в сфере внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Союза посредством присущего им административно-правового механизма правового регулирования общественных отношений;

2) интеграционный институт внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов Союза является самостоятельным специфическим институтом Особенной части миграционного права России как подотрасли административного права Российской Федерации, образующего административно-правовой (миграционно-правовой) режим управления внешней трудовой территориальной мобильностью трудящихся государств-членов интеграционного объединения, каковым является ЕАЭС;

3) интеграционный институт внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС выступает юридической формой обеспечения содержания миграционно-правового режима внешней трудовой миграции трудящихся государств-членов ЕАЭС, что позволяет на основе анализа элементов его содержания наметить перспективы дальнейшего развития АПР данного миграционного потока.

Список источников

1. Ружицкая И.В., Наумов А.Н. Новый подход к развитию Евразийской экономической интеграции с учетом стратегических целей и тенденций международно-правового регулирования // Стратегическое управление: теория, практика и проблемы: материалы XV Межрегиональной научно-практической конференции. Владимир. 2018. 290 с.
2. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: подходы к концептуальному осмыслению // Современный юрист, 2015. № 1. С. 94-108.
3. Капустин А.Я. Право Евразийского экономического союза: международно-правовой дискурс // Журнал российского права, 2015. № 11. С. 63-64.
4. Жеребцов А.Н. Правовое регулирование внешней трудовой миграции в контексте интеграционных процессов в рамках Евразийского экономического союза: проблемы и перспективы // Современное право, 2019. № 1. С. 131-135.
5. Жеребцов А.Н. Интеграция как фактор дальнейшего развития структуры системы российского административного права // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 62-69.
6. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Миграционное право России: учебник / под общ. ред. А.Н. Жеребцова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2020. 505 с.
7. Жеребцов А.Н., Горбань А.Е. Целевая концепция государственной миграционной политики Российской Федерации и административно-правовой механизм ее реализации: монография. М.: Проспект. 2022. 231 с.
8. Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Миграционное законодательство Российской Федерации: тенденции развития и практика применения. М.: Норма, 2019. 392 с.
9. Баранов В.М. Незаконная миграция в современной России: понятие, виды, эффективность противодействия // Миграция, права человека и экономическая безопасность современной России: состояние, проблемы, эффективность защиты: сборник статей. Н. Новгород, 2004. С. 44-49.
10. Вокуев М.Р. Миграционное право современной России: теоретико-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 45 с.
11. Жеребцов А.Н. Правовое регулирование миграционной политики Российской Федерации. Краснодар: Кубанькино, 2007. 215 с.

12. Жеребцов А.Н., Малышев Е.А. Некоторые теоретические аспекты миграционного права в административном праве Российской Федерации // Вестник Краснодарского университета МВД России, 2017. № 4. С. 91-96.
13. Ожкало И.В. Проблемы правового регулирования миграции в Российской Федерации и перспективы их решения // Административное право и процесс, 2017. № 1. С. 80-83.
14. Сандугей А.Н. Некоторые теоретические вопросы миграционного права России в отечественной правовой системе // Российский следователь, 2008. № 23. С. 37-39.
15. Степанов А.В. Миграционное право как новое структурное формирование в системе права Российской Федерации: за и против (анализ точек зрения) // Административное право и процесс, 2014. № 11. С. 32-35.
16. Телешина Н.Н. Понятие и место миграционного права в системе права Российской Федерации // Российская юстиция, 2012. № 1. С. 10-13.
17. Тоцкий Н.Н. Введение в миграционное право / под ред. Н.А. Михалева. М., 1999. 153 с.
18. Хабриева Т.Я. Миграционное право как структурное образование российского права // Журнал российского права, 2007. № 11. С. 3-16.
19. Хабриева Т.Я. Миграционное право России: теория и практика. М.: Контракт, 2008. 336 с.
20. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В., Плюгина И.В. Динамика развития миграционного законодательства в современной России // Журнал российского права, 2010. № 10. С. 12-24.
21. Федосеева Н.Н., Филимонова Е.В. Становление и основные проблемы миграционного права в Российской Федерации // Миграционное право, 2010. № 2. С. 46-52.

References

1. Ruzhickaya I.V., Naumov A.N. Novyj podhod k razvitiyu Evrazijskoj ekonomicheskoy integracii s uchetom strategicheskikh celej i tendencij mezhdunarodno-pravovogo regulirovaniya // Strategicheskoe upravlenie: teoriya, praktika i problemy: materialy XV Mezhhregional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. Vladimir. 2018. 290 s.
2. Kapustin A.Ya. Pravo Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: podhody k konceptual'nomu osmysleniyu // Sovremennyy yurist, 2015. № 1. S. 94-108.
3. Kapustin A.Ya. Pravo Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: mezhdunarodno-pravovoj diskurs // Zhurnal rossijskogo prava, 2015. № 11. S. 63-64.
4. Zherebcov A.N. Pravovoe regulirovanie vneshnej trudovoj migracii v kontekste integracionnyh processov v ramkah Evrazijskogo ekonomicheskogo soyuza: problemy i perspektivy // Sovremennoe pravo, 2019. № 1. S. 131-135.
5. Zherebcov A.N. Integraciya kak faktor dal'nejshego razvitiya struktury sistemy rossijskogo administrativnogo prava // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2020. № 2. S. 62-69.
6. Zherebcov A.N., Malyshev E.A. Migracionnoe pravo Rossii: uchebnik / pod obshch. red. A.N. Zherebcova. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt. 2020. 505 s.
7. Zherebcov A.N., Gorban' A.E. Celevaya koncepciya gosudarstvennoj migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii i administrativno-pravovoj mekhanizm ee realizacii: monografiya. M.: Prospekt. 2022. 231 s.
8. Andrichenko L.V., Plyugina I.V. Migracionnoe zakonodatel'stvo Rossijskoj Federacii: tendencii razvitiya i praktika primeneniya. M.: Norma, 2019. S. 392.

9. Baranov V.M. Nezakonnaya migraciya v sovremennoj Rossii: ponyatie, vidy, effektivnost' protivodejstviya // Migraciya, prava cheloveka i ekonomicheskaya bezopasnost' sovremennoj Rossii: sostoyanie, problemy, effektivnost' zashchity: sbornik statej. N. Novgorod, 2004. S. 44-49.
10. Vokuev M.R. Migracionnoe pravo sovremennoj Rossii: teoretiko-pravovoj analiz: dis. ... kand. jurid. nauk. Rostov-na-Donu, 2006. 45 s.
11. Zherebcov A.N. Pravovoe regulirovanie migracionnoj politiki Rossijskoj Federacii. Krasnodar: Kuban'kino, 2007. 215 s.
12. Zherebcov A.N., Malyshev E.A. Nekotorye teoreticheskie aspekty migracionnogo prava v administrativnom prave Rossijskoj Federacii // Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii, 2017. № 4. S. 91-96.
13. Ozhkalo I.V. Problemy pravovogo regulirovaniya migracii v Rossijskoj Federacii i perspektivy ih resheniya // Administrativnoe pravo i process, 2017. № 1. S. 80-83.
14. Sandugej A.N. Nekotorye teoreticheskie voprosy migracionnogo prava Rossii v otechestvennoj pravovoj sisteme // Rossijskij sledovatel', 2008. № 23. S. 37-39.
15. Stepanov A.V. Migracionnoe pravo kak novoe strukturnoe formirovanie v sisteme prava Rossijskoj Federacii: za i protiv (analiz toчек zreniya) // Administrativnoe pravo i process, 2014. № 11. S. 32-35.
16. Telezhina N.N. Ponyatie i mesto migracionnogo prava v sisteme prava Rossijskoj Federacii // Rossijskaya yusticiya, 2012. № 1. S. 10-13.
17. Tockij N.N. Vvedenie v migracionnoe pravo / pod red. N.A. Mihaleva. M., 1999. S. 153.
18. Habrieva T.Ya. Migracionnoe pravo kak strukturnoe obrazovanie rossijskogo prava // Zhurnal rossijskogo prava, 2007. № 11. S. 3-16.
19. Habrieva T.YA. Migracionnoe pravo Rossii: teoriya i praktika. M.: Kontrakt, 2008. S. 336.
20. Habrieva T.Ya., Andrichenko L.V., Plyugina I.V. Dinamika razvitiya migracionnogo zakonodatel'stva v sovremennoj Rossii // Zhurnal rossijskogo prava, 2010. № 10. S. 12-24.
21. Fedoseeva N.N., Filimonova E.V. Stanovlenie i osnovnye problemy migracionnogo prava v Rossijskoj Federacii // Migracionnoe pravo, 2010. № 2. S. 46-52.

Информация об авторе

Рустам Муратович Натхо. Адъюнкт кафедры административной деятельности ОВД.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Россия, г. Краснодар, Ярославская, д. 128.

Information about the author

Rustam M. Natho. Adjunct of the chair of Administrative Activities of Internal Affairs Bodies.

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.

350005, Russia, Krasnodar, st. Yaroslavskaya 128.

Статья поступила в редакцию 02.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted March 2, 2022; approved after reviewing April 5, 2022; accepted to the writing of the article for publication April 21, 2022.

Научная статья
УДК 342

К ВОПРОСУ ОБ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ПОНЯТИЯ И ПРИЗНАКОВ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВОНАРУШЕНИЯ

Наталья Алексеевна Покотиленко

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, poknataly@gmail.com

Аннотация. В статье проводится общетеоретический анализ сущности понятия, признаков и содержания конституционного правонарушения, исследование которого в отечественной юридической науке представлено фрагментарно. Автор подчеркивает, что, являясь основанием конституционной ответственности, понятие «конституционное правонарушение» допустимо рассматривать в качестве синонимичного и тождественного понятию конституционного деликта. Рассмотрев различные подходы, существующие в отечественной юридической науке, к содержанию данного понятия, мы делаем выводы о его обязательных и отличительных признаках, в том числе о наличии вины субъекта в качестве обязательного его признака. По авторскому мнению, одними из отличительных признаков конституционного деликта являются его объект, размер вреда и наступление конституционно-правовой ответственности.

Ключевые слова: правонарушение, деликт, вина, ответственность, деяние

Для цитирования: Покотиленко Н.А. К вопросу об общетеоретической характеристике понятия и признаков конституционного правонарушения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 54-61.

ABOUT THE GENERAL THEORETICAL CHARACTERISTICS OF THE CONCEPT AND SIGNS OF A CONSTITUTIONAL OFFENSE

Natalya A. Pokotilenko

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia,
poknataly@gmail.com

Abstract. The article provides a general theoretical analysis of the essence of the concept, signs and content of a constitutional offense, the study of which in domestic legal science is presented in fragments. The author emphasizes that being the basis of constitutional responsibility, the concept of "constitutional offense" can be considered as synonymous and identical with the concept of "constitutional delict". Having considered the various approaches that exist in domestic legal science to the content of this concept, he draws conclusions about its mandatory and distinctive features, including the conclusion that the subject is guilty as a mandatory feature. According to the author's opinion, one of the distinguishing features of a constitutional tort is its object, the amount of harm and the onset of constitutional and legal liability.

© Покотиленко Н. А., 2022

Keywords: offense, delict, guilt, responsibility, act

For citation: Pokotilenko N. A. About the general theoretical characteristics of the concept and signs of a constitutional offense // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 54-61.

В современной теории права и государства широко исследованы общетеоретические понятия, являющиеся базовыми как для неё самой, так и для основанных на ней отраслевых наук. Одним из таких определений, несомненно, является понятие правонарушения, содержащее в себе деяние субъекта, которое не соответствует предписаниям правовых норм. Вместе с тем, несмотря на подробное раскрытие дефиниции, признаков и структуры данного понятия в отечественной юридической науке, отдельные его виды требуют дополнительного теоретического осмысления, и прежде всего это применимо к конституционному правонарушению.

Значимость данной проблематики подчеркивается тем, что важность конституционного правового регулирования и наличие механизма, обеспечивающего его деятельность в современной России, не подвергается сомнению. Учредительный характер конституционно-правовых норм предъявляет особые требования к их охране и защите, которые в том числе выражаются в безусловном наступлении конституционной правовой ответственности за совершенное конституционное правовое правонарушение.

Вместе с тем, в отличие от иных, традиционно рассматриваемых в отечественной юридической науке понятий и дефиниций, термин «конституционное правонарушение» не является предметом многих исследований, что приводит к существованию различных трактовок его сущности [1, с. 46].

В первую очередь необходимо обратить внимание на позицию В.О. Лучина, который под конституционным правонарушением понимает деяние (действие или бездействие) субъекта конституционно-правовых отношений, не отвечающее должному поведению и влекущее за собой применение мер конституционно-правовой ответственности [2, с. 176]. В раскрытии сущности данного определения, прежде всего, заслуживает внимания авторский подход о прямой зависимости между конституционным правонарушением и наступлением конституционно-правовой ответственности. Однако вместе с тем использование критерия «должного поведения», характеризующего сущность конституционного деликта, представляется не в полной мере его раскрывающим в связи с отсутствием точного указания на объект соответствия данной «должности», который, мы убеждены, находится в конституционном правовом закреплении правовых отношений.

Представленное определение не единственное, акцентирующее внимание на основных признаках и элементах конституционного правонарушения. Так, с позиций субъектного состава конституционного правонарушения следует рассматривать трактовку Ж.И. Овсепяна, акцентирующего данную дефиницию в качестве нарушения норм права, совершаемого государственными органами (должностными лицами) публичной власти и прежде всего верховной государственной власти, в связи с осуществлением ими законодательной и иной правотворческой, правоприменительной деятельности [3, с. 78]. Не вдаваясь в научную дискуссию относительно содержания понятия публичной власти, следует отметить авторскую попытку о придании «закрытого характера» субъектного состава конституционного деликта, а также указанные условия его наличия с осуществляемой ими деятельности, в том числе правоприменительной.

Еще одним аспектом конституционного правонарушения, раскрываемого отечественными правоведами, следует признать дефиницию Л.В. Забровской, связывающей

поведенческий аспект и негативное отклонение в фактическом поведении субъектов права от требований норм конституционного права, которое влечет за собой применение мер конституционно-правовой ответственности [4, с. 34].

Ю.А. Ливадная характеризует конституционное правонарушение как неправомерное деяние (действие или бездействие) соответствующих субъектов, которое причинило либо могло причинить вред соответствующим правоотношениям [5, с. 46]. Обращает внимание более детальная конкретика последствий – как наступивших, так и потенциальных – в качестве необходимого условия совершения конституционного правонарушения. Вместе с тем обращает на себя внимание и тот факт, что представленное определение фактически охватывает широкий круг общественных отношений.

Указание на содержание деяния в конституционном правонарушении раскрывает В.А. Чепус в своей дефиниции конституционного деликта, сводящего его к действию или бездействию, причинившее либо же могущее причинить ущерб государству, народу и независимое от нарушения конституционно-правовых норм [6, с. 39].

Примечательно, что в приведённых нами определениях, равно как и в целом в отечественной юридической науке, используются две дефиниции: «конституционное правонарушение» и «конституционный деликт». В связи с этим представляется целесообразным не углубляться в научную дискуссию относительно их соотношения, а использовать как синонимичные и тождественные, а следовательно, и совпадающие по объёму.

Также следует подчеркнуть относительное единство в отечественной правовой науке в понимании того, что конституционное правонарушение является основанием конституционной ответственности, так как наступает исключительно за нарушение конституционно-правовых норм [7, с. 80].

В целом, анализируя отличия в представленных понятиях конституционного правонарушения, необходимо сделать вывод о том, что их детерминируют содержания авторских подходов к понятиям конституционно-правовой ответственности, так как собственно конституционные нарушения не рассматривались в качестве основного предмета исследования, а являлись факультативным в рамках исследований понятия, содержания, принципов и механизма конституционной ответственности.

Несомненно, в теории права и государства довольно подробно рассмотрено понятие, содержание и признаки правонарушения. Рассматривая конституционное правонарушение как один из его видов, справедливо считать, что его признаки также целесообразно соотносить с родовым понятием.

Во-первых, конституционный деликт – это деяние, совершаемое в форме действия или бездействия. Очевидно, что никакие мысли, чувства, политические убеждения, не вышедшие в воплощение, не могут расцениваться как конституционное правонарушение, а, следовательно, привести субъект к мере конституционной ответственности.

Во-вторых, конституционное правонарушение – это всегда противоправное деяние. Другими словами, невозможно расценивать деяние субъекта как конституционное правонарушение, если оно не направленно против конституционных правовых норм.

Принципиально не согласны с теми исследователями, которые утверждают, что основанием конституционной ответственности могут быть не только противоправные деяния, но и нарушение законов нравственности, норм уголовного права, аморальные поступки. Убеждены, что данная позиция ошибочна, так как, прежде всего, нормы морали должны содержаться в конкретном нормативном правовом акте, не выполняя требования, которыми субъект осуществляет конституционное правонарушение.

Развивает данную мысль С.А. Авакьян, выражающий противоправность конституционного правонарушения в неэффективной реализации нормы права и в прямом нарушении государственно-правовой нормы [8, с. 60].

В-третьих, несмотря на дискуссионность наличия вины в конституционных правонарушениях, солидаризуемся с теми авторами, рассматривающими конституционное правонарушение как виновное деяние.

Действительно, в настоящий момент отсутствует единый подход к рассмотрению вины как обязательного признака конституционного правонарушения. Целесообразно охарактеризовать различные подходы по данному вопросу, существующие в современной теории конституционного права.

Сторонники первого подхода акцентируют внимание на отсутствии вины в качестве обязательного и безусловного признака конституционного деликта [4, с. 34].

В этом аспекте весьма примечательна позиция В.А. Виноградова, утверждавшего, что не только поведение конкретного субъекта находится в основании конституционного правонарушения, а и поведение иных субъектов конституционных правоотношений. Это обстоятельство и отличает конституционную ответственность от административной и уголовной ответственностей.

Противоположным подходом является признание вины в качестве обязательного признака конституционного правонарушения, раскрывающего его [9, с. 318].

Третий подход при раскрытии конституционного правонарушения не акцентирует внимание на наличии или отсутствии вины в качестве его признаков [6, с. 20].

Несмотря на существующие различные подходы по данному вопросу, представляется, что вина для конституционно-правового правонарушения является одним из важнейших его признаков. Несомненно, учитывая сущность деяний, составляющих конституционные правонарушения, и сопутствующую им восстановительную функцию ответственности, отсутствие доказанной вины субъекта ставит серьезные вопросы о наличии самого факта совершенного деяния.

В-четвертых, конституционный деликт имеет общественно опасный характер, выражающийся в различных формах. Данный признак заключается в самой природе конституционных правоотношений, которым виновным посягательством субъект конституционного правонарушения причиняет или способен причинить ущерб.

В-пятых, одним из основных признаков конституционного правонарушения должно быть автоматическое наступление конституционной ответственности за его совершение. В этом аспекте принципиально важно подчеркнуть, что момент наступления конституционной правовой ответственности следует рассматривать как момент совершения самого рассматриваемого деликта, то есть у субъекта возникает обязанность претерпевать неблагоприятные последствия вне зависимости от фактического установления или изобличения вины конкретного субъекта.

Наравне с общими признаками конституционно-правовых отношений целесообразно отобразить и специальные признаки, определяемые характером и особенностями конституционных правовых норм.

Прежде всего, в своей сути объектами конституционных деликтов являются высшие социальные ценности, обладающие особым статусом для правовой охраны.

Кроме этого, также одной из отличительных характеристик конституционных правовых нарушений является размер вреда обществу, причиняемого данным правоотношением, по сравнению с иными видами деликтов, так как осуществляется посягательство на учредительные базовые нормы государства.

И наконец, еще одним отличительным признаком конституционных правовых нарушений является содержание особого вида юридической ответственности, наступающего за его совершение, – конституционной ответственности.

Наравне с обозначенными выше признаками ряд исследователей обращают внимание и на психологический компонент совершаемого деяния, объясняющий причины его совершения.

В этой связи следует согласиться с С.А. Комаровым в том утверждении, что при всей значимости объективных социально-экономических условий весьма важным для формирования нормативных установок являются психофизические и биологические особенности правонарушителя, так как именно они подчеркивают как аномалию общественной жизни, так и несовершенство личности [10, с. 464].

Вместе с тем применительно к выделению в самостоятельный признак конституционного правонарушения наказуемости хотелось бы обратить внимание на то, что она является признаком, прежде всего, конституционной правовой ответственности, то есть последствием конституционного правового деликта.

Отдельные исследователи отстаивают позицию, что еще одним признаком конституционного правонарушения является специальный субъект, его совершающий. Однако, по нашему мнению, данное выделение также находится в плоскости сравнения признака деяния (правонарушения) и его последствия (ответственности) и логично относится больше к последнему.

Осознание и понимание сущности и содержания конституционного правонарушения неразрывно связано с дискуссией относительно его содержания. Анализируя представленные в отечественной юридической науке различные подходы к составу конституционного правонарушения, следует отметить широкую дискуссию относительно данной проблематики, акцентирующей внимание на каждом из его элементов. По нашему мнению, состав конституционного правонарушения целесообразно раскрывать через четыре его элемента (объект, субъект, объективная и субъективная стороны), характерных для общетеоретического понятия правонарушения, учитывая, несомненно, специфику его объекта.

В этой связи необходимо отметить, что, несмотря на неоднозначность объекта конституционного деликта, прежде всего, под ним необходимо понимать общественные отношения, регулируемые и охраняемые конституционным законом, в том числе закрепляющим конституционный строй и отдельные его составляющие.

Применительно к объективной стороне состава конституционного правового нарушения следует подчеркнуть, что она также выражается в нормативном закреплении его признаков, а именно в гипотезе и диспозиции конституционных правовых норм.

Субъект конституционного деликта является третьим элементом состава конституционного деликта.

Анализ имеющихся в юридической науке суждений относительно субъекта конституционного деликта выявил ряд пробелов в конституционном законодательстве и отсутствие четкой законодательной позиции относительно данной проблематики. Во-первых, в общетеоретическом смысле используются как понятие субъекта конституционного правонарушения (тот, кто подвергается санкциям), так и понятие субъекта конституционно-правовой ответственности (тот, кто подвергается санкциям, и тот, кто примеряет их по отношению к другим субъектам). По нашему мнению, допустимо их рассматривать в качестве синонимичных и тождественных друг другу.

В это же время, к сожалению, следует отметить, что существование многообразных подходов к понятию субъекта конституционных правовых нарушений, а также фактически неопределенное количество лиц, относящихся к субъектам конституционных правонарушений, способны привести к правовой неопределенности и разночтению правоприменительной практики. В целом, под субъектом конституционного правона-

рушения следует понимать субъект ответственности, претерпевающий действие мер принуждения. Субъектами конституционного правонарушения могут быть лишь те лица, которые обладают способностью самостоятельно нести конституционную ответственность за свои противоправные деяния.

В общей теории права отмечается, что субъективная сторона любого правонарушения включает в себя три элемента: вину, мотив (внутреннее побуждение) и цель (мысленная модель будущего результата). В этой связи, несмотря на очевидную дискуссионность наличия вины в качестве обязательного признака состава конституционного правонарушения, убеждены в его наличии, в том числе в качестве необходимого признака самого конституционного деликта, так как его отсутствие означает невозможность наступления у лица мер юридической (конституционно-правовой) ответственности.

Таким образом, в отечественной юридической науке используются два синонимичных, тождественных термина – «конституционный деликт» и «конституционное правонарушение», к понятию которых отсутствует единый подход у отечественных правоведов. Анализируя различные позиции к понятию и содержанию конституционных правонарушений, которые в качестве самостоятельного предмета исследования стали выделяться относительно недавно, следует говорить о том, что под ними понимают противоправное деяние (в форме действия или бездействия) субъекта конституционных правовых отношений, выражающееся в нарушении конституционного правового порядка и влекущее наступление конституционной правовой ответственности.

Характеризуя признаки конституционно-правовых правонарушений, следует их разделять на общие признаки (деяние, противоправное, виновное, общественно опасное, наступление ответственности), характерные для всех видов правовых нарушений, и специальные, непосредственно относящиеся к конституционным правовым отношениям (объект – высшие социальные ценности, значительный вред общественным и другие).

Список источников

1. Актуальные проблемы Конституционного права России: учебное пособие / под ред. Б.С. Эбзеева, В.О. Лучина. Юнити-Дана, 2019. 495 с.
2. Вишнякова А.А. Понятие конституционного деликта как одного из видов правонарушений // Вестник молодых ученых Самарского государственного экономического университета. 2017. № 1(35). С. 175-178.
3. Лесив Б.В. Конституционный деликт как предмет конституционного контроля в России: полет правовой фантазии или *lex ferenda*? // Традиции и новации в системе современного российского права: сборник тезисов XVII Международной научно-практической конференции молодых ученых. 1144 с.
4. Забровская Л.В. Конституционно-правовая ответственность в ретроспективном формате // Закон и право. 2003. № 3. С. 29-34.
5. Ливадная Ю.А. Конституционно-правовой деликт и преступление в конституциях стран Латинской Америки: история и современность // Представительная власть – XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2020. № 5-6 (180-181). С. 44-50.
6. Чепус В.А. Конституционный деликт в теории права: понятие и виды // Юридическая мысль. 2018. № 5 (109). С. 38-45.
7. Жеребцова Е.Е. Роль решений Конституционного суда Российской Федерации в развитии принципов местного самоуправления // Вестник Самарского государственного экономического университета. Самара. 2014. № 1 (111). С. 78-83.

8. Чернышова К.С. К вопросу о понятии конституционного правонарушения // Архивариус. 2019. № 10. С. 60-62.
9. Конституционное право в Российской Федерации: курс лекций / под ред. М.П. Авдеенкова, Ю.А. Дмитриева. М., 2017. 383 с.
10. Общая теория государства и права: учебник / под. ред. С.А. Комарова. СПб., 2016. 506 с.

References

1. Aktual'nye problemy Konstitucionnogo prava Rossii: uchebnoe posobie / pod red. B.S. Ebzeeva, V.O. Luchina. Yuniti-Dana, 2019. 495 s.
2. Vishnyakova A.A. Ponyatie konstitucionnogo delikta kak odnogo iz vidov pravonarushenij // Vestnik molodyh uchenykh Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. 2017. № 1(35). S. 175-178.
3. Lesiv B.V. Konstitucionnyj delikt kak predmet konstitucionnogo kontrolya v Rossii: polet pravovoj fantazii ili lexferenda? // Tradicii i novacii v sisteme sovremennogo rossijskogo prava: sbornik tezisov XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenykh. 1144 s.
4. Zabrovskaya L.V. Konstitucionno-pravovaya otvetstvennost' v retrospektivnom formate // Zakon i pravo. 2003. № 3. S. 29-34.
5. Livadnaya Yu.A. Konstitucionno-pravovoj delikt i prestuplenie v konstituciyah stran Latinskoj Ameriki: istoriya i sovremennost' // Predstavitel'naya vlast' – XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy. 2020. № 5-6 (180-181). S. 44-50.
6. Chepus V.A. Konstitucionnyj delikt v teorii prava: ponyatie i vidy // Yuridicheskaya mysl'. 2018. № 5 (109). S. 38-45.
7. Zherebcova E.E. Rol' reshenij Konstitucionnogo suda Rossijskoj Federacii v razvitii principov mestnogo samoupravleniya // Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta. Samara. 2014. № 1 (111). S. 78-83.
8. Chernyshova K.S. K voprosu o ponyatii konstitucionnogo pravonarusheniya // Arhivarius. 2019. № 10. S. 60-62.
9. Konstitucionnoe pravo v Rossijskoj Federacii: kurs lekcij / pod red. M.P. Avdeenkova, Yu.A. Dmitrieva. M., 2017. 383 s.
10. Obshchaya teoriya gosudarstva i prava: uchebnik / pod. red. S.A. Komarova. SPb., 2016. 506 s.

Информация об авторе

Наталья Алексеевна Покотиленко. Преподаватель кафедры специальной подготовки.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Natalya A. Pokotilenko. Teacher of the chair of Special Training.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 28.03.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 14.05.2022.

The article was submitted March 28, 2022; approved after reviewing April 15, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 14, 2022.

Научная статья
УДК 625.7

**ПРИМЕНЕНИЕ АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ РАБОЧИХ МЕСТ
В ОПЕРАТИВНО-СЛУЖЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ
ДОРОЖНО-ПАТРУЛЬНОЙ СЛУЖБЫ ГИБДД ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ
ОРГАНОВ МВД РОССИИ**

Руслан Рафаилович Хайруллин¹, Кристина Анатольевна Сунгатуллина²

^{1,2}Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России,
Набережные Челны, Россия

¹ruslan_rh@inbox.ru

²008il116@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены особенности применения автоматизированных рабочих мест сотрудников дорожно-патрульной службы (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России) в деятельности строевых подразделений дорожно-патрульной службы (Далее – ДПС). ГИБДД территориальных органов МВД России при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения. Особое внимание уделено вопросам автоматизации сбора, хранения и обработки оперативно-служебной информации, организации доступа сотрудников к информационным ресурсам ГИБДД МВД России.

Ключевые слова: Госавтоинспекция, автоматизированное рабочее место, административные правонарушения, информационная система, мобильное приложение, правила дорожного движения, безопасность дорожного движения

Для цитирования: Хайруллин Р. Ф., Сунгатуллина К. А. Применение автоматизированных рабочих мест в оперативно-служебной деятельности сотрудниками дорожно-патрульной службы ГИБДД территориальных органов МВД России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 62-69.

**THE USE OF AUTOMATED WORKPLACES IN OPERATIONAL AND SERVICE
ACTIVITIES BY EMPLOYEES OF THE TRAFFIC POLICE PATROL SERVICE
OF THE TERRITORIAL BODIES OF THE MINISTRY
OF INTERNAL AFFAIRS OF RUSSIA**

Ruslan R. Khayrullin¹, Kristina A. Sungatullina²

^{1,2}All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Naberezhnye Chelny, Russia

¹ruslan_rh@inbox.ru

²008il116@mail.ru

© Хайруллин Р. Р., Сунгатуллина К. А., 2022

Abstract. The article discusses the features of the use of automated workplaces of employees of the road patrol service (mobile devices for remote access to the services of the ISOD of the Ministry of Internal Affairs of Russia) in the activities of combatant units of the traffic police patrol service of the territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the implementation of federal state supervision over compliance by road users with the requirements of the legislation of the Russian Federation in the field of road safety. Special attention is paid to the automation of the collection, storage and processing of operational and service information, the organization of access of employees to the information resources of the traffic Police of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: Traffic police, automated workplace, administrative offences, information system, mobile application, traffic rules, road safety

For citation: Khayrullin R. R., Sungatullina Kristina K. A. The use of automated workplaces in operational and service activities by employees of the Traffic Police patrol service of the territorial Bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 62-69.

Вопрос обеспечения безопасности дорожного движения – задача государственного масштаба¹. Правительством Российской Федерации утверждена Стратегия безопасности дорожного движения, в которой заявлено стремление к нулевой смертности в дорожно-транспортных происшествиях к 2030 году [1, с. 104]. Для решения этой задачи требуется консолидация усилий органов государственной власти, общественных организаций и граждан. Особая роль в этом деле отведена органам внутренних дел в лице Госавтоинспекции МВД России².

Современные условия (увеличение количества транспортных средств (их техническое состояние), увеличение числа лиц, получивших водительские удостоверения, низкая дисциплина участников дорожного движения, состояние улично-дорожной сети) требуют от органов внутренних дел оперативного реагирования на изменчивую обстановку на дорогах России. Необходимо оптимально использовать имеющиеся силы и средства подразделений Госавтоинспекции, в частности строевых подразделений ДПС ГИБДД, сотрудники которых осуществляют несение службы по обеспечению безопасности дорожного движения. От их умелых, грамотных и своевременных действий зависят жизни людей.

Одним из способов достижения данной цели является использование автоматизированных рабочих мест сотрудников дорожно-патрульной службы (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности Министерства внутренних дел Российской Федерации) (Далее – ИСОД МВД России) при осуществлении федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации в области безопасности дорожного движения³ [2, с. 173].

¹ О безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 10 декабря 1995 г. № 196-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

² О полиции [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации № 3-ФЗ от 7 февраля 2011 г. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

³ Об утверждении Административного регламента исполнения Министерством внутренних дел Российской Федерации государственной функции по осуществлению федерального государственного надзора за соблюдением участниками дорожного движения требований законодательства Российской Федерации

Первые аппаратно-программные комплексы, используемые в деятельности Госавтоинспекции в качестве автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС, представляли собой настольные персональные компьютеры, подключенные к единой информационно-телекоммуникационной сети МВД России. Данные компьютеры устанавливались в подразделениях Госавтоинспекции, на стационарных постах (контрольных) милиции (полиции).

Для обеспечения использования данных аппаратно-программных комплексов при несении службы на патрульном автомобиле, а также в пешем порядке возникла необходимость реализации данных технических средств в мобильном исполнении.

В последние годы идет целевое оснащение подразделений Госавтоинспекции МВД России автоматизированными рабочими местами сотрудников ДПС (мобильными устройствами удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России). Аппаратно-программный комплекс представляет собой совокупность технических и программных средств и предназначен для автоматизации повседневной деятельности сотрудника ДПС при решении служебных задач. Комплекс обеспечивает выполнение функций ввода, хранения, обработки и отображения информации при автономном использовании, а также при работе в информационно-справочных и управляющих системах.

Вместе с тем функционал данных технических средств не во всех субъектах Российской Федерации используется в равной степени. Во многих регионах – например, в Республике Ингушетия, Республике Башкортостан, Республике Карелия, Республике Марий Эл, Республике Мордовия, Удмуртской Республике, Чувашской Республике, Архангельской, Новгородской, Кировской, Кемеровской, Пензенской, Курганской, Самарской, Ульяновской областях использование автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС ограничено только получением оперативно-служебной информации о транспортных средствах и физических лицах, содержащейся в информационных системах МВД России.

В таких регионах, как Москва, Санкт-Петербург и Республика Татарстан, пошли по пути расширения функциональных возможностей применения автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС. Для реализации этой задачи каждым субъектом были разработаны собственные программные средства с учетом особенностей несения службы сотрудниками ДПС. Разработанные программные средства позволили использовать следующие основные возможности автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС [3, с. 95]:

- проверка транспортных средств, физических лиц, регистрационных документов и водительских документов, используя доступ в реальном времени к информации, размещенной в федеральной информационной системе Госавтоинспекции (далее – «ФИС ГИБДД-М»), а также в других оперативно-служебных сервисах ИСОД МВД России;
- автоматизированное формирование по факту выявленного административного правонарушения электронных документов, оформляемых сотрудниками ДПС в соответствии с нормами делопроизводства по факту административного правонарушения⁴ (протокол, постановление по делу об административном правонарушении)⁵. Фор-

в области безопасности дорожного движения [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 23 августа 2017 г. № 664. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁴ О порядке эксплуатации специального программного обеспечения федеральной информационной системы Госавтоинспекции [Электронный ресурс]: Приказ МВД России от 5 февраля 2016 г. № 60. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

мирование электронных документов осуществляется на основе выбранной из сервиса ФИС ГИБДД-М информации о транспортном средстве, лице, им управляющем, регистрационных и водительских документах с минимальным объемом дополнительного ввода данных, относящихся непосредственно к факту административного нарушения;

- печать сформированных электронных документов на бумажном носителе с использованием компактного печатающего устройства для выдачи участнику дорожного движения;
- дистанционное сохранение сформированных электронных документов в подсистемах ФИС ГИБДД-М.

Рассмотрев все возможности устройств, применяемых в вышеуказанных субъектах Российской Федерации, следует отметить их преимущества над аналогичными устройствами. Преимуществами применения автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России) строевыми подразделениями ДПС ГИБДД являются:

- повышение производительности работы сотрудника ДПС за счет автоматизации и оптимизации функции ввода данных (наличие справочников нормативных правовых актов, сведений о лицах и транспортных средствах и другой информации) при оформлении административного правонарушения;
- сокращение времени оформления сотрудниками ДПС документов по факту выявленного административного правонарушения [4, с. 122];
- повышение оперативности сбора, полноты и достоверности информации об административных правонарушениях;
- фиксация недостатков улично-дорожной сети в электронном виде, осуществление мониторинга и контроля принятия мер по выявленным нарушениям и срокам их устранения;
- установление факта получения специального разрешения на перевозку крупногабаритного и (или) тяжеловесного груза;
- возможность использования электронного варианта схем организации дорожного движения в целях выявления в местах производства дорожных работ условий, сопутствующих совершению ДТП, и принятия мер по их устранению;
- переход от бумажного варианта карточек постов (маршрутов патрулирования) к их электронной форме;
- фиксация в электронном виде нарушений, выявленных при надзоре за осуществлением перевозок пассажиров (автобусами);
- информирование в режиме реального времени сотрудников ДПС об оперативной обстановке;
- повышение уровня знаний, умений и навыков сотрудников ДПС с целью эффективного их применения в практической деятельности.

Следует отметить, что при данном функционале автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России) имеются перспективы развития возможностей их применения и доработки программного обеспечения путем его совершенствования.

В целях эффективного использования устройства необходимо включить в перечень основных возможностей автоматизированного рабочего места функцию, позволяющую вносить сведения о ДТП в мобильную версию автоматизированной информационно-управляющей системы Госавтоинспекции, предназначенную для учета и сбора информации.

При проведении массовых мероприятий, организация которых подразумевает перевозку пассажиров, с целью осуществления надзорных функций сотрудником ДПС

предлагается дополнить функционал возможностью просмотра карточек маршрутов движения автобусов.

Для организации контроля несения службы нарядами ДПС на постах и маршрутах патрулирования руководящим составом проводятся гласные и скрытые проверки. В программное обеспечение устройства предлагается включить функцию «Электронная служебная книжка», которая позволит вносить проверяющим сотрудником отметки о проведенной проверке наряда ДПС с помощью автоматизированного рабочего места сотрудника ДПС (мобильного устройства удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России) в зоне обзора камеры видеорегистратора. Кроме этого, указанная функция даст возможность осуществления мониторинга и контроля периодичности проведенных проверок уполномоченными на то лицами.

В рамках осуществления надзора за дорожным движением сотрудники ДПС вправе возбуждать дела об административных правонарушениях за несоблюдение установленных нормативными правовыми актами Российской Федерации норм времени управления транспортным средством и отдыха либо нарушение установленного нормативными правовыми актами Российской Федерации режима труда и отдыха водителей в части времени управления транспортным средством и времени отдыха⁶. Для регистрации режима труда и отдыха водителей используются контрольные устройства (тахографы), которые позволяют выводить на печать с карты водителя или памяти тахографа отчет о режимах занятости водителей. Расшифровка сведений, содержащихся в отчете, вызывает определенные затруднения у сотрудников ДПС, так как информация в нем представлена в виде пиктограмм. Необходимо реализовать процедуру загрузки указанного отчета путем считывания сведений с карты водителя автоматизированными рабочими местами сотрудников ДПС (мобильными устройствами удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России). Данная функция позволит отобразить данные отчета на экране устройства в доступном формате и установить нарушения режима труда и отдыха.

В последние годы на территории Российской Федерации отмечается рост количества дорожно-транспортных происшествий с участием водителей-иностранцев. Сложившееся положение обусловлено отсутствием информации о владельцах транспортных средств с государственными регистрационными знаками иностранных государств, что препятствует привлечению их к ответственности за совершенные административные правонарушения, зафиксированные в автоматическом режиме. В ходе осуществления сотрудниками ДПС надзора за дорожным движением при остановке транспортного средства с иностранными государственными регистрационными знаками во взаимодействии с центром автоматизированной фиксации административных правонарушений в области дорожного движения (Далее – ЦАФАП) необходимо осуществлять проверку на наличие фотоматериалов нарушений, зафиксированных средствами автоматической фиксации административных правонарушений, совершенных на указанном транспортном средстве, по которым не истек срок давности привлечения к административной ответственности [5, с. 88]. Для оптимизации работы в данном направлении предлагается разработать механизм взаимодействия сотрудников ДПС и ЦАФАП в области обмена информацией по административным правонарушениям, совершенным иностранцами, посредством программного обеспечения автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России). Суть механизма взаимодействия заключается в возможности отправки

⁶ Об утверждении Правил дорожного движения [Электронный ресурс]: Постановление Правительства Рос. Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

информации о транспортном средстве и его владельце (лице, управлявшем транспортным средством) в ЦАФАП и получении постановлений по делам об административных правонарушениях с целью их распечатки и вручения под роспись лицу, привлеченному к административной ответственности.

В рамках действующего законодательства Российской Федерации сотрудники ДПС правомочны применять меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении, о чем составляются соответствующие протоколы. В целях усовершенствования программного обеспечения устройства необходимо включить возможность составления процессуальных документов по делам об административных правонарушениях в электронном виде.

Современные условия предъявляют высокие требования к сотрудникам Госавтоинспекции, а также к техническим средствам и автоматизированным системам, используемым ими в оперативно-служебной деятельности. Используемые сотрудниками Госавтоинспекции технические средства должны отвечать требованиям, установленным нормативными правовыми актами Российской Федерации, их применение должно оптимизировать работу с целью ее эффективного выполнения.

Наглядным примером совершенствования деятельности сотрудников строевых подразделений ДПС ГИБДД территориальных органов МВД России в части, касающейся получения оперативно-служебной информации, применения в отношении правонарушителей мер административного воздействия, фиксации недостатков транспортно-эксплуатационного состояния улично-дорожной сети и недостатков при перевозках пассажиров других функций при осуществлении надзора за дорожным движением, является применение автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России). Однако на сегодняшний день указанные технические средства в упомянутых выше целях используются только в некоторых субъектах Российской Федерации. Данный факт снижает эффективность и ограничивает возможности сотрудников ДПС других регионов нашей страны при осуществлении своих служебных обязанностей.

Внедрение автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России) дает возможность сотруднику ДПС в максимально короткие сроки получить информацию, размещенную в ФИС ГИБДД-М и в других оперативно-служебных сервисах ИСОД МВД России, автоматизированно формировать электронные документы по факту выявленного административного правонарушения и осуществлять их печать на бумажном носителе, а также дистанционно сохранять сформированные электронные документы в подсистемах ФИС ГИБДД-М, что, в свою очередь, позволит эффективно взаимодействовать с участниками дорожного движения при надзоре за дорожным движением.

Оптимизация деятельности сотрудников строевых подразделений ДПС также подразумевает и расширение функциональных возможностей автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России). Расширение функциональных возможностей и создание единого программного обеспечения для автоматизированных рабочих мест сотрудников ДПС (мобильных устройств удаленного доступа к сервисам ИСОД МВД России), функционирующего на всей территории Российской Федерации, будут способствовать максимальному информированию сотрудников ДПС об оперативно-служебной обстановке, сокращению времени оформления процессуальных документов в отношении лиц, совершивших административные правонарушения, и внесению в соответствующие автоматизированные системы сведений, полученных при обследовании постов и маршрутов патрулирования и оформлении ДТП.

Список источников

1. Афонина Е.Г. О роли национальных проектов и стандартов обеспечения детской дорожной безопасности в повышении безопасности дорожного движения // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. С. 104-107.
2. Иванов А.Ю., Примакин А.И., Чадов О.Е., Редковников В.А. Повышение эффективности педагогической деятельности преподавателя Санкт-Петербургского университета МВД России посредством автоматизации его рабочего места // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. С. 173-177.
3. Примакин А.И., Муравьев А.В., Селюгина С.В. Использование автоматизированных рабочих мест в деятельности органов и учреждений Министерства внутренних дел Российской Федерации // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. С. 95-99.
4. Падеров П.В. Вопросы привлечения к административной ответственности владельцев транспортных средств // Развитие территорий. 2015. № (1). С. 122-126.
5. Липатов Э.Г., Филатова А.В., Чаннов С.Е. Административная ответственность: учебно-практическое пособие. М., 2010. 400 с.

References

1. Afonina E.G. O roli nacional'nyh proektov i standartov obespecheniya detskoj dorozhnoj bezopasnosti v povyshenii bezopasnosti dorozhnogo dvizheniya // Vestnik Kaliningradskogo filiala Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2019. S. 104-107.
2. Ivanov A.Yu. Primakin A.I., Chadov O.E., Redkovnikov V.A. Povyshenie effektivnosti pedagogicheskoy deyatel'nosti prepodavatelya Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii posredstvom avtomatizacii ego rabocheho mesta // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2017. S. 173-177.
3. Primakin A.I., Murav'ev A.V., Selyugina S.V. Ispol'zovanie avtomatizirovannyh rabochih mest v deyatel'nosti organov i uchrezhdenij Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2011. S. 95-99.
4. Paderov P.V. Voprosy privlecheniya k administrativnoj otvetstvennosti vladel'cev transportnyh sredstv // Razvitie territorij. 2015. № 1(1). S. 122-126.
5. Lipatov E.G., Filatova A.V., Channov S.E. Administrativnaya otvetstvennost': uchebno-prakticheskoe posobie. M., 2010. 400 s.

Информация об авторах

Руслан Рафаилович Хайруллин. Старший преподаватель кафедры специальных дисциплин.

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.
423800, Россия, г. Набережные Челны, ул. Мелиораторная, д. 23/2.

Кристина Анатольевна Сунгатуллина. Старший преподаватель кафедры специальных дисциплин.

Всероссийский институт повышения квалификации сотрудников МВД России.
423800, Россия, г. Набережные Челны, ул. Мелиораторная, д. 23/2.

Information about the authors

Ruslan R. Khayrullin. Senior teacher of the chair of Special Disciplines.
All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal
Affairs of Russia.
423800, Russia, Naberezhnye Chelny, st. Melioratornaya 23/2.

Kristina A. Sungatullina. Senior teacher of the chair of Special Disciplines.
All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal
Affairs of Russia.
423800, Russia, Naberezhnye Chelny, st. Melioratornaya 23/2.

Статья поступила в редакцию 15.03.2022; одобрена после рецензирования
03.04.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted March 15, 2022; approved after reviewing April 3, 2022;
accepted to the writing of the article for publication April 21, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

Научная статья
УДК 343.9

**ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПНЫХ ДЕВИАЦИЙ
В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ И МАЛОЛЕТНИХ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

**Иван Николаевич Архипцев¹, Алексей Иванович Бельский², Александр Вик-
торович Сарычев³**

^{1,2,3}Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Бел-
город, Россия

¹ArhiptsevIN@yandex.ru

²sembel77@yandex.ru

³w0773@yandex.ru

Аннотация. Одной из актуальнейших проблем, требующих углубленного анали-
за и принятия соответствующих предупредительных мер, является совершение зло-
умышленниками деяний в сети Интернет в отношении несовершеннолетних и малолет-
них. Как показало проведенное исследование, в период распространения пандемии ко-
ронавирусной инфекции Covid-19 в мире стало фиксироваться резкое возрастание ко-
личества случаев сексуальных домогательств в отношении детей с применением сети
Интернет. Данные деяния получили название сексуальных девиаций: онлайн-груминг,
секстинг, кибербуллинг. Авторы на основании анализа отечественных и зарубежных
криминологических источников дают определение данным явлениям, исследуют их
распространение, предлагают меры по их предупреждению, в том числе на основании
опыта зарубежных государств. Целью настоящей статьи было рассмотреть эти новые
формы противоправного поведения в киберпространстве, выработать адекватные и эф-
фективные меры по предупреждению сексуальных девиаций в отношении исследуемой
категории лиц, в связи с чем обосновывается необходимость совершенствования дей-
ствующего законодательства и правоприменительной деятельности правоохранитель-
ных органов в данной сфере.

Ключевые слова: несовершеннолетние, безопасность, Интернет, кибервиктимоло-
гия, сексуальные девиации, секстинг, онлайн-груминг, кибербуллинг

Для цитирования: Архипцев И. Н., Бельский А. И., Сарычев А. В. Проблемы
предупреждения преступных девиаций в отношении несовершеннолетних и малолет-
них в сети интернет // Научный вестник Орловского юридического института
МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 70-79.

© Архипцев И. Н., Бельский А. И., Сарычев А. В., 2022

PROBLEMS OF PREVENTION OF CRIMINAL DEVIATIONS IN RELATION TO MINORS AND MINORS ON THE INTERNET

Ivan N. Arkhiptsev¹, Alexey I. Belsky², Alexander V. Sarychev³

^{1,2,3}Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
I.D. Putilin, Russia, Belgorod

¹ArhiptsevIN@yandex.ru

²sembel77@yandex.ru

³w0773@yandex.ru

Abstract. One of the most urgent problems, requiring in-depth analysis and the adoption of appropriate preventive measures, is the commission of acts by malefactors on the Internet against minors and minors. As the study showed, during the spread of the Covid-19 coronavirus pandemic, a sharp increase in the number of cases of sexual harassment of children using the Internet began to be recorded in the world. These acts were called sexual deviations: online grooming, sexting, cyberbullying. The authors, based on the analysis of domestic and foreign criminological sources, define these phenomena, investigate their spread, and propose measures to prevent them, including on the basis of the experience of foreign countries. The purpose of this article was to consider these new forms of illegal behavior in cyberspace, to develop adequate and effective measures to prevent sexual deviations in relation to the studied category of persons, in connection with which the need to improve the current legislation and law enforcement activities of law enforcement agencies in this area is justified.

Keywords: minors, security, internet, cybervictimology, sexual deviations, sexting, online grooming, cyberbullying

For citation: Arkhiptsev I. N., Belsky A. I., Sarychev A. V. Problems of prevention of criminal deviations in relation to minors and minors on the Internet // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 70-79.

Защита прав, свобод и законных интересов несовершеннолетних и малолетних как одних из самых уязвимых групп населения является в настоящее время актуальной и острой проблемой во многих странах мира, в том числе и в России. Несмотря на все усилия государств и соответствующих правоохранительных органов, ежегодно растет количество киберпреступлений. Так, по данным Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации, за 2020 год в России количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, составило 510 396 преступлений, что на 73,4 % выше показателей 2019 года. В свою очередь, за 11 месяцев 2021 года количество зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации, возросло на 7,1 % и составило 494 126 преступлений. При этом если с применением информационно-телекоммуникационных технологий по ст. 242, 242.1, 242.2 УК РФ в 2020 году было совершено 2099 преступлений, то по вышеуказанным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации только за январь – ноябрь 2021 года было зарегистрировано 2268 преступлений (прирост на 14,7 %) ¹.

¹ Состояние преступности в России за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/мвд/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.01.2022); Состояние преступно-

Сегодня, наверное, трудно представить себе сферу жизнедеятельности человека, где бы не применялись информационно-телекоммуникационные технологии: начиная от обмена информацией, осуществления коммуникации между людьми, различными сделками гражданско-правового характера в Интернете и заканчивая дистанционным консультированием специалистов, прохождением онлайн-обучения в учебных заведениях различного уровня. Вместе с тем, как и всякая другая передовая технология, Интернет с течением времени стал использоваться определенными лицами как орудие и средство для совершения различного рода уголовных деяний – мошенничеств, хакерских атак, хищения информации, реализации запрещенных предметов и веществ и т. д. Кроме того, в силу своей открытости, конфиденциальности, практически отсутствия должного контроля со стороны правоохранительных органов он стал прибежищем для различного рода социопатов, педофилов, маньяков и иных неблагополучных лиц.

Данные негативные явления породили за собой в последнее время даже отдельное научное направление в виктимологии – кибервиктимологию, которая занимается изучением форм онлайн-виктимизации, ее влияния на жертв, общество и социальные системы [1, с. 21-22].

Несовершеннолетние и малолетние воспринимают положительно киберпространство, поэтому они часто недооценивают негативное влияние информации, размещенной в виртуальном пространстве. Для несовершеннолетних общение в киберпространстве стало неотъемлемой и важной частью их жизни. Кроме того, посредством использования коммуникативных возможностей киберпространства совершается значительное количество общественно опасных деяний.

Специалисты, изучающие современное киберпространство, выделяют три основных вида угроз безопасности несовершеннолетних:

- секстинг (согласованный обмен сообщениями, содержащими сексуальный контент); часто в научной литературе входит в состав груминга или буллинга;
- онлайн-груминг (виртуальная деятельность взрослого человека по отношению к несовершеннолетнему с целью сексуального удовлетворения или шантажа; является манипулятивным процессом);
- кибербуллинг (психологическое преследование несовершеннолетнего в киберпространстве) [2, с. 72-73].

Секстинг является достаточно большой общественной проблемой, поскольку данное явление не закреплено на законодательном уровне, но находится в поле зрения правоохранительных органов и часто граничит с изготовлением порнографических материалов. Так, например, уровень столкновения с онлайн-рисками среди российских подростков оказался одним из наиболее высоких, как и у подростков из Бельгии и Мальты: практически каждый второй ребенок сообщил о таком опыте за последний год (47 % подростков в возрасте 12-14 лет и 52 % старших подростков)².

Необходимо отметить, что секстинг происходит не только с целью получения и обмена информацией, но и для получения сексуального удовлетворения, а неудовлетворение коммуникативным процессом приводит к размещению интимных фото- или видеоизображений с целью причинения собеседнику моральных или психических страданий (так называемый феномен порномести) [3, с. 166].

В современных условиях в виртуальной среде активно распространяется новая форма преследования несовершеннолетних – кибербуллинг. Для преследования агрес-

сти в России за январь – ноябрь 2021 года [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.пф/мвд/structure1/-Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 10.01.2022).

² EU KidsOnline 2020: Россия и Европа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.fid.su/news/euko2020> (дата обращения: 10.01.2022).

соры используют все коммуникативные ресурсы киберпространства: игровые площадки, электронную почту, мессенджеры, веб-страницы, блоги, форумы, чаты и т. д. Кибербуллинг может быть прямым и косвенным. При прямом – кибербуллеры преследуют своих жертв посредством сообщений, носящих оскорбительный характер. При косвенном – происходит вовлечение в процесс преследования других лиц. Чаще всего кибербуллер взламывает аккаунт жертвы (или создает его копию) в социальных сетях, а затем рассылает с него компрометирующие сообщения знакомым жертвы, тем самым нанося дискредитирующее и разрушающее воздействие на жертву. Примечательно то, что, во-первых, жертвами насилия чаще всего становятся дети, уже страдающие от насилия в реальной жизни; а во-вторых, достаточно редко несовершеннолетние, подвергшиеся кибербуллингу или другому виртуальному насилию, рассказывают взрослым или сверстникам о преследовании [4, с. 98-99].

Следует указать, что в современной непростой ситуации, связанной с продолжающимся распространением во всем мире новой коронавирусной инфекции Covid-19 и переходом в том числе и на дистанционные формы обучения детей, последние становятся жертвами онлайн-груминга и секстинга. Как отмечено, в частности, Бюро Специального представителя и координатора ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми и TechAgainstTrafficking «Использование инноваций в борьбе с торговлей людьми: комплексный анализ технологических инструментов», поскольку взрослые остаются дома в поисках новых возможностей заработка и проводят больше времени в сети, у торговцев людьми появляется возможность увеличить свои незаконные доходы от совершаемого в онлайн-режиме сексуального насилия над жертвами торговли людьми, особенно детьми. Точно так же дети, не посещающие школу, проводят больше времени в сети, а родители могут быть не знакомы с интернет-ресурсами, которыми пользуются их дети, и не располагать временем для того, чтобы узнать, чем занимаются их дети в Интернете. Такая бесконтрольность и недостаток знаний создают беспрецедентную возможность для активизации усилий по грумингу и онлайн-обольщению³. Так, например, ФБР США в 2020 году выпустило предупреждение о том, что дети, которые посещают школу, играют в онлайн-игры и пользуются социальными сетями во время закрытия школ, могут стать жертвами сексуальных агрессоров, поскольку они проводят длительное время в Интернете⁴. И это отнюдь не придуманные опасения. Как следует из анализа социальных сетей, закрытых форумов онлайн-педофилов в Даркнете, проведенного в 2020 году Интерполом, указанная ситуация, связанная с вынужденным пребыванием детей в онлайн пространстве без должного контроля со стороны взрослых, вызывает положительную реакцию у такой категории преступников, заинтересованных в как можно продолжительном ее сохранении⁵.

Необходимо отметить, что среди несовершеннолетних пользователей виртуального пространства отсутствует осознание ответственности за совершение в отношении их (или ими) общественно опасных деяний в киберпространстве. Поэтому необходима

³ Бюро Специального представителя и координатора ОБСЕ по борьбе с торговлей людьми и TechAgainstTrafficking. Использование инноваций в борьбе с торговлей людьми [Электронный ресурс]: комплексный анализ технологических инструментов (Вена, май 2020 г.). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/4/3/476359.pdf> (дата обращения: 10.01.2022).

⁴ Во время пандемии резко возросла сексуальная эксплуатация детей [Электронный ресурс]. URL: https://www.oka.fm/new/read/poglazeem_na_pressu/Vovremya-pandemii-rezko-vozroslo-seksualnaya-ekspluatatsiya/ (дата обращения: 10.01.2022).

⁵ В докладе Интерпола подчеркивается влияние COVID-19 на сексуальное насилие над детьми [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interpol.int/News-and-Events/News/2020/INTERPOL-report-highlights-impact-of-COVID-19-on-child-sexual-abuse> (дата обращения: 10.01.2022).

разработка и внедрение превентивных мер безопасности несовершеннолетних и малолетних в киберпространстве, среди которых нам видятся следующие:

1) Разработка правовых основ безопасного использования киберпространства несовершеннолетними (предупреждение реальных/виртуальных встреч с незнакомцами; профилактика психологических последствий секстинга/грумминга/кибербуллинга и др.). Следует отметить, что существующего в Российской Федерации Федерального закона от 29 декабря 2010 года № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» касаются вопросов обеспечения виктимологической профилактики преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних детей, в том числе в сети Интернет, в настоящее время уже явно недостаточно. Меры, принимаемые российским государством в рамках этого закона, носят скорее точечный характер, чем содержат определенную стратегию, которые, к сожалению, кардинально не меняют в целом сложной ситуации с обеспечением кибербезопасности несовершеннолетних и малолетних. По нашему мнению, необходима комплексная программа защиты подрастающего поколения от деструктивных элементов в информационно-телекоммуникационных сетях, а также проработка вопроса о возможности технического блокирования «нежелательных» для детей ресурсов с привлечением опыта других стран, добившихся значимых результатов в данном направлении. В частности, по нашему мнению, следует внимательнее присмотреться, например, к опыту Великобритании (к слову, одного из пионеров и ведущих стран мира в области создания технологий кибербезопасности) в области ограничения запрещенного контента на просторах глобальной сети. Так, в настоящее время в Великобритании обсуждается проект закона «О безопасности в Интернете» (The Online Safety Bill), который устанавливает новый регуляторный режим для борьбы с вредоносным контентом в Интернете. Проектом предусмотрено наложение на платформы социальных сетей штрафов на сумму до 10 % от оборота или на сумму до 18 млн фунтов стерлингов, а также уголовное наказание для руководства таких компаний, если последние не прекращают онлайн-злоупотребления. При этом анализом запрещенного контента в Интернете будет заниматься отдельное ведомство (Ofcom)⁶.

2) Следующим не менее важным направлением предупреждения сексуальных девиаций в отношении анализируемой категории является подготовка квалифицированных специалистов, причем обладающих не только юридическими познаниями в области, например, криминологических особенностей исследуемого вида преступности, но и специальными техническими познаниями в сфере обеспечения информационной безопасности и компьютерных технологий. Мы согласны с мнением М.М. Бабаева и Ю.Е. Пудовочкина, которые совершенно справедливо полагают, что субъект уголовной политики – это не просто *homo politicus* (человек политический) и *homo sapiens* (человек разумный), это человек, способный, прежде всего, к разумному криминологическому мышлению [5, с. 59]. Данный подход полностью применим и к подготовке кадров, которые должны заниматься предупреждением половых и сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних и малолетних и знать не только количественные и качественные показатели, особенности детерминант, характеристики личностей преступника-педофила и жертвы сексуальной девиации, особенности виктимологической профилактики, но и базовые понятия в области информационной безопасности, способы обнаружения и фиксации следов в информационно-телекоммуникационных сетях,

⁶ OnlineSafetyBill [Электронный ресурс]: URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/985033/Draft_Online_Safety_Bill_Bookmarked.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

выявления преступников и в целом – сбора доказательственной базы по такой категории дел. Одной из проблем, отмечаемых экспертами в области противодействия сексуальной преступности в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, является отсутствие законодательного или правоприменительного (например, содержащегося в соответствующем постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации) разъяснения возможности получения доказательственной информации из проактивной деятельности сотрудников оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов, которые внедряются в деятельность в том числе преступных групп в сети Интернет, занимающихся в частности созданием и распространением детской порнографии, форумов «по интересам» педофилов и т. д. В этой связи мы поддерживаем инициативу А.А. Оганова, который предлагает внести дополнения и изменения в имеющиеся нормативные акты, а также в дальнейшем, разработать федеральный закон, который бы полно определил понятийный аппарат противодействия кибернетическим угрозам в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей путем проведения специальных киберразыскных и технических мероприятий [6, с. 114].

3) Следует проводить информационные беседы в учреждениях образования о возможных киберугрозах и их психологических/правовых последствиях, а также рассмотреть возможность введения в нашей стране преподавания основ полового и сексуального воспитания среди несовершеннолетних как это осуществляется, например, во Франции. Так, в этой стране уже длительное время на государственном уровне принята и действует программа по половому и сексуальному воспитанию подростков в школах и колледжах. При этом по количеству аборт среди несовершеннолетних Франция и другие страны, где осуществляется преподавание в школах основ полового и сексуального воспитания, по данным ВОЗ, занимают самые низкие места в мире, что говорит, в целом, об эффективности данной программы⁷. Реализация в России похожей программы полового и сексуального воспитания будет, по нашему мнению, способствовать профилактике виктимизации несовершеннолетних и молодежи, которые в основном получают информацию о половых вопросах в искаженной форме из сети Интернет.

Вместе с тем следует отметить, что в последнее время на международном уровне был принят ряд документов, которые, по нашему мнению, обладают негативным значением. Так, Комитет Организации Объединенных Наций по правам ребенка 2 марта 2021 года опубликовал «Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой». Заметим, что хотя эти замечания и носят, по сути, рекомендательный характер, однако они имеют немало своих сторонников во многих странах мира. Далее (подчеркнуто нами для акцентирования внимания) некоторые выдержки из данного документа.

П. 78 «Поставщики профилактических или консультативных услуг для детей в цифровой среде должны быть освобождены от требования о получении ребенком согласия его родителей для доступа к таким услугам. Такие услуги должны соответствовать высоким стандартам конфиденциальности и защиты детей».

П. 118: «Не должно устанавливаться уголовной ответственности за материалы сексуального характера, созданные самими детьми, которыми они владеют и/или которые они распространяют со своего согласия и исключительно для собственного частного пользования. Следует создать учитывающие интересы детей каналы, позволяющие

⁷ Sexuality Education in Europe and Central Asia [Электронный ресурс]. URL: https://www.bzga-whocc.de/fileadmin/user_upload/Dokumente/BZgA_IPPFEN_Comprehensive-StudyReport_Online.pdf (дата обращения: 10.01.2022).

им безопасно обращаться за советом и помощью в тех случаях, когда речь идет о самосоздаваемом откровенном сексуальном контенте»⁸.

В свою очередь, в мае 2021 года ЮНИСЕФ (Детский фонд Организации Объединенных Наций) опубликовал отчет «Инструменты обеспечения цифрового возраста и права детей в Интернете по всему миру». Раздел 5.2 содержит информацию о порнографии, где эксперты отмечают, что любые попытки заблокировать доступ детей к порнографии в интернете могут нарушить их права человека. Кроме того, в отчете указывается, что запрос на подтверждение возраста для доступа к этому онлайн-контенту может помешать детям получить доступ к «основному половому воспитанию». Следует отметить, что указанный отчет удален в настоящее время с сайта организации, поскольку вызвал волну критики и недовольства со стороны мировой общественности⁹.

Отметим, что в этой связи складывается парадоксальная ситуация, что наднациональные органы, которые в первую очередь обязаны защищать права детей, осуществлять руководство и координацию деятельности правоохранительных органов разных стран по вопросам противодействия сексуальному насилию и посягательствам в отношении детей в сети Интернет, напротив, занимаются разрушительной деятельностью и подрывают, прежде всего, престиж на международной арене своих организаций, а также компетентность и нравственность работающих в них специалистов.

Считаем, что соответствующая поправка, принятая и одобренная на всенародном референдуме по изменению Конституции Российской Федерации в 2020 году касавшего применения в нашем государстве положений международных соглашений в части, когда они не противоречат российскому законодательству и приоритету Основного закона, является совершенно справедливым и обоснованным решением, в том числе и применимо к нашему случаю.

Исходя из анализа теории и практики обеспечения реализации правовой защиты несовершеннолетних как одной из уязвимых групп населения в киберпространстве, следует сделать вывод о том, что цифровой мир – это наше будущее. Однако только от нас зависит будет ли он безопасным для нас и наших детей. Недопустимо игнорировать все риски, которые несет в себе киберпространство; следует более осознанно подходить к реализации механизмов правовой защиты наиболее уязвимых групп населения.

Предлагаем сформировать в Российской Федерации на государственном уровне эффективную систему защиты детей от негативного влияния тлетворной для их здоровья, психики и нравственного благополучия информации, распространяемой в сети Интернет. Так, по нашему мнению, для того чтобы создать более безопасные условия для пребывания детей в информационных сетях, стоит работать над этим с самого детства. И речь состоит не только в том, чтобы, к примеру, родителям использовать функцию «родительский контроль» на тех цифровых устройствах, что есть в доме (телефоны, смарт-телевизоры, персональные компьютеры и т. д.), но также объяснять, что общение в сети должно происходить с теми людьми, которые более-менее знакомы, а прежде всего, что взрослые должны объяснять детям, начиная со школы и заканчивая институтом, университетом, что в настоящее время против нашей страны и других гос-

⁸ ООН. Комитет по правам ребенка Замечание общего порядка № 25 (2021) о правах детей в связи с цифровой средой [Электронный ресурс]. URL: <https://docstore.ohchr.org/SelfServices/FilesHandler.ashx?enc=-6QkG1d%2FPPRiCAqhKb7yhsqIkirKQZLK2M58RF%2F5F0vEG%2BcAAx34gC78FwvnmZXGFqqJDO%2FyPTAfbgP6DgempEJedd4hilxMWP%2BIF88deb4%2Fr7POvYL9IBx7hRMGHXtF6> (дата обращения: 10.01.2022).

⁹ Отчет ЮНИСЕФ о порнографии для детей [Электронный ресурс]. URL: <http://domdara.org/otchet-juni-sef-o-pornografii-dlja-detej/> (дата обращения: 10.01.2022).

ударств ведется информационная война, главная цель которой направлена на разрушение духовно-нравственных основ человека, превращение людей в «биороботов» и «биомассу», которыми в том числе легко манипулировать в своих интересах определенными кругами, имеющими рычаги воздействия на политические и экономические процессы в государствах. Оговоримся сразу: мы не являемся приверженцами теории заговора, но те факты, которые мы уже привели в нашем исследовании, свидетельствуют о серьезности происходящих в России и во всем остальном мире процессов и прежде всего о том, к каким результатам они могут привести. Речь сейчас идет, не боимся этих слов, о выживании и сохранении человека как вида, о полноценном и, что еще важнее, «нормальном» существовании в первую очередь подрастающего поколения, защите его прав и законных интересов не формально, а в реальной и отнюдь не радужной действительности. Для этого следует предпринимать самые действенные шаги уже сегодня, иначе драгоценное время может быть упущено.

Список источников

1. Бовть О.Б. [и др.]. Кибервиктимология: мультидисциплинарность и перспективы развития // Грантовая научно-исследовательская и научно-образовательная деятельность: цели, технологии, результаты: коллективная монография. В 9-ти томах. Ростов-на-Дону, 2017. 155 с.
2. Лукашкова И.Л. Информационно-коммуникативные угрозы виртуального взаимодействия: особенности проявления и способы реализации // Медиафера и медиаобразование: специфика взаимодействия в современном социокультурном пространстве: сборник научных статей. Могилев: Могилевский институт МВД, 2019. С. 70-75.
3. Кочкина Э.Л. Определение понятия «киберпреступление». Отдельные виды киберпреступлений // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2017. № 3. С. 162-169.
4. Копылова О.П., Медведева С.В., Калашникова Ю.В. Кибербуллинг в современных условиях: возможности правового регулирования // Право: история и современность. 2021. № 1(14). С. 97-103.
5. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Криминологическое мышление в контексте интеллектуального обеспечения уголовной политики // Журнал российского права. 2013. № 8 (200). С. 55-65.
6. Оганов А.А. Киберпреступность в отношении несовершеннолетних с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: понятия, предложения, определения // Вестник Московского университета МВД России. 2020. № 2. С. 107-115.

References

1. Bovt' O.B. [i dr.]. Kiberviktimologiya: mul'tidisciplinarnost' i perspektivy razvitiya // Grantovaya nauchno-issledovatel'skaya i nauchno-obrazovatel'naya deyatel'nost': celi, tekhnologii, rezul'taty: kollektivnaya monografiya. V 9-ti tomah. Rostov-na-Donu, 2017. 155 s.
2. Lukashkova I.L. Informacionno-kommunikativnye ugrozy virtual'nogo vzaimodejstviya: osobennosti proyavleniya i sposoby realizacii // Mediasfera i mediaobrazovanie: specifika vzaimodejstviya v sovremennom sociokul'turnom prostranstve: sbornik nauchnyh statej. Mogilev: Mogilevskij institut MVD, 2019. S. 70-75.

3. Kochkina E.L. Opredelenie ponyatiya «kiberprestuplenie». Otdel'nye vidy kiberprestuplenij // Sibirskie ugovorno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2017. № 3. S. 162-169.

4. Kopylova O.P., Medvedeva S.V., Kalashnikova YU.V. Kiberbulling v sovremennykh usloviyakh: vozmozhnosti pravovogo regulirovaniya // Pravo: istoriya i sovremennost'. 2021. № 1(14). S. 97-103.

5. Babaev M.M., Pudovochkin YU.E. Kriminologicheskoe myshlenie v kontekste intellektual'nogo obespecheniya ugovornoj politiki // Zhurnal rossijskogo prava. 2013. № 8 (200). S. 55-65.

6. Oganov A.A. Kiberprestupnost' v otnoshenii nesovershennoletnih s ispol'zovaniem informacionno-telekommunikacionnykh setej: ponyatiya, predlozheniya, opredeleniya // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2020. № 2. S. 107-115.

Информация об авторах

Иван Николаевич Архипцев. Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Белгород, ул. Горького, д. 71.

Алексей Иванович Бельский. Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин. Кандидат юридических наук, доцент.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Белгород, ул. Горького, д. 71.

Александр Викторович Сарычев. Преподаватель кафедры тактико-специальной подготовки.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Белгород, ул. Горького, д. 71.

Information about the authors

Ivan N. Arkhiptsev. Assistant professor of the chair of Criminal Law Disciplines. Candidate of legal sciences.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky 71.

Alexey I. Belsky. Assistant professor of the chair of Criminal Law Disciplines. Candidate of legal sciences, associate professor.

Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.
308024, Russia, Belgorod, st. Gorky 71.

Alexander V. Sarychev. Teacher of the chair of Tactical and Special Training.
Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, st. Gorky 71.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; одобрена после рецензирования 08.04.2022; принята к публикации 23.04.2022.

The article was submitted February 14, 2022; approved after reviewing April 8, 2022; accepted to the writing of the article for publication April 23, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК 343.2

ОСОБЕННОСТИ КВАЛИФИКАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ САМОУБИЙСТВА ИЛИ СОДЕЙСТВИЮ СОВЕРШЕНИЯ САМОУБИЙСТВА

Алексей Иванович Сорокин

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, sorokin@gmail.com

Аннотация. Ввиду новизны статьи 110.1 УК РФ потребность в ее научном анализе очевидна. С появлением статьи 110.1 УК РФ обострились и другие объективно непростые вопросы, связанные с отношением государства к самому феномену самоубийства. К примеру, вопрос о допустимых пределах распоряжения собственной жизнью, поскольку право на жизнь, безусловно, не должно трансформироваться в принуждение жить. В статье приводится уголовно-правовой анализ некоторых проблем квалификации склонения к совершению самоубийства. В частности, обсуждаются проблемы конструкции объективной стороны (рассматривается вопрос о виде состава по конструкции объективной стороны, вопрос о наличии причинно-следственной связи в данном преступлении), а также возможность квалификации по совокупности с другими преступлениями против жизни и здоровья. На основании проведенного анализа выделены проблемные вопросы по применению данной нормы, а также предлагаются пути решения некоторых из них.

Ключевые слова: самоубийство, склонение к самоубийству, доведение до самоубийства, квалификация преступления, разграничение составов

Для цитирования: Сорокин А. И. Особенности квалификации склонения к совершению самоубийства или содействию совершению самоубийства // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 80-86.

PECULIARITIES OF THE QUALIFICATION OF PREVENTION TO COMMIT SUICIDE OR ASSISTANCE TO SUICIDE

Alexey I. Sorokin

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia,
sorokin@gmail.com

Abstract. In view of the novelty of Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, the need for its scientific analysis is obvious. With the advent of Article 110.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, other objectively difficult issues related to the attitude of the state to the very phenomenon of suicide have become aggravated. For example, the question of the permissible limits of disposing of one's own life, since the right to life, of course, should not be transformed into coercion to live.

© Сорокин А. И., 2022

The article provides a criminal law analysis of some of the problems of qualification of inclination to commit suicide. In particular, the problems of the construction of the objective side are discussed (the question of the type of composition according to the construction of the objective side, the question of the presence of a causal relationship in this crime is considered), as well as the possibility of qualification in conjunction with other crimes against life and health. Based on the analysis, problematic issues on the application of this norm are highlighted, and ways to solve some of them are proposed.

Keywords: suicide, inducement to suicide, driving to suicide, qualification of a crime, delimitation of compositions

For citation: Sorokin A. I. Peculiarities of the qualification of prevention to commit suicide or assistance to suicide // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 80-86.

Каждое самоубийство помимо непосредственного летального исхода причиняет целый комплекс деструктивных социальных последствий, в связи с чем воспринимается обществом весьма болезненно и вызывает, как правило, моральное осуждение. Если же самоубийство совершено при участии третьих лиц, оказавших влияние на принятие решения о суициде или способствующих его осуществлению, то такие случаи, безусловно, требуют не только морально-нравственной оценки, но и адекватного уголовно-правового реагирования. До недавнего времени Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) предусматривал ответственность лишь за доведение до самоубийства. В целях дополнительной уголовно-правовой защиты жизни человека Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ в УК РФ была введена ст. 110.1, криминализовавшая склонение к совершению самоубийства и содействие его совершению¹.

Прежде всего, необходимо отметить, что вопросы уголовно-правовой характеристики преступности, затрагивающей сферу суицидов, а также причин и условий, при которых у лиц возбуждается желание склонить или довести их до совершения, затрагиваются специалистами уголовного права во многих научных трудах, существующих в юридической литературе [1]. Однако возникающие в процессе правоприменительной деятельности некоторые проблемы квалификации остаются без удовлетворительного ответа и в настоящее время. Это подчеркивает актуальность темы и позволяет произвести анализ таких проблем с целью их решения.

Хочется отметить, что преступления, связанные со склонением или доведением лиц до самоубийства, достаточно специфичны по своему характеру, аналогов таким составам практически не существует в нормах УК РФ. Это, в свою очередь, говорит нам о том, что составные признаки, характеризующие данные деяния, самостоятельны и рассматриваются применительно только к этим составам. Отсюда можно сделать вывод о том, что в процессе правоприменительной деятельности возникают некоторые трудности, связанные с уголовно-правовой оценкой таких составов [2].

Так, например, исходя из анализа правоприменительной деятельности, можно сделать вывод о том, что частой ошибкой, связанной с квалификацией деяния, является отсутствие причинной связи между действиями предполагаемого виновного лица и фактом суицида потерпевшего. Говоря о такой ошибке, нельзя еще раз не упомянуть о

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: Федер. закон Рос. Федерации от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 24, ст. 3478.

том, что она касается только ч. 4 ст. 110.1, так как обязательные общественно-опасные последствия ввиду факта самоубийства или покушения на него содержатся только в этой части. Таким образом, лица, уполномоченные на производство по уголовным делам, зачастую воспринимают ошибочно сам факт самоубийства лица, забывая об установлении причинно-следственной связи как необходимого элемента субъективной стороны ч. 4 ст. 110.1 и, соответственно, состава преступления в целом.

В соответствии с решением о прекращении производства по делу в связи с отсутствием состава преступления Президиума Астраханского областного суда от 11 декабря 2018 г. обвинительный приговор Свердловского районного суда г. Астрахани был отменен. Обстоятельствами дела установлено, что 24 сентября 2018 г. гражданин Г. на торце своего дома с применением аэрозольной краски поместил надпись со словами своей любимой группы: «Мы живем для того, чтобы завтра сдохнуть». При этом рядом, по словам очевидцев, находился его несовершеннолетний друг М., который знал об увлечениях своего друга и относился к ним безразлично. В свою очередь, в ночь с 24 сентября 2018 г. на 25 сентября 2018 г. около 2 ч. 34 мин. несовершеннолетний гражданин М. выбросился из окна своей квартиры, расположенной на 5-ом этаже, в ходе чего от полученных впоследствии травм скончался. В ходе судебного разбирательства было установлено, что основной причиной самоубийства несовершеннолетнего М. явились постоянные упреки отца о чрезмерном проведении времени за персональным компьютером и слабой успеваемости в школе. В результате чего в действиях гражданина Г. отсутствует умысел на склонение гражданина М. на самоубийство, а также причинная связь между его действиями, связанными с размещением надписи и фактом суицида своего друга. Таким образом, в действиях гражданина М. не содержится признаков преступления, предусмотренного ст. 110.1, в связи с чем производство по делу прекращено².

Анализируя данную ситуацию, можно сделать вывод о том, что в процессе правоприменительной деятельности органы, осуществляющие предварительное расследование, и суд ошибочно квалифицируют как содействие факт совершения лицом самоубийства или покушение на него. По нашему мнению, это представляется ошибочным, так как один лишь факт суицида или покушения на него без действий виновного лица по возбуждению желания на их совершение не образуют состав исследуемого преступления [3].

Также к числу проблем правоприменительной практики деятельности ОВД, связанных с квалификацией по ст. 110.1, относят неправильное определение конструкции состава, вследствие чего множество виновных лиц может избежать уголовной ответственности. Зачастую должностные лица, уполномоченные на производство по уголовным делам данной категории, ставят знак равенства с составом, предусмотренным ст. 110 УК РФ, которая по конструкции носит формально-материальный характер. То есть для того чтобы деяние, предусмотренное ст. 110 УК РФ, признать оконченным, необходимо наличие факта совершения самоубийства или покушения на него, но при условии, что также будет прямая причинная связь между действиями виновного и суицидом потерпевшего [4]. Однако стоит отметить, что, исходя из систематического толкования ст. 110 УК РФ, учитывая в настоящее время степень его общественной опасности и высокую предупредительную роль, конструкцию данных составов следует признать формальной. То есть, говоря простым языком, составы, предусмотренные ст. 110

² Решение Президиума Астраханского областного суда г. Астрахани по ч. 4 ст. 110.1 УК РФ 8-972/2018 от 11 декабря 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sud-praktika.ru/precedent/422585.html> (дата обращения: 15.12.2021).

и 110.1 УК РФ, следует признавать оконченными с момента, когда виновным лицом были предприняты действия, направленные на возбуждение у лица желания совершить самоубийство, подкрепляющие его уверенность или помогающие ему в этом. Но, как показывает правоприменительная практика, зачастую ни должностные лица, ни суд не учитывают такую особенность квалификации, вследствие чего возникают серьезные юридические ошибки. Кроме того, исходя из аналогии с преступлениями, связанными с наркотическими веществами, можно заметить, что п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 15 июня 2006 г. № 14 говорит нам о том, что для признания деяния оконченным не требуется факта употребления склоняемым лицом наркотических средств³.

Решением Кемеровского областного суда г. Кемерово от 15 марта 2018 г. отменено решение Рудничного районного суда г. Кемерово об отмене производства по делу в связи с отсутствием состава преступления. Обстоятельствами дела установлено, что 3 января 2018 г. гражданин Р., поспорив со своим другом, гражданином П., на внушительную сумму денежных средств, путем уговоров и обмана склонял своего друга, гражданина П., к совершению самоубийства. Предметом спора была вероятность, что гражданин П. согласится, в случае чего гражданин Р. получит 30 тысяч российских рублей. После спора гражданин Р. систематически на протяжении 17 дней путем уговоров склонял гражданина П. к совершению суицида. После того, как все уговоры оказались тщетными, гражданин П. заявил, что сейчас в социальной сети «ВКонтакте» информационно-телекоммуникационной сети Интернет в сообществе «Ментемореос» за видеозапись неудачной попытки самоубийства предлагают денежные средства в количестве 100 тысяч российских рублей, но само самоубийство совершать не надо. Получив положительный ответ, гражданин П. сказал, что датой суицида будет 5 января 2018, а самоубийство будет в форме прыжка с девятиэтажного здания. После чего 5 января 2018 г. гражданин П. совместно с гражданином Р. забрались на крышу девятиэтажного жилого дома, но, испугавшись последствий, в момент прыжка гражданин П. оттолкнул Р. в сторону и убежал домой. 6 января 2018 г. гражданин П. написал заявление в ОП № 3 УМВД России по г. Кемерово. В ходе судебного разбирательства суд пришел к выводу о том, что в действиях гражданина П. признаков деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, нет, так как отсутствуют общественно-опасные последствия в виде самоубийства или покушения на самоубийство потерпевшего, в связи с чем производство по делу необходимо прекратить по причине отсутствия состава преступления. Однако Областным судом г. Кемерово данное решение было отменено, а производство по делу возобновилось⁴.

Кроме того, немаловажной квалификационной проблемой, зачастую встречающейся в процессе правоприменительной практики, является совместное применение нескольких статей одновременно со ст. 110.1 УК РФ. Как нам известно, ч. 2 ст. 110.1 УК РФ в обязательном порядке сопровождается элементами физического насилия в отношении потерпевшего лица. Это является обязательным условием для квалификации и по ч. 2 и в то же время считается специфическим признаком, позволяющим отграничивать содействие от склонения [5]. При таких обстоятельствах зачастую должностное лицо, осуществляющее производство по делу, или суд квалифицируют склонение или содействие по совокупности со статьями, посягающими на жизнь и здоровье человека

³ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 15 июня 2006 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Решение Рудничного районного суда г. Кемерово по ч. 1 ст. 151 УК РФ 2-641/2018 от 15 марта 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://sudpraktika.ru/precedent/422585.html> (дата обращения: 20.12.2021).

(ст. 112, 115, 116 или 117 УК РФ). Это является достаточно распространенной ошибкой правоприменителя. Стоит сказать, что в данном случае дополнительная квалификация по другим статьям не требуется, так как применение физического или психологического насилия охватывается диспозицией ст. 110.1 УК РФ.

Кассационным определением судебной коллегии по уголовным делам Самарского областного суда была исключена дополнительная квалификация по ч. 1 ст. 116 УК РФ. Обстоятельствами дела было установлено, что гражданин Г. был признан виновным в нанесении побоев, которые не повлекли последствий, указанных в ст. 115 УК РФ, а также содействию в самоубийстве путем предоставления указаний. Судебная коллегия по уголовным делам, в свою очередь, указала, что дополнительная квалификация по ч. 1 ст. 116 УК РФ излишняя, так как действия виновного уже охватываются ч. 2 ст. 110.1 УК РФ [6, с. 60].

Одним из проблемных моментов в теории уголовного права является отличие рассматриваемого состава от убийства. Речь идёт о тех случаях, когда к самоубийству склоняется невменяемое либо малолетнее лицо. В подобных ситуациях лицо не осознаёт характер и значение производимых с ним действий и не понимает, какие последствия могут наступить. Представляется, что можно согласиться с теми учёными, которые предлагают квалифицировать данные действия либо как убийство, если смерть наступила [7], либо как приготовление или покушение на убийство, если планируемый результат не наступил. В таких ситуациях действия виновного будут оцениваться как посредственное исполнительство (субъект причиняет смерть потерпевшему руками самого потерпевшего).

В заключение работы хотелось бы сделать акцент ещё на одном аспекте квалификации рассматриваемого преступления. Одной из распространённых практик в рядах вооружённых сил является воспитание солдат и офицеров на примере воинских подвигов, в том числе и трагических, связанных с принесением военными себя в жертву. Как известно, подобные факты неоднократно отмечались во время Великой Отечественной войны (подвиг Александра Матросова, Николая Гастелло и других). Подобные случаи известны и новейшей российской истории. Ярким примером может служить подвиг майора Филиппова – военного летчика, подорвавшего себя гранатой в окружении боевиков в Сирии в 2018 г. Последовавшие публичные выступления, возмечивающие самопожертвование майора, носили открыто пропагандистский характер: «На таких примерах мы должны воспитывать нашу молодежь», «Человек, выбирающий для себя военную стезю, всегда должен помнить, что это потенциально путь смерти. Если сможет, как смог майор Филиппов, – честь ему и хвала. Значит, жертвовать собой во имя других – его настоящее призвание» [1]. Не ставя под сомнение необходимость героизации подвигов соотечественников и высокоэтичный характер приведенных высказываний, оценим их с позиции соответствия уголовно-правовому запрету на склонение к совершению самоубийства.

Существует точка зрения, что в подобных ситуациях деяние не будет считаться преступным в связи с малозначительностью [1].

Если принять во внимание ч.ч. 1 и 2 данной статьи, то их состав является формальным. Значит, в соответствии с общей теорией уголовного права, в нем возможен только прямой умысел. Представляется, что в указанных выше ситуациях будет отсутствовать умысел на совершение данного преступления. Обосновывается это следующим: в соответствии с ч. 2 ст. 25 УК РФ интеллектуальный момент прямого умысла выражается в «осознании виновным общественно опасного характера своих действий...». В рассмотренных выше ситуациях действия не являются общественно опас-

ными – они общественно полезны, так как направлены на укрепление обороноспособности государства.

Таким образом, для того чтобы избежать ошибок при квалификации, необходимо всесторонне, полно и объективно устанавливать и рассматривать все обстоятельства произошедшего. Выработка дальнейших путей совершенствования действующей нормы УК, предусматривающей ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства, должна продолжаться.

Список источников

1. Филиппова С.В. Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2020/Filippova.pdf> (дата обращения: 18.12.2021).

2. Артамонова М.А. Некоторые проблемы квалификации доведения до самоубийства и склонения к совершению самоубийства [Электронный ресурс] // Вестник УЮИ. 2017. № 3 (77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kvalifikatsii-dovedeniya-do-samoubiystva-i-skloneniya-k-soversheniyu-samoubiystva> (дата обращения: 10.12.2021).

3. Старжинская А.Н. Проблемы квалификации преступлений, связанных с доведением до самоубийства, склонением к самоубийству или содействием в его совершении [Электронный ресурс] // Закон и право. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestupleniy-svyazannyh-s-dovedeniem-do-samoubiystva-skloneniem-k-samoubiystvu-ili-sodeystviem-v-ego-sovershenii> (дата обращения: 7.12.2021).

4. Никитина А.Н. Общественная опасность склонения к самоубийству и содействия совершению самоубийства [Электронный ресурс] // Ученые записки Казанского юридического института МВД России. 2018. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennaya-opasnost-skloneniya-k-samoubiystvu-i-sodeystviya-soversheniyu-samoubiystva> (дата обращения: 25.12.2021).

5. Полиди А.А., Куликова А.А. Проблема законодательной регламентации ответственности за доведение до самоубийства и склонение к самоубийству [Электронный ресурс] // Концепт. 2017. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zakonodatelnoy-reglamentatsii-otvetstvennosti-za-dovedenie-do-samoubiystva-i-skloneniya-k-samoubiystvu> (дата обращения: 18.12.2021).

6. Семёнов В.Р. Проблемы квалификации причинения смерти по неосторожности // Научный вестник ОрЮИ МВД России. 2020. № 2. С. 60-65.

7. Малетина М.А. Уголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него [Электронный ресурс]. URL: <https://omamvd.ru/diss/wp-content/uploads/2021/04/Малетина-М.А.pdf> (дата обращения: 10.12.2021).

References

1. Filippova S.V. Sklonenie k soversheniyu samoubijstva ili sodejstvie soversheniyu samoubijstva: ugovovno-pravovaya harakteristika i problemy kvalifikacii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.agprf.org/userfiles/ufiles/facultety/aspirant/diss/2020/Filippova.pdf> (data obrashcheniya: 18.12.2021).

2. Artamonova M.A. Nekotorye problemy kvalifikacii dovedeniya do samoubijstva i skloneniya k soversheniyu samoubijstva [Elektronnyj resurs] // Vestnik UYUI. 2017. № 3

(77). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-kvalifikatsii-dovedeniya-do-samoubiystva-i-skloneniya-k-soversheniyu-samoubiystva> (data obrashche-niya: 10.12.2021).

3. Starzhinskaya A.N. Problemy kvalifikatsii prestuplenij, svyazannyh s dovedeniem do samoubiystva, skloneniem k samoubiystvu ili sodejstviem v ego sovershenii [Elektronnyj resurs] // Zakon i pravo. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-prestuplenij-svyazannyh-s-dovedeniem-do-samoubiystva-skloneniem-k-samoubiystvu-ili-sodeystviem-v-ego-sovershenii> (data obrashcheniya: 7.12.2021).

4. Nikitina A.N. Obshchestvennaya opasnost' skloneniya k samoubiystvu i sodejstviya soversheniyu samoubiystva [Elektronnyj resurs] // Uchenye zapiski Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshchestvennaya-opasnost-skloneniya-k-samoubiystvu-i-sodeystviya-soversheniyusamoubiystva> (data obrashcheniya: 25.12.2021).

5. Polidi A.A., Kulikova A.A. Problema zakonodatel'noj reglamentatsii otvetstvennosti za dovedenie do samoubiystva i sklonenie k samoubiystvu [Elektronnyj resurs] // Koncept. 2017. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-zakono-datelnoy-reglamentatsii-otvetstvennosti-za-dovedenie-do-samoubiystva-i-sklonenie-k-samoubiystvu> (data obrashcheniya: 18.12.2021).

6. Semyonov V.R. Problemy kvalifikatsii prichineniya smerti po neostorozhnosti // Nauchnyj vestnik OrYUI MVD Rossii. 2020. № 2. S. 60-65.

7. Maletina M.A. Uголовно-правовая характеристика преступной причастности к самоубийству, не связанной с доведением до него [Elektronnyj resurs]. URL: <https://omamvd.ru/diss/wp-content/uploads/2021/04/Maletina-M.A.pdf> (data obrashcheniya: 10.12.2021).

Информация об авторе

Алексей Иванович Сорокин. Старший преподаватель кафедры уголовного права, криминологии и психологии. Кандидат юридических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Alexey I. Sorokin. Senior teacher of the chair of Criminal Law, Criminology and Psychology. Candidate of legal sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 01.04.2022; одобрена после рецензирования 15.04.2022; принята к публикации 11.05.2022.

The article was submitted April 1, 2022; approved after reviewing April 15, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 11, 2022.

Научная статья
УДК 343.12

**ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА СОСТЯЗАТЕЛЬНОСТИ
И РАВНОПРАВИА СТОРОН В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ:
УКЛОН В СТОРОНУ ОБВИНЕНИЯ**

Юлия Викторовна Быстрова

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия,
zukova57@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы применения принципа состязательности и равноправия сторон в современном уголовном процессе. Автором приведены конкретные примеры материалов судебно-следственной практики, в которых продемонстрирован механизм смещения в сторону обвинения на различных стадиях уголовного судопроизводства. Показан приоритет функций следователя и прокурора по сравнению с адвокатом. Проанализированы причины возникновения «обвинительного уклона» в уголовном процессе. Предложены пути решения исследуемых проблем посредством как реформирования уголовно-процессуального законодательства, так и совершенствования кадровой политики в правоохранительной системе.

Ключевые слова: уголовный процесс, принципы уголовного процесса, принцип состязательности, принцип равноправия сторон, уклон в сторону обвинения

Для цитирования: Быстрова Ю. В. Проблемы реализации принципа состязательности и равноправия сторон в Российском уголовном процессе: уклон в сторону обвинения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 87-94.

**PROBLEMS OF IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF COMPETITION
AND EQUALITY OF THE PARTIES IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCESS:
BIAS TOWARDS THE PROSECUTION**

Yulia V. Bystrova

Orel state University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia, zukova57@mail.ru

Abstract. The article examines the problems of applying the principle of competition and equality of the parties in modern criminal proceedings. The author gives concrete examples of materials of judicial and investigative practice, which demonstrate the mechanism of bias towards the prosecution at various stages of criminal proceedings. The priority of the functions of the investigator and prosecutor in comparison with the lawyer is shown. The causes of the "accusatory bias" in the criminal process are analyzed. The ways of solving the studied problems are proposed by reforming both the criminal procedure legislation and by improving the personnel policy in the law enforcement system.

© Быстрова Ю. В., 2022

Keywords: criminal procedure, principles of criminal procedure, the principle of competition, the principle of equality of the parties, bias towards the prosecution

For citation: Bystrova Yu. V. Problems of implementation of the principle of competition and equality of the parties in the Russian criminal process: bias towards the prosecution // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 87-94.

Система принципов, существующих в современном российском уголовном процессе, обеспечивает конституционность всего уголовного судопроизводства, способствует «всестороннему и объективному разрешению уголовного дела, предупреждению вынесения необоснованного и несправедливого приговора, а также защите личности от незаконного ограничения и нарушения ее прав и свобод» [1, с. 55]. Данное положение закреплено в ст. 123 Конституции Российской Федерации¹. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее – УПК РФ) содержит весь перечень принципов во второй главе², которыми должны руководствоваться все участники процесса, а в особенности – прокурор [2, с. 35].

Например, ст. 15 УПК РФ гласит о том, что стороны обвинения и защиты находятся в равном положении перед судом. Они участвуют в процессе на началах состязательности. Принцип состязательности сторон возможен при наличии сторон обвинения и защиты. Сущность данного принципа заключается в том, что и та и другая сторона должна иметь равные права собирать, излагать и защищать свои доводы и представлять свои доказательства по делу; ни одна из сторон не должна быть ущемлена в своих правах.

Однако, как показывает практика, в состязательном процессе наблюдается «перекос» в сторону обвинения. Данная проблема является весьма актуальной в настоящее время. При проведении ретроспективного анализа статистики можно убедиться в том, что процент оправдательных приговоров, вынесенных судами, ничтожен по сравнению с обвинительными.

Состязательность – это не цель уголовного процесса, а одно из средств достижения полноты, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела, столь необходимых для установления истины [3, с. 357]. Соответственно, существует необходимость в поддержании справедливого соотношения сил на противоборствующих сторонах. Без достойного правового спора между стороной защиты и стороной обвинения не будет достигнута главная цель состязательности – установление истины.

Следует отметить, что обвинительный уклон означает именно несоблюдение принципа равноправия сторон. Зачастую следователи, прокуроры и судьи игнорируют доказательства, свидетельствующие в пользу невиновности обвиняемого, не проверяют и не учитывают доводы защиты.

Как известно, согласно ст. 38 УПК РФ следователь является участником уголовного процесса со стороны обвинения. Однако его деятельность должна строиться не только на желании любыми способами предъявить обвинение лицу. Следователь в

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.; с учетом поправок, внесенных законами Рос. Федерации о поправках к Конституции Рос. Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ, от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ, от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

первую очередь считается исследователем. Он рассматривает абсолютно все обстоятельства по конкретному уголовному делу, прорабатывает все версии происшедшего: как те, что свидетельствуют о виновности лица, так и те, что оправдывают его. На данном субъекте процесса лежит большая ответственность – установление объективной истины. Тем не менее довольно часто в качестве базиса для проведения расследования следователи берут исключительно обвинительные версии и недостаточно проверяют версии защиты. Существует огромное количество нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения при проведении тех или иных следственных действий (например, злоупотребления при проведении допросов, обысков). Нередко они квалифицируют содеянное обвиняемым по более тяжким, чем следует, составам преступления, при избрании меры пресечения предпочитают ходатайствовать перед судом о заключении подозреваемого, обвиняемого под стражу, игнорируя иные меры пресечения [4].

Также заметим, что очередной демонстрацией обвинительного уклона в уголовном процессе признается тот факт, что следователи не всегда учитывают мнение защиты, ее ходатайства. На основании положений п. 3 ст. 86 УПК РФ защитник имеет возможность собирать доказательства различными непротиворечащими закону способами. Вместе с тем такие доказательства не могут быть приобщены к материалам дела без соответствующего удовлетворения следователем (дознавателем) или судом ходатайства защитника об этом. Иногда такое ходатайство может быть необоснованно отклонено, что, в свою очередь, может являться предметом рассмотрения в суде апелляционной инстанции.

Например, считаем нарушением, что следователь, удостоверившись в присутствии адвоката в том, что он, Н., не желает давать показания в соответствии с ч. 1 ст. 51 Конституции Российской Федерации, тем не менее продолжал в присутствии адвоката задавать ему вопросы и требовать на них ответы, а адвокат на это не приносила замечаний под протокол судебного заседания. Кроме того, попустительствовала тому, что в течение 6 месяцев ему не была предоставлена копия постановления о привлечении в качестве обвиняемого в соответствии с п. 2 ч. 4 ст. 47 УПК РФ, не выполнялись требования ч. 8 ст. 162 УПК РФ о письменных уведомлениях его и защитника о продлении сроков предварительного следствия, а также требования, предусмотренные ст. 198 УПК РФ, относительно прав обвиняемого при производстве экспертизы. Он неоднократно подавал письменные ходатайства об отказе от услуг адвоката В.К. Прудниковой, но в деле имеется только одно такое ходатайство.

Нет также в уголовном деле материалов относительно назначения защитника С.В. Мухина и проведения следственных действий в его отсутствие, а также его ходатайства об отказе от услуг адвоката С.В. Мухина, которое было зарегистрировано в журнале входящей корреспонденции при <данные изъяты> с вх. № от 23 мая 2013 г. Вместо них в деле появились подложные постановления следователя об удовлетворении ходатайства о назначении защитника А.В. Парфения от 17 мая 2013 г. Ходатайство это на 9 листах с приложениями на 12 листах было приобщено к материалам уголовного дела и было рассмотрено судом 14 февраля 2014 г. Не были надлежащим образом исследованы факты, изложенные в ходатайстве, и материалы, приложенные к нему, не были вызваны и допрошены свидетели, которые могли подтвердить обоснованность заявленного ходатайства, но суд указал в протоколе судебного заседания на якобы имевшее место их исследование, что, по его мнению, указывает на несоответствие выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам дела. Считает, что суд умышленно не исследовал доводы его ходатайства от ДД.ММ.ГГГГ, чтобы скрыть незаконные методы ведения следствия. Считает незаконным, что суд первой инстанции

в основу приговора положил протокол его задержания с указанием на то, что он там признавал вину, хотя это являлось недопустимым доказательством.

Суд первой инстанции в основу приговора положил показания потерпевшего Ш.С., данные им в судебном заседании 26 ноября 2013 г., относительно сведений, известных ему от К.В., трактуя их одним образом, хотя из протокола судебного заседания следует другое: К.В. не сообщал ему ДД.ММ.ГТТГ, что его брата убил он, Н.; звонили ему ночью ДД.ММ.ГТТГ его друзья, которые сообщили, что брата А.Ш.С. нашли в поселке мертвым, и не уточнялось, какого именно числа звонил ему К.В. Судом на основании п. 1 ч. 2 ст. 281 УПК РФ были оглашены показания свидетелей обвинения М.В., К.В., А.А., данные ими на стадии предварительного следствия, но впоследствии суд намеренно не дал ему возможности оспорить достоверность их показаний и показать то, что они оговаривают его, чтобы потом указать в приговоре, что оснований не доверять их показаниям нет. Тем самым суд нарушил его право на защиту.

Считает, что суд не дал никакой оценки и тому факту, что якобы в момент совершения им деяния на месте происшествия в период времени с 23.30 ДД.ММ.ГТТГ по 03.00 ДД.ММ.ГТТГ находился парень кавказской национальности, который согласно показаниям свидетеля А.О. принимал участие в потасовке с А.С. и который мог нанести повреждения, повлекшие его смерть. Это косвенно подтверждается отсутствием на его, Н., одежде каких-либо следов крови, грязи и т. д., которые должны были бы неизбежно появиться, поскольку, как пояснил в суде судмедэксперт, от 26 ножевых ранений должно было быть большое количество крови. Личность данного парня кавказской национальности ни следствием, ни судом не устанавливалась, он не был допрошен по обстоятельствам происшествия, непосредственным участником и очевидцем которого являлся, что прямо указывает о неполноте и явном обвинительном уклоне следствия и суда. Поэтому в ходе судебного следствия сторона обвинения не представила достаточных доказательств его вины, его причастности к преступлению³.

Анализируя нормы УПК РФ, следует сделать вывод, что механизм получения и закрепления доказательств защитником на законодательном уровне не урегулирован, что в значительной мере усложняет задачу для него.

Таким образом, в современном российском уголовном процессе сторона защиты находится в уязвимом, неравном положении.

Когда дело касается, например, запроса в органы власти о предоставлении необходимых документов по делу, то для сторон процесса существуют определенные сроки предоставления. В соответствии с п. 2 ст. 6.1 Федерального закона от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации»⁴ органы государственной власти, органы местного самоуправления, общественные объединения и иные организации, которым направлен адвокатский запрос, должны дать на него ответ в письменной форме в тридцатидневный срок со дня его получения.

Согласно п. 4 ст. 21 УПК РФ требования, поручения и запросы прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя, предъявленные в пределах их полномочий, установленных УПК РФ, обязательны для исполнения всеми учреждениями, предприятиями, организациями, должностными лицами и гражданами. Однако срок предоставления им запрошенных документов не установлен.

³ Апелляционное определение № 22-631/2014 от 1 июля 2014 г. Сахалинского областного суда [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/2w153FrICi13/?regular-txt=> (дата обращения: 07.03.2022).

⁴ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ: в ред. от 1 марта 2022 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

При этом общим сроком исполнения считается срок в течение 30 дней. На практике, как правило, срок указывается в самом запросе, он может быть, в том числе и самым кратчайшим.

Не стоит умалять и статус следователя, дознавателя и прокурора. Таким фигурам уголовного процесса все необходимые сведения будут предоставляться быстрее, чем защитникам. Все это косвенно говорит о неравноправности защиты и обвинения.

Многие ученые-процессуалисты отмечают, что перекося в сторону обвинения присутствует и на судебных стадиях уголовного процесса. С.В. Бурмагин считает, что постулат состязательности о строгом разграничении процессуальных функций зачастую не соблюдается российскими судьями. Ввиду менталитета, укоренившихся привычек и консервативного правосознания судьи «подыгрывают» обвинительной власти, чрезмерно активничают в процессе доказывания и стремятся собственными усилиями подтвердить выдвинутое обвинение, нарушая процессуальный баланс сторон, забывая о своей объективности и беспристрастности, иными словами – по-прежнему поддерживают обвинительный уклон [5, с. 890].

На наш взгляд, причиной наличия обвинительного уклона в судопроизводстве можно признать и тот факт, что судья в случае вынесения оправдательного приговора подвергает сомнению все досудебное производство: работу дознавателя, следователя, прокурора. Подобные действия так или иначе ухудшают показатели раскрываемости.

В качестве примера можно привести дело, рассмотренное Октябрьским районным судом Белгородской области 14 февраля 2018 г. на обращение Ю.В. Пантелеенко дан ответ об отсутствии нарушения порядка предъявления обвинения, регламентированного ст. 172 УПК РФ, повторно сообщено об изучении уголовного дела, о заслушивании хода расследования на оперативном совещании, даче следователю ряда письменных указаний в порядке ст. 39 УПК РФ о производстве ряда следственных и процессуальных действий и нахождении уголовного дела на контроле (т. 1 л.д. 142, 143). Несмотря на подобного рода ответы, доводы, изложенные в письменных возражениях третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований, СУ СК РФ по Белгородской области, о том, что выводы следствия относительно виновности Ю.М. Пантелеенко основывались исключительно на материалах уголовного дела, в ходе предварительного следствия, в судебном заседании не признавались незаконными постановление о возбуждении уголовного дела или действия (бездействие) следователя, а также об отсутствии причинной связи между действиями следователей СО по г. Белгороду и изложенными истцом последствиями (т. 1 л.д. 197а; т. 2 л.д. 30, 31), опровергаются материалами уголовного дела и надзорного производства. Так, постановлением судьи Свердловского районного суда г. Белгорода от 15 февраля 2018 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя по ОВД СО по г. Белгороду СУ СК РФ по Белгородской области Б.Д.Л. о продлении срока содержания под стражей обвиняемых на 2 месяца, т. е. в том числе Ю.М. Пантелеенко до 7 месяцев 5 суток; постановлено: Ю.М. Пантелеенко избрать меру пресечения в виде домашнего ареста на срок 2 месяца, т. е. с 18 февраля 2018 г. по 17 апреля 2018 г. (т. 1 л.д. 74-78). В данном постановлении суд отметил, что расследование такого уголовного дела не представляет особой сложности, в связи с чем срок содержания под стражей в отношении обвиняемых не может быть продлен свыше 6 месяцев; указанные в ходатайстве следователя следственные действия по ознакомлению потерпевшего и его представителя, обвиняемых и защитников с материалами уголовного дела, составляющими девять томов, составление обвинительного заключения не представляют особой сложности при расследовании уголовного дела, поскольку для производства всех этих следственных действий достаточно двух-трех недель (т. 1 л.д. 77 абз. 6). 22 февраля 2018 г. в апелляционном постановлении суд апелляционной инстанции, отказывая в удовлетворении апелляционного представления на по-

становление судьи Свердловского районного суда г. Белгорода от 15 февраля 2018 г., пришел к выводу о том, что доводы следователя об особой сложности уголовного дела не соответствуют действительности. «Предмет доказывания в рамках инкриминируемых обвиняемым действий вполне зауряден и не требует от следователя выдающихся способностей. На первоначальном этапе расследование проводилось группой, состоящей из четырех следователей» (т. 1 л.д. 83 абз. 5, 7). «К крайнему неудовлетворению апелляционного суда, анализ предшествующих продлений сроков предварительного следствия обнажает вялотекущий и хаотичный характер расследования. Так, заявленные следователем к осуществлению процессуальные действия, будь то выемка, отображение образцов слюны или получение ответов на поручения – не являются трудоемкими и затратными по времени. Подавляющее большинство свидетелей, включая курсантов 3 курса, находящихся на практике в отделе полиции, не являлись очевидцами расследуемых событий, а их количество не говорит о «качестве» (интересе) полученной от них информации. Хронология следственных и процессуальных действий указывает на отсутствие планомерной и каждодневной работы по уголовному делу следователя, который только к концу 4-го месяца расследования созрел для назначения медико-криминалистической и молекулярно-генетической экспертиз. Все это является свидетельством отсутствия какой-либо внятной следственной тактики, итогом которой является утрата инициативы, что, исходя из должности и специального звания следователя, не поддается разумному объяснению. На фоне полугодового расследования ссылка на 9 томов уголовного дела лишний раз убеждает апелляционный суд в обоснованности этого суждения» (т. 1 л.д. 84 абз. 1-6)⁵.

Совершенно очевидно, что одним из средств защиты процессуальных гарантий для подозреваемого и обвиняемого является преодоление обвинительного уклона в деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Именно перекос в сторону обвинения способствует появлению по уголовным делам следственных и судебных ошибок, что искажает существо отправления правосудия и вступает в противоречие с принципами уголовного судопроизводства. Чтобы преодолеть данные проблемы, представляется возможным воплощение следующих идей.

На наш взгляд, будет оправданным введение в УПК РФ статьи, посвященной обвинительному уклону, в которой будут прописаны действия, относящиеся к нарушению принципа состязательности и равноправия сторон в процессе. Данные действия должны быть признаны в качестве нарушения какой-либо из процедур.

Для преодоления перекоса в сторону обвинения предлагается также ведение усовершенствованной кадровой политики. Правоохранительные органы и суды нуждаются в специалистах, воспитанных на идеях гуманного правосудия и соблюдения прав человека.

Существенным шагом будет отказ от привязанности к показателям работы. Не все складывающиеся ситуации можно привязать к цифрам, так как каждый случай уникален по своей природе.

Таким образом, полагаем, что в обозримом будущем исследованная проблема будет разрешима. Мир стремительно развивается, а это требует от органов власти, органов правосудия, правоохранительных органов совершенствования. Они должны отвечать требованиям современного общества: справедливости, гуманизму, беспристрастности, честности и прозрачности.

⁵ Решение № 2-2641/2020 от 24 июля 2020 г. по делу № 2-2641/2020 Октябрьского районного суда г. Белгорода [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/tKHHQpOiMe6C/> (дата обращения: 07.03.2022).

Список источников

1. Гришин А.В., Волкова В.Р. Право реабилитированного лица на возмещение вреда: некоторые аспекты современной уголовно-процессуальной политики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2020. № 3 (84). С. 53-58.
2. Гришин А.В., Гришина М.В. Уголовно-процессуальная политика государства по противодействию преступлениям в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности: современные проблемы реализации // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2018. № 3 (76). С. 32-35.
3. Башкатов Л.Н. [и др.]. Уголовно-процессуальное право Рос. Федерации: учебник. 3-е издание, перераб. и доп. / под ред. ИЛ. Петрухина, Н.Б. Михайловской. М.: Проспект, 2011. 685 с.
4. Назаров А.Д. Обвинительный уклон в деятельности субъектов, ведущих уголовный процесс, как фактор, способствующий появлению ошибок в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obvinitelnyy-uklon-v-deyatelnosti-subektov-vedushchih-ugolovnyy-protsess-kak-faktor-sposobstvuyushchiy-poyavleniyu-oshibok-v-ugolovnom> (дата обращения: 28.02.2022).
5. Бурмагин С.В. Разделение обвинительной и судебной властей в уголовном судопроизводстве России: от судебной реформы 1864 г. до наших дней // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 5. С. 885-896.

References

1. Grishin A.V., Volkova V.R. Pravo rehabilitirovannogo lica na vozmeshchenie vreda: nekotorye aspekty sovremennoj ugolovno-processual'noj politiki // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2020. № 3 (84). S. 53-58.
2. Grishin A.V., Grishina M.V. Ugolovno-processual'naya politika gosudarstva po protivodejstviyu prestupleniyam v sfere predprinimatel'skoj i inoj ekonomicheskoy deyatelnosti: sovremennye problemy realizacii // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2018. № 3 (76). S. 32-35.
3. Bashkatov L.N. [i dr.]. Ugolovno-processual'noe pravo Ros. Federacii: uchebnik. 3-e izdanie, pererab. i dop. / pod red. IL. Petruhina, N.B. Mihajlovskoj. M.: Prospekt, 2011. 685 s.
3. Nazarov A.D. Obvinitel'nyj ukлон v deyatel'nosti sub"ektov, vedushchih ugolovnyj process, kak faktor, sposobstvuyushchij pojavleniyu oshibok v ugolovnom sudoproizvodstve [Elektronnyj resurs] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2015. № 9. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obvinitelnyy-uklon-v-deyatelnosti-subektov-vedushchih-ugolovnyy-protsess-kak-faktor-sposobstvuyushchiy-poyavleniyu-oshibok-v-ugolovnom> (data ob-rashcheniya: 28.02.2022).
4. Burmagin S.V. Razdelenie obvinitel'noj i sudebnoj vlastej v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: ot sudebnoj reformy 1864 g. do nashih dnei // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. 2014. № 5. S. 885-896.

Информация об авторе

Юлия Викторовна Быстрова. Заведующий кафедрой уголовного процесса и прокурорского надзора. Доктор юридических наук, доцент.

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева.
302001, Россия, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95.

Information about the author

Yulia V. Bystrova. Head of the chair of Criminal Procedure and Prosecutor's Supervision. Doctor of legal sciences, associate professor.
Orel state University named after I.S. Turgenev.
302001, Russia, Orel, st. Komsomolskaya 95.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 21.04.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted March 23, 2022; approved after reviewing April 21, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 27, 2022.

Научная статья
УДК 343.1

УЧАСТИЕ ПСИХОЛОГА В ДОПРОСЕ СУДОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО ПОТЕРПЕВШЕГО

Варсеник Артуровна Виноградова
Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия,
varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Аннотация. В связи с внесением Федеральным законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ дополнений в ст. 280 УПК РФ в практической деятельности актуализировалась проблема выбора между педагогом и психологом с целью обеспечения их присутствия при допросе несовершеннолетнего потерпевшего на судебном этапе производства по уголовному делу. Несогласованность различных норм УПК РФ не обеспечивает последовательное психологическое сопровождение несовершеннолетнего потерпевшего одним специалистом на досудебном и судебном этапах судопроизводства.

Ключевые слова: психолог, педагог, несовершеннолетний, потерпевший, свидетель, суд; допрос, судебное заседание

Для цитирования: Виноградова В. А. Участие психолога в допросе судом несовершеннолетнего потерпевшего // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 95-102.

PARTICIPATION OF A PSYCHOLOGIST IN THE INTERROGATION BY THE COURT OF A MINOR VICTIM

Varsenik A. Vinogradova
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia,
varsenik.vinogradova.89@mail.ru

Abstract. In connection with the introduction of amendments to Art. 280 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, in practice, the problem of choosing between a teacher and a psychologist was actualized in order to ensure their presence during the interrogation of a minor victim at the judicial stage of criminal proceedings. The inconsistency of the various norms of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation does not provide consistent psychological support for a minor victim by one specialist at the pre-trial and trial stages of legal proceedings.

Keywords: psychologist, teacher, minor, victim, witness, court, interrogation, court session

For citation: Vinogradova V. A. Participation of a psychologist in the interrogation by the court of a minor victim // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 95-102.

© Виноградова В. А., 2022

Законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ в ст. 280 УПК РФ внесены дополнения, предусматривающие участие психолога в допросе судом несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля (далее – несовершеннолетнего потерпевшего) в стадии судебного разбирательства уголовного дела¹. Ранее в УПК РФ участие психолога в допросе этих участников уголовного процесса регламентировалось только применительно к стадии предварительного расследования (ст. 191 УПК РФ), что считалось пробелом в законодательстве. Для его устранения В.М. Бозров и Т.В. Надеяева предложили дополнить ст. 280 УПК РФ соответствующими положениями об участии в судебном допросе несовершеннолетнего потерпевшего психолога [1, с. 85]. Данное предложение реализовано лишь частично, и точка в этой «психологической» истории не поставлена. Поэтому анализ указанных новелл УПК РФ представляет безусловный научный интерес.

Закон допускает оглашение судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего, ранее данных при производстве предварительного расследования или судебного разбирательства, а также воспроизведение видеозаписи его показаний в отсутствие потерпевшего без проведения допроса (ст. 281 УПК РФ). Когда несовершеннолетний потерпевший в судебном заседании не участвует, суд не приглашает и психолога.

Предписания ч. 4 и 5 ст. 191, ч. 2.1, 6 ст. 281 УПК РФ предназначены в том числе и для того, чтобы исключить лишние, не вызывающие крайней необходимости случаи контакта потерпевшего с обвиняемым (подозреваемым), вызовы его к следователю и в суд. Более того, рядом международных документов практика вызова в судебное заседание несовершеннолетних потерпевших для дачи показаний не приветствуется, рекомендуется допрос таких лиц проводить в период расследования, причем по возможности ограничиваться одним допросом, а в судебном заседании воспроизводить видеозапись показаний потерпевшего [2, с. 57].

Таким образом, возможные опасения о том, что произошедшие в 2022 году «мартовские» изменения в ст. 280 УПК РФ, предусматривающие участие психолога в судебном допросе несовершеннолетнего потерпевшего, создадут сложности с поиском психолога для приглашения его в судебное заседание с целью присутствия при допросе указанного участника судебного разбирательства, не имеют под собой объективных оснований. Системное толкование норм УПК РФ, поставивших перед органами и должностными лицами, осуществляющими уголовный процесс, дополнительную задачу охраны физического и психического здоровья несовершеннолетних потерпевших [3, с. 34] и допускающих использование их показаний в стадии судебного разбирательства уголовного дела путем оглашения или воспроизведения их видеозаписи, приводит к выводу: *вызовы в суд для допроса указанных участников уголовного дела должны быть исключением*. Это существенно облегчает обеспечение психологического сопровождения данного судебного действия с учетом его предполагаемой эксклюзивности. Например, по делам с участием несовершеннолетних потерпевших, отмечают В.М. Бозров и Т.В. Надеяева, в 2016 г. суды Свердловской области привлекали педагога к участию в судебном заседании в 193 случаях, т. е. для 10,0 % потерпевших (в 2015 г. – 310, или 11,6 %, в 2014 г. – 325, или 11,8 %), психолога – для 50 потерпевших, или 2,9 % (в 2015 г. – 680, или 25,4 %) [1, с. 77].

Серьезный фактор, во многом определяющий «расклад» приложения педагогических и психологических познаний в стадиях предварительного расследования и судебного разбирательства уголовного дела о преступлении в отношении несовершенно-

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 280 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федер. закон Рос. Федерации от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ // Рос.газ. 2022. 11 марта.

летнего, – восприятие законодателем педагога и психолога в качестве равнозначных и взаимозаменяемых процессуальных участников. Именно по этой причине, надо полагать, в УПК РФ длительное время не вносились дополнения о привлечении в уголовный процесс на стороне несовершеннолетнего потерпевшего не только педагога, но и психолога. Считалось достаточным делегирование педагога для участия в допросе несовершеннолетнего потерпевшего. Если взять за точку отсчета УПК РСФСР 1960 г., где педагог фигурирует как участник уголовного процесса, то о психологе в российском уголовно-процессуальном законодательстве «вспомнили» лишь в 2001 г., при принятии УПК РФ: в ст. 425 УПК РФ предусматривалось участие в допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого, как и прежде, педагога, однако вместо него, по усмотрению следователя и суда, допускалось приглашение психолога. Законом от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ в ст. 425 УПК РФ конкретизированы порядок вызова психолога следователем, а также права психолога в связи с участием в допросе. Как видно из изложенного, ровно сорок лет следственно-судебная практика допроса несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых, подсудимых ограничивалась привлечением педагога.

Что касается несовершеннолетнего потерпевшего, то присутствие при его допросе психолога было закреплено только законом от 12 декабря 2013 г. № 432-ФЗ, введенным в действие с 1 января 2015 г. До этого в допросе таких лиц в соответствии со ст. 191 УПК РФ в первоначальной редакции участвовал лишь педагог.

В рамках наметившейся тенденции «психологизации» допроса несовершеннолетнего потерпевшего, что с очевидностью подтверждается содержанием ч. 4 ст. 191 УПК РФ, предусмотревшей обязательное участие психолога при проведении допроса несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающим в психическом развитии по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, возникла проблемная ситуация. Она детерминирована элементарной несогласованностью в этой части положений ст. 191 и ст. 280 УПК РФ.

В большинстве случаев следователь поставлен в неопределенное положение в связи с проведением допроса несовершеннолетнего потерпевшего, поскольку ему необходимо каждый раз делать выбор между педагогом и психологом. При этом в ч. 1 ст. 191 УПК РФ никаких формальных ориентиров для этого не содержится. Указанный выбор зависит от конкретных обстоятельств расследуемого уголовного дела, установленных особенностей личности потерпевшего и компетенции педагогов, психологов. Решающую роль здесь играет усмотрение следователя.

Как показывают научные исследования, в условиях предоставленного дознавателю, следователю выбора между педагогом или психологом, когда по закону требуется их участие в следственном действии с несовершеннолетним потерпевшим, выбор делается в пользу педагога. По данным Л.Р. Байдавлетовой, не выявлено ни одного уголовного дела, где бы в следственном действии с несовершеннолетним лицом, не достигшим шестнадцатилетнего возраста, принимал участие психолог. Хотя законодатель и дает альтернативу следователю на его усмотрение обеспечить участие психолога или педагога в следственном действии, в каждом случае выбор должен быть только индивидуальным и учитывать возраст подростка, обстоятельства произошедшего, психологические особенности несовершеннолетнего [4, с. 3].

По мнению отдельных ученых, вопрос разграничения компетенции педагога и психолога, привлекаемых к следственным действиям, проводимым с участием несовершеннолетних лиц, должен решаться с учетом комплекса факторов: цели, для достижения которой привлекается педагог или психолог; особенностей личности участника

процесса, уровня его развития и возраста (потерпевшими и свидетелями часто являются малолетние дети); сложившейся ситуации общения должностного лица и несовершеннолетнего (конфликтная либо бесконфликтная ситуация); правового статуса лица (для потерпевшего обстановка следственного действия является более психотравмирующей) [5, с. 70].

Как резонно отмечает Е.А. Семенов, процессуальный закон оперирует понятиями «педагог» и «психолог» 16 раз в случаях, связанных с участием несовершеннолетнего лица (потерпевшего, свидетеля, подозреваемого, обвиняемого), и производстве следственных действий с его участием. Законодатель предоставляет следователю право выбора на участие или одного, или другого сведущего лица при допросе несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого (ст. 425 УПК РФ). Кроме того, проведение допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, содержит императивное требование об участии педагога или психолога (ст. 191 УПК РФ). С другой стороны, в суде, при участии в допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет законодатель обязует приглашать исключительно педагога, указывая на это в ст. 280 УПК РФ не менее пяти раз [6, с. 69]. С учетом изложенного автор приходит к следующим выводам: участие педагога и психолога в следственных действиях регулируется законом как равнозначное, и выбор остается за следователем или судом; предпочтение в привлечении психолога должно быть отдано исключительно при половых преступлениях с участием потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии; педагог должен обязательно участвовать в суде при допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет.

При формулировании данных выводов Е.А. Семенов не приводит в их обоснование конкретных обстоятельств, которые бы с очевидностью доказывали правильность выбора следователя и суда в привлечении к участию в допросе педагога или психолога. Более того, авторские позиции о том, что предпочтение в привлечении психолога должно быть отдано исключительно при половых преступлениях с участием потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет, а педагог должен обязательно участвовать в суде при допросе потерпевших и свидетелей в возрасте до четырнадцати лет, не до конца согласованы между собой. Это отчетливо видно в случаях, когда производство по уголовному делу ведется о половом преступлении в отношении потерпевшего, которому не исполнилось четырнадцать лет: здесь оказываются в равной степени значимыми рекомендации привлекать к допросу как педагога, так и психолога.

В связи с внесенными в ст. 280 УПК РФ дополнениями законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ, установившим участие в суде наряду с педагогом и психологом, проблема выбора между педагогом и психологом с целью обеспечения их присутствия при допросе несовершеннолетнего потерпевшего автоматически переносится и на судебный этап производства по уголовному делу.

Как мы уже отмечали, ч. 4 ст. 191 УПК РФ в редакции закона от 12 декабря 2013 г. № 432-ФЗ предусматривает в досудебном производстве обязательное участие психолога при проведении допроса несовершеннолетнего потерпевшего, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающим в психическом развитии, по уголовным делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Логично было предположить, что и при проведении допроса такого лица в суде участие психо-

лога обязательно. При таком подходе обеспечивается последовательное психологическое сопровождение несовершеннолетнего потерпевшего одним специалистом на досудебном и судебном этапах судопроизводства.

Однако ч. 4 ст. 191 УПК РФ «не получила продолжения» в ст. 280 УПК РФ. В новой редакции ч. 1 ст. 280 УПК РФ вообще не упоминаются какие-либо категории уголовных дел, в том числе в ней ничего не говорится об уголовных делах о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетнего. Дословно ч. 1 ст. 280 УПК РФ в части, корреспондирующей ч. 4 ст. 191 УПК РФ, звучит следующим образом: *«Допрос несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, имеющих физические или психические недостатки, проводится во всех случаях в присутствии педагога и (или) психолога»*. Используемый законодателем в ч. 1 ст. 280 УПК РФ оборот *«во всех случаях»* придает ей более широкое значение в сравнении с ч. 4 ст. 191 УПК РФ. В этом и заключается рассогласованность анализируемых норм: при допросе следователем несовершеннолетнего потерпевшего, имеющего физические или психические недостатки, обязательно приглашение психолога, если расследуется уголовное дело о преступлении против половой неприкосновенности несовершеннолетнего; при допросе в суде несовершеннолетнего потерпевшего, имеющего физические или психические недостатки, *всегда* приглашается педагог или психолог независимо от категории рассматриваемого судом уголовного дела.

Сопоставительный анализ ч. 4 ст. 191 УПК РФ и ч. 1 ст. 280 УПК РФ указывает и на другое их отличие. Несмотря на то, что данные правовые предписания «обслуживают» одних и тех же участников уголовного процесса (несовершеннолетние потерпевшие, имеющие физические или психические недостатки), законодателем по-разному решается вопрос об участии в их допросе сведущих лиц в зависимости от стадии производства по уголовному делу: на предварительном расследовании закон требует присутствия при допросе психолога, в суде – педагога или психолога. Чем можно объяснить подобную «импровизацию» законодателя?

В правовой, криминалистической и психологической литературе исследователи склоняются к тому, что именно психолог при организации надлежащего взаимодействия с ним следователя может оказать содействие в качественной *подготовке* к следственным действиям (выбор времени, места их проведения, подбор участников, оценка психологической подготовки потерпевшего к допросу, предварительное формулирование и обсуждение различных вариантов вопросов потерпевшему), в *осуществлении* психологического взаимодействия следователя с потерпевшим в ходе проведения следственного действия (устранение или снижение эмоциональной напряженности потерпевшего соответствующими приемами, расчет времени наступления и продолжительности перерывов в следственном действии), *определении* необходимости и целесообразности проведения последующих следственных действий, *формулировании* вопросов эксперту-психологу. Психолог должен быть ориентирован следователем и на формирование максимально полных, развернутых показаний несовершеннолетнего потерпевшего в щадящем для него режиме, по возможности – в ходе одного допроса, что позволит избежать или минимизировать оказание на него психотравмирующего воздействия [7, с. 4].

Нельзя не принимать во внимание и тот факт, что при допросе несовершеннолетнего потерпевшего, имеющего психические недостатки, повлекшие отставание в психическом развитии, более продуктивным может оказаться приглашение именно психолога [8, с. 163].

Таким образом, в регулировании вопросов участия педагога и психолога в следственных действиях с несовершеннолетними потерпевшими должна просматриваться

некая концепция, которой и надо следовать законодателю. И здесь никак в качестве решающего фактора не может выступать стадия производства по уголовному делу.

Автор статьи не может не коснуться и следующего аспекта закона от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ. Применительно к участию педагога и психолога в допросе несовершеннолетнего потерпевшего, имеющего психические либо физические недостатки, в законе вместо уже ставшего привычным одного союза «или» употреблены два союза – «и (или)». Буквальное их толкование позволяет предположить, что законодатель разрешает одновременное привлечение обоих участников. Такую ситуацию допускает и Е.А. Семенов, не называющий, однако, причин, которые объективно бы вызвали необходимость присутствия на допросе сразу педагога и психолога.

Теоретически можно представить следственную и судебную ситуацию, когда при допросе несовершеннолетнего потерпевшего понадобится использование следователем, судом знаний педагога и психолога. Несмотря на то, что они реализуют в уголовном процессе различные функции, строго, безоговорочно «поделить» несовершеннолетних потерпевших на тех, которые нуждаются во время допроса в педагогической либо психологической поддержке, вряд ли возможно. Поэтому теоретически не исключены и случаи проведения одного допроса с участием педагога, а другого – в присутствии психолога.

В практическом же, прикладном плане одновременное участие обоих сведущих лиц в рамках одного следственного действия – явление крайне редкое; нам такие примеры не встречались.

Итак, предварительно оценивая предпринятые законодателем меры по дальнейшему совершенствованию участия психолога в уголовном судопроизводстве, затронувшие разбирательство уголовного дела в суде, надлежит обратить внимание на следующее.

В УПК РФ продолжается детализация процессуального статуса психолога в связи с его участием в следственных действиях. Законодатель пока воздержался от системных дополнений, которые бы определили понятие психолога как участника уголовного процесса по аналогии с педагогом (п. 62 ст. 5 УПК РФ), его права и обязанности [9, с. 148]. Без этого участие психолога в следственных действиях носит формальный характер. Оно, как правило, ограничивается присутствием психолога при проведении следственного действия в отношении несовершеннолетнего потерпевшего с удостоверением в протоколе допроса, проверки показаний, опознания факта разъяснения психологу его прав, констатацией отсутствия у психолога вопросов несовершеннолетнему потерпевшему и замечаний о правильности и полноте сделанных в протоколе записей [10, с. 160; 11, с. 64].

Из-за ненадлежащей регламентации в УПК РФ правового положения психолога как самостоятельного участника уголовного процесса также нет четкого понимания в том, для чего необходимо участие психолога или педагога в следственных действиях с несовершеннолетним потерпевшим.

Внесенные законом от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ в ст. 280 УПК РФ дополнения легализовали участие в суде наряду с педагогом психолога. Проблема выбора между педагогом и психологом с целью обеспечения их присутствия при допросе несовершеннолетнего потерпевшего автоматически перенеслась и на судебный этап производства по уголовному делу.

К сожалению, новая редакция ч. 1 ст. 280 УПК РФ недостаточно согласована с ч. 4 ст. 191 УПК РФ, в результате чего не обеспечивается последовательное психологическое сопровождение несовершеннолетнего потерпевшего одним специалистом на досудебном и судебном этапах судопроизводства. Кроме того, рассмотренные новеллы

ст. 280 УПК РФ допускают одновременное присутствие педагога и психолога при допросе судом несовершеннолетнего потерпевшего, что никогда закон ранее не предусматривал.

Последующее обсуждение в специальной литературе уголовно-процессуальных новелл, вытекающих из закона от 6 марта 2022 г. № 38-ФЗ, изучение практики их применения выявят и другие, помимо указанных в статье, спорные вопросы, связанные с участием психолога в судебном разбирательстве уголовного дела.

Список источников

1. Бозров В.М., Наделяева Т.В. Особенности процессуальной формы отправления правосудия по уголовным делам с участием несовершеннолетних в суде первой инстанции: монография. М., 2020. 144 с.
2. Николук В.В., Судницын А.Б. Внесудебное депонирование показаний несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) как одно из процессуальных средств охраны его психического и физического здоровья (часть первая) // Общество и право. 2021. № 4 (78). С. 50-58.
3. Зеленин С.Р. Исследование судом показаний несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля // Уголовный процесс. 2015. № 11. С. 24-34.
4. Байдавлетова Л.Р. Особенности проведения следственных действий с потерпевшими несовершеннолетнего возраста (на основе анализа уголовных дел) // Рос. следователь. 2016. № 20. С. 3-6.
5. Лазарева В.А., Демкина М.С. Педагог и психолог в уголовном процессе: монография. 2020. 152 с.
6. Семенов Е.А. Правовой статус педагога, психолога как сведущих участников уголовного судопроизводства // Научный Вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2021. № 4 (89). С. 69-74.
7. Васькэ Е.В. К вопросу об участии специалиста-психолога в подготовке и проведении допроса несовершеннолетнего, потерпевшего от сексуального насилия // Психология и право. 2012. № 2. С. 3-4.
8. Дударев В.А. Допрос несовершеннолетних потерпевших/свидетелей: в новой ред. ст. 191 УПК РФ // Вестник Брянского госуниверситета. 2015. № 3. С. 160-165.
9. Балтыкова З.А. Тактика допроса малолетних свидетелей и потерпевших на предварительном следствии: монография. 2019. 160 с.
10. Усманова Р.З. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого // Известия вузов. 2016. № 2. С. 160-161.
11. Семенов Е.А. Привлечение педагога или психолога к допросу несовершеннолетнего как процессуальная гарантия обеспечения его прав в уголовном процессе России // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2021. № 2 (41). С. 64-65.

References

1. Bozrov V.M., Nadelyaeva T.V. Osobennosti processual'noj formy otpravleniya pravosudiya po ugovolnym delam s uchastiem nesovershennoletnih v sude pervoj instancii. M., 2020. 144 s.
2. Nikolyuk V.V., Sudnicyn A.B. Vnesudebnoe deponirovanie pokazanij nesovershennoletnego poterpevshego (svidatelya) kak jedno iz processual'nyh sredstv ohrany ego psihicheskogo i fizicheskogo zdorov'ya (chast' pervaya) // Obshchestvo i pravo. 2021. № 4 (78). S. 50-58.

3. Zelenin S.R. Issledovanie sudom pokazanij nesovershennoletnego poterpevshego ili svidetelya // Ugolovnyj process. 2015. № 11. S. 24-34.
4. Bajdavletova L.R. Osobennosti provedeniya sledstvennyh dejstvij s poterpevshimi nesovershennoletnego vozrasta (na osnove analiza ugolovnyh del) // Ros. sledovatel'. 2016. № 20. S. 3-6.
5. Lazareva V.A., Demkina M.S. Pedagog i psiholog v ugolovnom processe: monografiya. 2020. 152 s.
6. Semenov E.A. Pravovoj status pedagoga, psihologa kak svedushchih uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva // Nauchnyj Vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2021. № 4 (89). S. 69-74.
7. Vaske E.V. K voprosu ob uchastii specialista-psihologa v podgotovke i provedenii doprosa nesovershennoletnego, poterpevshego ot seksual'nogo nasiliya // Psihologiya i pravo. 2012. № 2. S. 3-4.
8. Dudarev V.A. Dopros nesovershennoletnih poterpevshih/svidetelej: v novoj red. st. 191 UPK RF // Vestnik Bryanskogo gosuniversiteta. 2015. № 3. S. 160-165.
9. Baltykova Z.A. Taktika doprosa maloletnih svidetelej i poterpevshih na predvaritel'nom sledstvii: monografiya. 2019. 160 s.
10. Usmanova R.Z. Dopros nesovershennoletnego podozrevaemogo, obvinyaemogo // Izvestiya vuzov. 2016. № 2. S. 160-161.
11. Semenov E.A. Privlechenie pedagoga ili psihologa k doprosu nesovershennoletnego kak processual'naya garantiya obespecheniya ego prav v ugolovnom processe Rossii // Vestnik Barnaul'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2021. № 2 (41). S. 64-65.

Информация об авторе

Варсеник Артуровна Виноградова. Старший преподаватель кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук.
Краснодарский университет МВД России.
350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Information about the author

Varsenik A. Vinogradova. Senior teacher of the chair of Criminal Procedure. Candidate of legal sciences.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, st. Yaroslavskaya 128.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted April 3, 2022; approved after reviewing May 04, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 18, 2022.

Научная статья
УДК 343.13

ИНСТИТУТ СЛЕДСТВЕННЫХ СУДЕЙ В РОССИИ: ПРОЕКТЫ И ПРОЖЕКТЫ

Светлана Николаевна Воробей¹, Виктория Николаевна Чаплыгина²

¹Дальневосточный юридический институт МВД России, Хабаровск, Россия,
s.d.vorobej@gmail.com

²Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, victory-75@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о создании института следственных судей в Российской Федерации путем анализа различных мнений исследователей в данной области через призму рассмотрения как положительных, так и негативных моментов, с которыми законодатель может столкнуться при введении в современную отечественную правовую систему данного института. Дается историческая отсылка ко времени функционирования института следственных судей, обращено внимание на причины прекращения его существования. Проведен сравнительно-правовой анализ функционирования институтов судебных следователей и следственных судей через призму генезиса органов предварительного следствия.

Кроме того, авторами ставится под сомнение целесообразность введения института следственных судей как гаранта недопущения обвинительного уклона в ходе производства предварительного следствия.

Ключевые слова: судебный следователь, следственный судья, состязательность, объективная истина по делу, процессуальная самостоятельность следователя

Для цитирования: Воробей С. Н., Чаплыгина В. Н. Институт следственных судей в России: проекты и прожектеты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 103-110.

INSTITUTE OF INVESTIGATIVE JUDGES IN RUSSIA: PROJECTS AND PROJECTS

Svetlana N. Vorobey¹, Victoriya N. Chaplygina²

¹Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Khabarovsk, Russia, s.d.vorobej@gmail.com

²Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia, victory-75@yandex.ru

Abstract. In the article, the authors raise the issue of creating an institution of investigative judges in the Russian Federation by analyzing the various opinions of researchers in this field through the prism of considering both positive and negative aspects that the legislator may encounter when introducing this institution into the legal system. The historical reference to the time of functioning of the institute of investigative judges is given, attention is paid to the reasons for the termination of its existence. A comparative legal analysis of the functioning of the institutions of judicial investigators and investigative judges through the prism of the genesis of the preliminary investigation bodies is carried out.

In addition, the authors question the expediency of introducing the institute of investigative judges as a guarantor of preventing accusatory bias during the preliminary investigation.

Keywords: judicial investigator, investigating judge, adversarial nature, objective truth in the case, procedural independence of the investigator

For citation: Vorobey S. N., Chaplygina V. N. Institute of investigative judges in Russia: projects and projects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 103-110.

Предварительное следствие в России как правовой институт в процессе своего развития и становления прошел весьма долгий и тернистый путь; с исторической точки зрения важной особенностью является то, что происходит и на данный момент времени. При этом учитываются и реализуются достижения прошлых лет и те предъявляемые требования в истоках настоящего, и они же ожидаются в будущем. Сам процесс изменения ряда значимых основ в деятельности следственных подразделений тесно связан с историко-правовым анализом формирования такого важного института, как предварительное следствие в Российской Федерации. Данное обстоятельство необходимо в первую очередь для эффективного решения поставленных задач посредством достижения единой цели.

Исторический экскурс служит целям демонстрации преемственности и расширения функций и методов деятельности данного института и является базой для выявления закономерностей ее развития и современных направлений совершенствования их деятельности в свете современного российского уголовно-процессуального законодательства.

За последние годы в Российской Федерации значительно возросло количество реформ в области уголовного судопроизводства, внесших изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. В настоящее время в правовом законодательстве в активном темпе происходит внесение изменений в уголовно-правовое законодательство в виде соответствующих поправок, одной из которых является предложение создать институт «следственного судьи» [1, с. 180].

Исследовательский интерес к институту следственного судьи заново появился и стал темой для научных дискуссий в связи с поручением Президента Российской Федерации В.В. Путина Верховному Суду Российской Федерации по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и прав человека рассмотреть предложение, касающееся введения в уголовное судопроизводство данного процессуального института, усматривая в данном институте возможность модернизации отечественного уголовного судопроизводства по состязательному типу¹. Не остались в стороне и авторы данной статьи, уделявшие изучению данной тематики внимание довольно успешно в течение многих лет [2, с. 27; 3, с. 169; 4, с. 463; 5, с. 332; 6, с. 141; 7, с. 227].

Справедливости ради отметим, что данный вопрос поднимался на законодательном уровне в современной России неоднократно. Например, в 2014 г. в Российской Федерации уже шла речь о необходимости введения данного института, и А.В. Смирновым в феврале 2015 г. даже был составлен проект, касающийся введения института следственных судей, но не реализованный до сих пор [8, с. 7].

На протяжении долгого времени в процессуальной деятельности следователя

¹ Перечень поручений по итогам заседания Совета по развитию гражданского общества и правам человека и встречи с уполномоченным по правам человека [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/62700> (дата обращения: 27.03.2022 г.).

существует определенный алгоритм действия при отправлении правосудия в системе уголовно-процессуального права, где традиционно выделяют три стороны: обвинения и защиты, а также независимый орган, который не относится ни к одной из перечисленных сторон, – суд.

Однако в этой связи назревает проблема, заключающаяся в том, что следователь, отнесенный законодателем к стороне обвинения, имеет основной целью установить целостную картину происшествия и доказать виновность или отсутствие вины у подозреваемого лица, следовательно, налицо существенное разногласие с той функцией, которая возложена на следователя УПК РФ. При этом сам факт наличия в уголовно-процессуальной деятельности стороны обвинения и защиты говорит о гармонии и справедливости в период осуществления предварительного расследования до момента осуществления судебной стадии уголовного процесса.

Обращаясь к мнению А.В. Смирнова, заметим, что он предлагает введение нового участника уголовного процесса – следственного судьи, который также наравне с руководителем следственного органа и прокуратурой осуществлял контроль за деятельностью следователя, то есть, по сути, это предложение, на наш взгляд, раскоординирует стройную систему правоохранительных органов созданием «прослойки» в виде следственного судьи [8, с. 7].

Необходимо отметить, что до второй половины XIX в. следственная деятельность в России была отнесена к функциям полицейских органов. Только в ходе подготовки глобальной судебной реформы 1864 г. был поставлен вопрос о лишении полиции следственных функций путем введения новой должности – судебного следователя, что и было закреплено в «Наказе судебным следователям», принятом 08 июня 1860 г. Именно данная процессуальная фигура стала впоследствии осуществлять расследование и раскрытие преступлений.

А.Ф. Кони, будучи ярким сторонником создания института судебных следователей, отмечал, что «...новая должность судебных следователей, не связанная органически с полицией, имела свои достоинства, ибо следователь оказался наделенным значительными правами, поставлен во многих отношениях в положение независимого судьи, получив в ряде случаев право не подчиняться предложениям обвинительной власти, когда он с ними не согласен» [9, с. 112]. Характеризуя компетенцию судебного следователя в историческом разрезе, надо отметить, что он выполнял на тот момент одновременно функции обвинения, защиты и отправления правосудия посредством установления истины по делу, при этом важно отметить, что им рассматривались как обвинительные, так и оправдательные факты, собранные по делу.

Вопрос о вероятности введения в деятельность предварительного следствия нового субъекта в современных правовых реалиях свидетельствует о существенных изменениях и дальнейшем развитии процессуальной деятельности в Российской Федерации. Данный факт объясняется таким положением, что те требования, которые прописаны в Конституции Российской Федерации в сфере состязательности сторон на стадии предварительного следствия, со стороны судебных органов рассматриваются как возможность осуществления контроля на всех стадиях уголовного процесса.

Так, по мнению Т.Г. Морщаковой, следственный судья должен осуществлять судебный контроль за расследованием преступлений, не осуществляя функцию уголовного преследования [10], а это значит лишь одно – следственный судья ни в коем случае не должен осуществлять уголовное преследование, являющееся неотъемлемой функцией органов обвинения. Кроме того, он не имеет права собирать новые доказательства для того, чтобы подтвердить или опровергнуть версии обвинения и защиты. Его должностные обязанности основываются на проведении проверки, а также оценке той информации, которая была собрана обеими сторонами согласно УПК РФ.

Кроме того, невозможно не остановиться на вопросе выполнения следственным судьей такой нетипичной функции, как судебная. Иными словами, ему предоставляется право осуществлять судебские следственные и иные процессуальные действия в форме состязательных судебных слушаний. Однако в промежутках между проведением слушаний необходимо говорить об участии исключительно стороны обвинения и стороны защиты.

Анализ юридической литературы показывает, что многие ученые придерживаются того мнения, что в том случае, если одна из сторон уголовного процесса не осуществляет возможность по скорейшему и активному процессу по узакониванию той судебной информации, которую они предоставили в качестве доказательства того или иного факта, то появляется возможность предоставить собранные ими протоколы, предметы, свидетелей, экспертов и на последующих судебных стадиях. Именно на этих стадиях впоследствии может быть решен вопрос о признании таких материалов в качестве допустимых в судебном разбирательстве.

Также стоит отметить, что выдвигается предположение о том, что стороне обвинения для того, чтобы доказать, что собранная ими информация является истинной и может в дальнейшем использоваться и на нее можно будет сослаться в ходе осуществления правосудия, необходимо построить алгоритм своих действий таким образом, чтобы следственным судьей данная информация «трансформировалась в доказательство». При этом предъявляемые доказательства должны соответствовать таким требованиям, как достоверность, достаточность, относимость и допустимость, с целью использования их в уголовно-процессуальной деятельности для определения виновности или отсутствия вины подозреваемого (обвиняемого). Сторонники института следственного судьи считают, что в случае реализации данной идеи функция отправления правосудия, осуществляемая судом, в какой-то мере сольётся с функцией обвинения, осуществляемой, в частности, и следователем.

А.В. Смирнов отчаянно отстаивал внедрение института следственных судей, при этом он обосновывал свою точку зрения путем указания на достоинства эффективности деятельности судебных органов. В первую очередь это приведет к снижению нагрузки на судей районного уровня, именно из-за того, что ряд компетенций будут разделены и переданы следственному судье (дача разрешения на производство некоторых процессуальных действий: об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога; обыска и (или) выемки в жилище; контроля и записи телефонных или иных переговоров) [8, с. 8].

Во-вторых, наличие протоколов допросов, полученных в ходе предварительного расследования следственным судьей и уже приобретших тем самым статус судебных доказательств, облегчит их использование в судебном разбирательстве без соблюдения таких условий, как оглашение ранее данных показаний свидетелей и потерпевших с согласия обеих сторон (ч. 1 ст. 281 УПК РФ); практически исключит случаи, когда показания подозреваемого или обвиняемого надо признавать недопустимыми доказательствами, если они были получены на предварительном следствии без участия защитника и не подтверждены им в судебном разбирательстве (п. 1 ч. 2 ст. 75 УПК РФ). И, наконец, в-третьих, во многом снимается проблема возвращения уголовного дела судом прокурору для дополнительного расследования или для исправления иных недостатков предварительного следствия.

Таким образом, А.В. Смирнов полагает, что все это позволит снизить нагрузку на суды как при рассмотрении ими дел по существу в первой инстанции, так и в вышестоящих судах. Однако, как нам кажется, создание нового должностного лица – след-

ственного судьи не решит всех проблемных вопросов, которыми оперируют сторонники введения следственного судьи [8, с. 7].

Считаем, что передача полномочий судьи, касающихся избрания некоторых мер пресечения, дачи разрешения на проведение отдельных следственных действий, в компетенцию следственного судьи – недопустимо, поскольку противоречит нормам Конституции Российской Федерации, таким как: ст. 22, 23, 25 Конституции Российской Федерации, указывающим на исключительное право ограничения конституционных прав человека и гражданина только на основании решения суда. Что касается так называемых судебных следственных действий и судебных доказательств, то следователь, являясь центральной фигурой на стадии предварительного следствия, может производить следственные действия до составления обвинительного заключения и передачи дела в суд. Поэтому передача полномочий следователя в части проведения следственных действий следственному судье значительно ограничивает процессуальную самостоятельность следователя.

Решение проблем, связанных с недостатками предварительного следствия, видится, прежде всего, в совершенствовании процессуального статуса следователя. Так, ч. 2 ст. 67 УПК РФ закрепляет положение, согласно которому «никакие доказательства не имеют для суда заранее установленной силы». Данное положение закрепляет исключительное право суда в оценке собранных по уголовному делу доказательств на стадии судебного разбирательства.

Выдвинутый А.В. Смирновым лозунг о решающей роли следственного судьи в разрешении проблем, связанных с возвращением уголовного дела прокурору для дополнительного расследования, вряд ли найдет свое практическое применение с учетом действующего уголовного процессуального законодательства [8, с. 7]. Не стоит забывать о руководителе следственного органа, обладающим полномочиями по отмене незаконных и необоснованных постановлений следователя. В связи с этим внедрение института следственного судьи лишь усложнит процесс «движения» уголовного дела.

Что касается идеи, изложенной А.В. Смирновым, касаясь перспективы введения института следственного судьи, то в отношении его независимости в деятельности сторон обвинения и защиты возникает ряд проблем, так как в случае формирования такого субъекта приведет к существенным изменениям в структуре при раскрытии и расследовании преступлений и принятии решения по существу [8, с. 7].

В первую очередь, необходимо ответить на вопрос: «Какова вероятность того, что такой субъект не будет коррумпированным?». Постановку данного вопроса мы можем объяснить тем, что следственный судья будет рассматриваться как независимый процессуальный участник предварительного следствия, так как он будет носителем всей той информации, которая находится при расследованном уголовном деле, следовательно, с обеих сторон – со стороны защиты и обвинения на него может быть оказано давление. Конечно, можно выдвинуть предположение, согласно которому следственный судья может сам оказывать воздействие на участников уголовного процесса, однако насколько это будет эффективно и рационально, а также каким образом это будет осуществляться – неизвестно.

Второй вопрос, на который стоит найти ответ: «Какова вероятность того, что следователю придется возбуждать и расследовать дела о коррупционных преступлениях, совершенных следственными судьями? Кто в данном случае будет осуществлять надзор?».

Таким образом, на наш взгляд, с точки зрения анализа действующего законодательства введение в уголовное судопроизводство института следственных судей невозможно, так как: во-первых, передача полномочий судьи по вопросам избрания меры пресечения, дачи разрешения на производство отдельных следственных действий в

компетенцию нового должностного лица – следственного судьи противоречит нормам Конституции Российской Федерации; во-вторых, передача полномочий следователя в части производства следственных действий следственному судье значительно ограничивает процессуальную самостоятельность следователя; в-третьих, в научной литературе обращалось внимание на практическую опасность совмещения в деятельности следователя различных процессуальных функций: защитника, обвинителя и судьи.

Авторы статьи категорически против введения института следственного судьи, так как считают абсолютно «провальной» попытку наделения следственного судьи сложившимися в определенной исторический период полномочиями судебного следователя, на которого ранее возлагалась обязанность проводить следственные действия для установления истины по делу.

Что касается перспективы образования института следственных судей в Российской Федерации, то она довольно двояка: с одной стороны, это можно рассматривать как возможность модернизации и улучшения системы отправления правосудия путем органа, осуществляющего дополнительный надзор, и при этом разгружая деятельность других органов, контролирующих следователя на стадии предварительного следствия.

Рассматривая необходимость реформирования уголовного процесса в Российской Федерации, важно отметить, что введение рассматриваемого нами института осложнено тем, что данному субъекту необходимо выполнить ряд сопутствующих требований: исключить, что такой субъект будет дублировать функции других органов (тем самым нарушится принцип экономичности); разработать нормативно-правовую базу, которая бы четко определяла компетенции следственного судьи.

С другой стороны, участие такого субъекта в уголовном процессе усложнит деятельность, осуществляемую со стороны обвинения и защиты, так как им придется обращаться к следственному судье, чтобы принять решение о легальности и достаточности собранной информации по факту совершения преступления для дальнейшего признания доказательством по делу. Также нельзя исключать и коррупционную составляющую среди деятельности этих субъектов в связи с тем, что тот же следственный судья не сможет участвовать в уголовном процессе, так как будет принимать участие в стороне обвинения.

Резюмируя сказанное, отметим, что необходимость введения института следственного судьи в современных правовых реалиях нам видится весьма спорной.

Список источников

1. Поддубняк А.А., Аблаева Д.С. Институт следственных судей в России: проблемы и перспективы // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 179-184.
2. Чаплыгина В.Н. Судебный следователь и «следственный судья»: соотношение и назначение понятий // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2021. № 4 (59). С. 25-31.
3. Чаплыгина В.Н. Юбилей судебного следователя – 160 лет со дня учреждения в России // Современное государство и правовая система: материалы международной научно-практической конференции преподавателей и аспирантов. Смоленск. 2021. С. 168-174.
4. Чаплыгина В.Н. Концепция создания института следственных судей в Российской Федерации: основные недостатки и преимущества // Эволюция государства и права: история и современность. Курск, 2017. С. 465-469.

5. Новикова Е.А., Чаплыгина В.Н. Основные проблемы, связанные с возможным внедрением института следственных судей в современное уголовное судопроизводство России // Современное уголовно-процессуальное право России – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования: сборник материалов международной научно-практической конференции (к 300-летию российской полиции и 100-летию советской милиции). Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова. 2017. С. 329-334.

6. Земзикова Е.Ю., Чаплыгина В.Н. К вопросу о возможности создания института следственных судей в Российской Федерации // Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью: Всероссийская научно-практическая конференция. 2016. С. 139-142.

7. Чаплыгина В.Н. Следственный судья в уголовном процессе России: TO BE OR NOT TO BE // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2015. № 15-1. С. 226-228.

8. Смирнов А.В. Институт следственных судей – путь к состязательности в уголовном процессе // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). С. 7-9.

9. Шимановский В.В. Судебный следователь в пореформенной России // Правоведение. 1973. № 3. С. 112-115.

10. Морщакова Т.Г. Главный по арестам. Следственные судьи защитят от незаконных дел // Рос. газ. 2015. № 50 (6621).

References

1. Poddubnyak A.A., Ablava D.S. Institut sledstvennyh sudej v Rossii: problemy i perspektivy // Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernad'skogo. 2019. T. 5 (71). № 1. S. 179-184.

2. Chaplygina V.N. Sudebnyj sledovatel' i «sledstvennyj sud'ya»: sootnoshenie i naznachenie ponyatij // Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii. 2021. № 4 (59). S. 25-31.

3. Chaplygina V.N. Yubilej sudebnogo sledovatelya – 160 let so dnya uchrezhdeniya v Rossii // Sovremennoe gosudarstvo i pravovaya sistema: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii prepodavatelej i aspirantov. Smolensk. 2021. S. 168-174.

4. Chaplygina V.N. Konceptiya sozdaniya instituta sledstvennyh sudej v Rossijskoj Federacii: osnovnye nedostatki i preimushchestva // Evolyuciya gosudarstva i prava: istoriya i sovremennost'. Kursk, 2017. S. 465-469.

5. Novikova E.A., Chaplygina V.N. Osnovnye problemy, svyazannye s vozmozhnym vnedreniem instituta sledstvennyh sudej v sovremennoe ugovolnoe sudoproizvodstvo Rossii // Sovremennoe ugovolno-processual'noe pravo Rossii – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (k 300-letiyu rossijskoj policii i 100-letiyu sovetskoj milicii). Orlovskij yuridicheskij institut MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2017. S. 329-334.

6. Zemzikova E.YU., Chaplygina V.N. K voprosu o vozmozhnosti sozdaniya instituta sledstvennyh sudej v Rossijskoj Federacii // Ugovolno-processual'nye i kriminalisticheskie problemy bor'by s prestupnost'yu: Vserossijskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya. 2016. S. 139-142.

7. Chaplygina V.N. Sledstvennyj sud'ya v ugovolnom processe Rossii: TO BE OR NOT TO BE // Aktual'nye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami. 2015. № 15-1. S. 226-228.

8. Smirnov A.V. Institut sledstvennyh sudej – put' k sostyazatel'nosti v ugovolnom processe // Evrazijskaya advokatura. 2015. № 1 (14). S. 7-9.

9. Shimanovskij V.V. Sudebnyj sledovatel' v poreformennoj Rossii // Pravovedenie. 1973. № 3. S. 112-115.

10. Morshchakova T.G. Glavnyj po arestam. Sledstvennye sud'i zashchityat ot nezakonnyh del // Ros. gaz. 2015. № 50 (6621).

Информация об авторах

Светлана Николаевна Воробей. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Дальневосточный юридический институт МВД России.
680020, Россия, г. Хабаровск, пер. Казарменный, д. 15.

Виктория Николаевна Чаплыгина. Начальник кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Кандидат юридических наук, доцент.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the authors

Svetlana N. Vorobey. Assistant professor of the chair of Criminal Procedure. Candidate of legal sciences, associate professor.

Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.
680020, Russia, Khabarovsk, l. Kazarmenny 15.

Victoriya N. Chaplygina. Head of the chair of Criminalistics and Preliminary Investigation at the Department of Internal Affairs Bodies. Candidate of legal sciences, associate professor.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 23.03.2022; одобрена после рецензирования 13.04.2022; принята к публикации 05.05.2022.

The article was submitted March 23, 2022; approved after reviewing April 13, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 5, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК: 343.1

ДОСТАТОЧНОСТЬ ОСНОВАНИЙ ДЛЯ ИЗБРАНИЯ МЕР ПРЕСЕЧЕНИЯ

Елизавета Юрьевна Замуруева

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, kibalina1456@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются достаточные основания для избрания мер пресечения, как одно из важнейших условий применения обеспечительных мер. Автор приходит к выводу, что характер достаточности оснований зависит от того, на каком этапе уголовного процесса происходит принятие решения о применении мер уголовно-процессуального воздействия. С каждым новым этапом производства по уголовному делу и в уголовно-исполнительном судопроизводстве основания для избрания мер пресечения приобретают от вероятностного значения достоверное. На этой основе предложен подход к характеристике достаточных оснований для избрания мер пресечения.

Ключевые слова: достаточные основания, меры пресечения, доказательственно-прогностический характер, ненадлежащее поведение, производство по уголовному делу, уголовно-исполнительное судопроизводство

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя доктора юридических наук, доцента Кирилла Владимировича Муравьева

Для цитирования: Замуруева Е. Ю. Достаточность оснований для избрания мер пресечения // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 111-118.

SUFFICIENCY OF THE REASONS FOR ELECTION OF PREVENTIVE MEASURES

Elizaveta Yu. Zamurueva

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia,
kibalina1456@yandex.ru

Abstract. The article considers sufficient grounds for choosing preventive measures as one of the most important conditions for the application of interim measures. The author comes to the conclusion that the nature of the sufficiency of the grounds depends on at what stage of the criminal process the decision is made on the application of measures of criminal procedural influence. With each new stage of criminal proceedings and in penitentiary proceedings, the grounds for choosing preventive measures become reliable from a probabilistic value. On this basis, an approach is proposed to characterize sufficient grounds for choosing preventive measures.

Keywords: sufficient grounds, preventive measures, evidentiary and prognostic nature, improper behavior, criminal proceedings, penitentiary proceedings

Acknowledgements: the work was carried out with the support of the supervisor of the doctor of legal sciences, associate professor Kirill Vladimirovich Muravyev

For citation: Zamurueva E. Yu. Sufficiency of the reasons for election of preventive measures // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 111-118.

Институт мер пресечения играет огромную роль в уголовном процессе. Он призван противостоять любым попыткам препятствовать уголовно-процессуальному производству со стороны подозреваемого, обвиняемого, осужденного. Государство надеется, что суд и правоохранительные органы возможностью ограничить права и свободы гражданина с целью недопущения его противоправного поведения. Для того, чтобы эти меры воздействия были законными, обоснованными, мотивированными и справедливыми, необходимо соблюдение условий применения мер пресечения.

Результаты опроса субъектов, осуществляющих функцию предварительного следствия, показали, что более 60 % правоприменителей считают основания для избрания мер пресечения, закрепленные в ст. 97 УПК РФ, одним из важнейших общих условий применения обеспечительных мер². Полагаем, что они представляют центральный элемент в обосновании выбора той или иной меры уголовно-процессуального воздействия.

Согласно чч. 1 и 2 ст. 97 УПК РФ, дознаватель, следователь, суд вправе избрать подозреваемому, обвиняемому одну из мер пресечения при наличии достаточных оснований полагать, что преследуемое лицо:

- 1) скроется от органов предварительного расследования и суда;
- 2) продолжит заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства или иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

Меры пресечения могут избираться в целях обеспечения исполнения приговора или возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

Соблюдение оснований для избрания обеспечительных мер, позволяет применить любую меру воздействия, закрепленную в ст. 98 УПК РФ.

Кроме того, в соответствии с пп. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ самая строгая принудительная мера – заключение под стражу³ – может избираться в уголовно-исполнительном судопроизводстве для того, чтобы исключить: дальнейшее уклонение от отбывания наказания или от получения предписания осужденным, либо неприбытие осужденного к месту отбывания наказания в установленный в предписании срок.

Содержание оснований, указанных в ч. 1 ст. 97 УПК РФ, достаточно подробно разъяснено в решениях высших судов России и ЕСПЧ.

Так, в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 41 указывается, что о намерении скрыться могут свидетельствовать данные об отсутствии у лица семьи, работы, постоянного места жительства на территории нашей страны; распродажа подозреваемым, обвиняемым имущества; приобретение проездных билетов; наличие за рубежом источника дохода и т.д.⁴

² При подготовке статьи было проведено анкетирование 126 респондентов – следователей территориальных органов внутренних дел Новгородской, Омской, Орловской, Смоленской, Иркутской областей, Красноярского края, республики Крым.

³ В юридической литературе предложен подход о расширении мер пресечения в уголовно-исполнительном судопроизводстве [1, с. 403].

⁴ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: Постановление

По мнению ЕСПЧ, возможность продолжить преступную деятельность необязательно должна подтверждаться наличием конкретно-определенных подозрений в совершении преступления. Если у данного лица имеется судимость за ряд аналогичных преступлений, то этого вполне достаточно для того, чтобы обосновать реальный риск совершения обвиняемым новых преступлений⁵.

Такие действия преследуемого лица, как уничтожение документов, имеющих значение для расследования уголовного дела, угрозы в отношении потерпевшего или свидетеля, дача ложных показаний и др. свидетельствует о том, что подозреваемый, обвиняемый пытался воспрепятствовать производству по уголовному делу или каким-либо образом воздействовать на участников уголовного процесса⁶.

В ст. 97 УПК РФ законодатель использует оценочный термин «достаточные основания». По своему значению он означает возможность совершения подозреваемым, обвиняемым действий, препятствующих производству по уголовному делу. Следовательно, основания для избрания меры пресечения могут носить вероятностный характер.

Вместе с тем, анализ научной литературы показал, что существует несколько точек зрения относительно этого вопроса: 1) основанием применения обеспечительной меры является уже совершившееся ненадлежащее поведение подозреваемого, обвиняемого; 2) основания применения мер пресечения носят доказательно-прогностический характер.

Сторонником уже состоявшегося ненадлежащего поведения подозреваемого, обвиняемого является профессор В.А. Михайлов. Он отмечает, что о реальных мыслях любого человека можно судить только по их действиям. В этой связи лица, компетентные принимать решения об избрании меры пресечения, должны руководствоваться конкретными доказательствами, а не своей интуицией [2, с. 27].

Аналогичной позиции придерживается В.В. Смирнов. Автор считает, что «до момента принятия решения об избрании меры пресечения должна быть установлена совокупность обстоятельств, которые будут свидетельствовать о ненадлежащем поведении обвиняемого в процессе расследования. Когда в основу решения об избрании меры пресечения будут положены достоверные фактические данные о неподобающем поведении, а не субъективное мнение..., то и само решение будет достоверным» [3, с. 24].

Противоположную точку зрения высказывал профессор Ф.М. Кудин. Он утверждал, что трудно, а иногда и невозможно, доказать намерения совершить лицом противоправные действия, даже на уровне вероятности [4, с. 72]. Сторонниками этой позиции выступают и другие ученые. Например, Л.К. Трунова отмечает, что не всегда имеются фактические данные об уже совершенных подозреваемым, обвиняемым действиях, препятствующих расследованию [5, с. 60]; В.Ю. Мельников утверждает, что когда такие деяния будут совершены, то уже будет поздно применять меру пресечения [6, с. 304].

Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. от 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Постановление ЕСПЧ по делу «Тот против Австрии» (§§ 69-70) (жалоба № 11894/85) от 12 декабря 1991 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 19 декабря 2013 г. № 41: в ред. от 11 июня 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Полагаем, что обе точки зрения имеют право на существование. При этом характер оснований зависит от того, на каком этапе (стадии, временном отрезке) уголовного процесса применяются меры пресечения.

Стоит отметить, что первоначальный этап производства по делу характеризуется острым дефицитом информации. Это может объясняться, например, личностью субъекта, в отношении которого предполагается решение вопроса об избрании меры пресечения. Например, те лица, которые отбывали ранее наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений не только не демонстрируют соответствующих действий, но и скрывают свои намерения по ненадлежащему поведению.

А.Б. Судницын предлагает учитывать тяжесть совершенного преступления на первоначальном этапе расследования для оценки возможности совершения данным лицом противоправных действий, перечисленных в п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. Тяжесть обвинения и возможность назначения наказания в виде лишения свободы на длительный срок способны подтвердить наличие того, что лицо может скрыться от органов дознания, предварительного следствия и суда на первоначальном этапе производства по уголовному делу [7, с. 25].

На более позднем временном отрезке уголовного процесса будет недостаточно опираться на тяжесть совершенного преступления и предполагаемое наказание за него для того, чтобы предотвратить возможное ненадлежащее поведение лица, предусмотренное п. 1 ч. 1 ст. 97 УПК РФ. ЕСПЧ в своих решениях ни один раз обращал на это внимание: «по прошествии времени первоначальные причины для заключения под стражу становятся все менее и менее существенными»⁷, «аргументы, достаточные для заключения под стражу на первых этапах производства, не всегда являются достаточными в течение всего периода его содержания под стражей»⁸. Именно поэтому на последующих стадиях расследования уголовного дела и в судебном разбирательстве основания для избрания мер пресечения должны приобрести от доказательственно-прогностического характера статус уже состоявшегося ненадлежащего поведения.

Интересным представляется вопрос, касающийся ч. 2 ст. 97 УПК РФ. Согласно положениям данной статьи к самостоятельному основанию для избрания меры пресечения законодатель отнёс необходимость обеспечения исполнения приговора. Исходя из буквального толкования этой нормы, она не исключает возможности применять меру уголовно-процессуального воздействия при постановлении в отношении подсудимого обвинительного приговора, то есть по не вступившему в законную силу приговору, на основании необходимости обеспечить его исполнение.

По общему правилу строгость избираемой меры пресечения должна соответствовать виду назначаемого наказания. Однако это не исключает и при определенных обстоятельствах право судьи применить в отношении осужденного более мягкую меру пресечения [8, с. 165]. Справедливость принятого решения предполагает возможность сделать выбор из определенного перечня той меры пресечения, которая будет в данном случае поддерживать баланс частных и публичных интересов.

Так, Савеловский районный суд г. Москвы признал подсудимого виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 228 УК РФ, и назначил ему наказание в виде лишения свободы сроком на 3 года. Вместе с тем, суд, учитывая данные о личности, составе семьи и образе их жизни, а также наличие смягчающих и отсутствие отягчающих обстоятельств, счел возможным применить в отношении лица положения

⁷ Постановление ЕСПЧ по делу «Пелевин (Pelevin) против Российской Федерации» от 10 февраля 2011 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2011. № 11.

⁸ Постановление ЕСПЧ по делу «Миминошвили (Miminozhvili) против Российской Федерации» от 28 июня 2011 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. 2012. № 2.

ст. 73 УК РФ. В связи с этим суд изменил меру пресечения в виде заключения под стражу на подписку о невыезде и надлежащем поведении, освободив подсудимого из-под стражи в зале суда⁹.

Исследование показало, что в большинстве случаев при вынесении приговоров суда с назначением наказания в виде лишения свободы одновременно избирается самая строгая мера пресечения (более 96 % изученных уголовных дел)¹⁰. Однако имеются случаи, когда суд назначает более мягкую обеспечительную меру.

Например, апелляционная инстанция Кировского областного суда посчитала необходимым отменить решение районного суда об изменении Ф.Ф. Навальному и П.Ю. Офицерову меры пресечения с подписки о невыезде и надлежащем поведении на заключение под стражу и освободила подсудимых из-под стражи в зале суда¹¹. Учитывая то, что Ф.Ф. Навальный и П.Ю. Офицеров были приговорены к реальному лишению свободы, с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима, суд, учитывая все обстоятельства уголовного дела и возможность применения более мягкой меры пресечения, изменил меру воздействия в отношении данных лиц.

Полагаем, что при вынесении приговора судья, оценивая соразмерность избираемой обеспечительной меры грозящему наказанию, имеет право выбора любой меры уголовно-процессуального воздействия в отношении подсудимого. Справедливость при принятии решения о применении меры пресечения предполагает не только точное определение квалификации преступления, но и учет установленных сведений, связанных с личностью подсудимого, анализ предшествующих преступному посягательству обстоятельств, посткриминального поведения и др. Достаточность оснований для избрания мер пресечения будет иметь более достоверный характер, хотя вероятность совершения противоправных действий еще сохраняется.

Конструкция ч. 2 ст. 97 УПК РФ совмещает в себе два основания избрания мер пресечения – «в целях обеспечения исполнения приговора и возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ».

Считаем правильным позицию С.И. Вершининой, что применение меры пресечения в рамках производства о выдаче лица иностранному государству является отдельным правовым институтом в системе уголовно-процессуального принуждения, нуждающимся в самостоятельном правовом регулировании [9, с. 123]. Стоит заметить то, что данная норма предполагает при избрании меры пресечения деятельность правовых органов двух государств (от которого поступает запрос и по месту нахождения подозреваемого, обвиняемого). При этом, как при применении обеспечительной меры по основаниям, предусмотренном ч. 1 ст. 97 УПК РФ от компетентных должностных лиц требуется анализ возможности совершения преследуемым лицом противоправных действий, так и при выдаче лица материалами дела должна подтверждаться возможность препятствования передачи его другому государству.

Конституционный Суд Российской Федерации в определении № 333-О подчеркнул, что при выдаче право лица на свободу должно обеспечиваться такими же гарантиями, как и в других видах уголовных процедур. Ссылаясь на позицию ЕСПЧ¹², Орган

⁹ Приговор Савеловского районного Суда по делу № 10-1608/2015 по ч. 2 ст. 228 УК РФ от 2015 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://bsr.sudrf.ru/big5/portal.html>.

¹⁰ Проанализированы 54 приговора судов Орловской области и г. Москвы.

¹¹ Апелляционное определение Кировского областного суда от 19 июля 2013 г. № 22.252 [Электронный ресурс]. URL: https://oblsudkir.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=-414050&delo_id=4&text_number=1 (дата обращения: 28.04.2022).

¹² Определение Конституционного Суда Рос. Федерации № 333-О от 1 марта 2007 г. «По жалобе гражданина США Менахема Сайденфельда на нарушение ч. 3 ст. 1 и ч. 1 ст. 466 УПК РФ его прав, гарантируемых Конституцией Рос. Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

конституционного контроля нашей страны однозначно указал, что применение меры пресечения с целью выдачи должно регулироваться не только ст. 466 УПК РФ, но и нормами общего характера гл. 13 УПК РФ. Нахождение данной главы в части первой «Общие положения» УПК РФ, свидетельствует о распространение всех норм, расположенных там, на все стадии и формы уголовного судопроизводства, в том числе на производство по запросам иностранных государств об оказании им по уголовным делам правовой помощи путем выдачи лиц для уголовного преследования¹³.

Основываясь на позиции Конституционного Суда Российской Федерации, считаем, что данное основание избрания обеспечительных мер необходимо сохранить в общей части УПК РФ, но учитывая то, что применение мер пресечения в порядке ст. 466 УПК РФ отличается по субъектам и сфере применения принудительного воздействия, его целесообразнее нормативно закрепить отдельно от других оснований.

Законодательство предусматривает применение заключения под стражу в отношении осуждённого в уголовно-исполнительном судопроизводстве (пп. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ). Эти нормы ориентированы на ситуации, когда лицо скрывается в целях уклонения от отбывания наказания. Тем самым, на данном этапе уголовного судопроизводства законодатель вновь вынужденно возвращается к мерам пресечения. Разница заключается в том, что в отличие от досудебного и судебного производства, принуждение применяется в особом уголовном судопроизводстве тогда, когда уже доказан факт сокрытия осужденного в целях уклонения от отбывания наказания. Данные противоправные действия уже совершены и, следовательно, должны быть подкреплены прямыми доказательствами, дающими право на применение ограничительных мер. Должны быть использованы и проанализированы только достоверные факты, подтверждающие уже состоявшееся недобросовестное поведение осужденного.

Считаем, что гарантии обеспечения презумпции невиновности независимо от того, на какой стадии (этапе) уголовного процесса находится дело, не должны уменьшаться. Поэтому при избрании меры пресечения и на досудебном этапе, и в судебном разбирательстве, а так же в уголовно-исполнительном производстве должны соблюдаться общие условия их применения, в том числе и наличие оснований.

В связи с изложенным выше можно условно разграничить основания избрания мер пресечения на несколько групп в зависимости от этапа уголовного судопроизводства:

- 1) реализуемые на досудебной и судебной стадии, где противоправные действия лица характеризуются вероятностью совершения их в будущем (ч. 1 ст. 97 УПК РФ);
- 2) необходимые для обеспечения исполнения приговора, когда он вынесен, но еще не вступил в законную силу (ч. 2 ст. 97 УПК РФ);
- 3) применяемые в уголовно-исполнительном производстве, когда уже доказан факт сокрытия осужденного в целях уклонения от отбывания наказания (пп. 18, 18.1 ст. 397 УПК РФ).

Кроме этого отдельного закрепления (вынесения за рамки ч. 2 ст. 97 УПК РФ) требуют основания для избрания мер уголовно-процессуального воздействия в целях обеспечения возможной выдачи лица в порядке, предусмотренном ст. 466 УПК РФ.

При применении меры пресечения необходимо тщательно анализировать все обстоятельства дела, учитывать личность подозреваемого, обвиняемого, осужденного, его поведение на различных этапах судопроизводства. Каждая стадия уголовного процесса характеризуется определенным набором сведений, который отличается друг от друга

¹³ Постановление ЕСПЧ от 11 октября 2007 г. «Дело Насруллоев против Российской Федерации» (жалоба №656/06) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

степенью доказанности. На досудебной стадии уголовного процесса основания для избрания мер пресечения, свидетельствующие о ненадлежащем поведении подозреваемого, обвиняемого, носят вероятностное значение. Доказанность в судебном производстве имеет более выраженную возможность совершения подсудимым противоправных действий, хотя и продолжает носить вероятностный характер. В уголовно-исполнительном судопроизводстве при применении заключения под стражу в отношении осужденного факт совершения им неправомерных действий, препятствующих исполнению приговора, должен быть доказан достоверно.

Список источников

1. Муравьев К.В. Оптимизация уголовного процесса как формы применения уголовного закона: дисс. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 505 с.
2. Михайлов В.А. Меры пресечения в советском уголовном судопроизводстве. М., 1991. 188 с.
3. Смирнов В.В. Арест как мера пресечения, применяемая следователем органов внутренних дел. Хабаровск, 1987. 94 с.
4. Кудин Ф.М. Особенности доказывания в сфере применения уголовно-процессуального принуждения // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам. Красноярск, 1985. 135 с.
5. Трунова Л.К. Современные проблемы применения мер пресечения в уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 419 с.
6. Мельников В.Ю. Обеспечение прав граждан в ходе досудебного производства. М., 2006. 586 с.
7. Судницын А.Б. Вероятность обстоятельств, являющихся основанием для избрания и применения мер пресечения // Вестник Сибирского института МВД России. 2018. № 1 (30). С. 22-25.
8. Муравьев К.В. Меры процессуального принуждения – особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация: монография. Омск, 2017. 226 с.
9. Вершинина С.И. О совершенствовании института мер пресечения, предусмотренного главой 13 УПК РФ // Журнал российского права. 2017. № 6. С. 115-125.

References

1. Murav'ev K.V. Optimizaciya ugovolnogo processa kak formy primeneniya ugovolnogo zakona: diss. ... d-ra yurid. nauk. Omsk, 2017. 505 s.
2. Mihajlov V.A. Mery presecheniya v sovetskom ugovolnom sudoproizvodstve. M., 1991. 188 s.
3. Smirnov V.V. Arest kak mera presecheniya, primenyaemaya sledovatelem organov vnutrennih del. Habarovsk, 1987. 94 s.
4. Kudin F.M. Osobennosti dokazyvaniya v sfere primeneniya ugovolno-proces-sual'nogo prinuzhdeniya // Problemy dokazatel'stvennoj deyatel'nosti po ugovolnym delam. Krasnoyarsk, 1985. 135 s.
5. Trunova L.K. Sovremennye problemy primeneniya mer presecheniya v ugovolnom processe: dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2002. 419 s.
6. Mel'nikov V.YU. Obespechenie prav grazhdan v hode dosudebnogo proizvodstva. M., 2006. 586 s.

7. Sudnitsyn A.B. Veroyatnost' obstoyatel'stv, yavlyayushchihsya osnovaniem dlya izbraniya i primeneniya mer presecheniya // Vestnik Sibirskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 1 (30). S. 22-25.

8. Murav'ev K.V. Mery processual'nogo prinuzhdeniya – osoby sredstva ugolovno-pravovogo vozdejstviya: doktrina, primeneniye, optimizatsiya: monografiya. Omsk, 2017. 226 s.

9. Vershinina S.I. O sovershenstvovanii instituta mer presecheniya, predusmotrennogo glavoy 13 UPK RF // Zhurnal rossijskogo prava. 2017. № 6. S. 115-125.

Информация об авторе

Елизавета Юрьевна Замуруева. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.
Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Elizaveta Yu. Zamurueva Adjunct of the chair of Criminal Procedure.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted April 18, 2022; approved after reviewing May 4, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 18, 2022.

Научная статья
УДК 343

ПОДСУДНОСТЬ ВОЕННЫХ СУДОВ ПО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РОССИИ

Павел Викторович Кондрашин

Красноярский государственный аграрный университет, Красноярск, Россия,
kondrashina_05@mail.ru

Аннотация. В уголовно-процессуальном законе закреплены нормы, регулирующие подсудность военных судов. В последнее время с учетом усиления борьбы с террористическими преступлениями в уголовно-процессуальное законодательство было внесено множество изменений, затрагивающих подсудность уголовных дел, рассматриваемых военными судами. С учетом этих изменений автор делает вывод о том, что в настоящее время имеется такой вид подсудности, как исключительная; в статье дается ее определение. Кроме того, рассматриваются вопросы подсудности других преступлений, отнесенных к ведению исключительно военных судов. Автор в данной статье попытается разобрать эти возникающие вопросы в теории и практике и дать разрешение этих ситуаций.

Ключевые слова: военные суды, подсудность уголовных дел, исключительная подсудность, территориальная подсудность, преступления террористического характера

Благодарности: работа выполнена при поддержке научного руководителя Заслуженного юриста Российской Федерации, Заслуженного деятеля науки Российской Федерации доктора юридических наук, профессора Юрия Петровича Гармаева

Для цитирования: Кондрашин П. В. Подсудность военных судов по уголовно-процессуальному законодательству России // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 119-126.

JURISDICTION OF MILITARY COURTS UNDER THE CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF RUSSIA

Pavel V. Kondrashin

Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russia, kondrashina_05@mail.ru

Abstract. The Criminal Procedure Law establishes the rules governing the jurisdiction of military courts. Recently, taking into account the strengthening of the fight against terrorist crimes, many changes have been made to the criminal procedure legislation concerning the jurisdiction of criminal cases to military courts. Taking into account these changes, the author concludes that at present there is such a type of jurisdiction as exclusive; its definition is given. In addition, the issues of jurisdiction of other crimes attributed to the jurisdiction of exclusively military courts are being considered. The author in this article will try to analyze these emerging issues in theory and practice and give a solution to these situations.

Keywords: military courts, jurisdiction of criminal cases, exclusive jurisdiction, territorial jurisdiction, crimes of a terrorist nature

Acknowledgements: the work was carried out with the support of the scientific supervisor of the Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Scientist of the Russian Federation, doctor of legal sciences, professor Yuri Petrovich Garmaev

For citation: Kondrashin P. V. Jurisdiction of military courts under the criminal procedure legislation of Russia// Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 119-126.

Подсудность военных судов предусмотрена в ст. 31 УПК РФ, там же закреплено разграничение подсудности среди «гражданских» и военных судов.

Окружному (флотскому) военному суду подсудны уголовные дела о преступлениях, указанных в ч. 3 ст. 31 УПК РФ, то есть данный суд как суд первой инстанции рассматривает уголовные дела о преступлениях, которые подсудны судам субъекта Российской Федерации (ч. 6 ст. 31 УПК РФ). Этот признак имеет значение для разделения подсудности среди военных гарнизонных и окружных (флотских) военных судов. Отсюда следует, что первым подсудны уголовные дела, которые находятся в компетенции районного суда.

Однако Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 130-ФЗ¹ были внесены изменения в указанную норму УПК РФ, которыми уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206 и ч. 4 ст. 211 УК РФ; уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности; уголовные дела о преступлениях, при назначении наказания за которые подлежит учету отягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ (совершение преступления в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма), с 1 января 2015 года отнесены к подсудности только Московского окружного военного суда и Северо-Кавказского окружного военного суда [1].

Федеральным законом от 6 июля 2016 года № 375-ФЗ расширен перечень судов, которые с 6 июля 2016 года могут рассматривать уголовные дела об указанных выше преступлениях. К таковым судам относятся Приволжский окружной военный суд, Московский окружной военный суд и Северо-Кавказский окружной военный суд².

Сейчас, в соответствии с ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 205, 205.1, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, ч. 4 ст. 211 и ст. 361 УК РФ; уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 277, 278, 279 и 360 УК РФ, если их совершение сопряжено с осуществлением террористической деятельности; уголовные дела о преступлениях, при назначении наказания за которые подлежит учету отягчающее обстоятельство, предусмотренное пунктом «р» ч. 1 ст. 63 УК РФ, отнесены к подсудности только 1-го Восточного окружного военного суда, 2-го Западного окружного военного суда, Центрального окружного военного суда и Южно-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О внесении изменений в Уголовный кодекс Рос. Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности: Федер. закон Рос. Федерации от 6 июля 2016 г. № 375-ФЗ.

го окружного военного суда³. Данные изменения были внесены в связи с изменением наименований военных судов⁴.

До этих перемен данные уголовные дела направлялись для рассмотрения в окружные военные суды по ходатайству Генерального прокурора или его заместителя Верховным Судом Российской Федерации – в случае наличия реальной угрозы для участников судебного процесса, их родственников и близких лиц [2, с. 222].

Согласно мнению А.М. Угрениновой [3, с. 101-102] и А.Ф. Абдулвалиева [2, с. 222], в данном случае обнаруживается «конфликт» между видами уголовно-процессуальной подсудности. Так, военные суды любой инстанции направлены на рассмотрение дела с учетом персональной подсудности (это лица, совершившие преступления), разбирая при этом дела только о преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы. Данные изменения в уголовно-процессуальном законе передают разбирательство по уголовным делам о «террористических» преступлениях к компетенции военных судов, тем самым установив предметную (родовую) подсудность.

Действительно, после изменений в уголовно-процессуальный закон уголовные дела террористической направленности, которые указаны в п.п. 2-4 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ, независимо от субъекта преступления рассматриваются только четырьмя военными окружными судами, указанными в этой норме закона.

По уголовному делу, оценивая содержащиеся в апелляционных жалобах, осужденных М., А. и Г. утверждения о незаконности рассмотрения настоящего уголовного дела военным судом, о служебной зависимости военных судей, следователей и сотрудников силовых структур и о лишении подсудимых основного права на справедливое рассмотрение их дела независимым и объективным судом, Судебная коллегия приходит к выводу о явной надуманности этих доводов, которые не основаны на законе. Рассмотрение данного уголовного дела Приволжским окружным военным судом произведено в соответствии с ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ с учетом определенной для этого суда подсудностью, хотя обвиняемые не были из числа военнослужащих или лиц, проходивших военные сборы⁵.

По уголовному делу в отношении Ч. и К. суд кассационной инстанции установил следующее. В соответствии с ч. 6.1. ст. 31 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных и ст. 206 УК РФ, отнесены к подсудности 1-го Восточного окружного военного суда, 2-го Западного окружного военного суда, Центрального окружного военного суда. Указанные нормы могут быть распространены только на уголовные дела, которые поступили и рассмотрены после 1 октября 2019 года. Согласно ч. 3 ст. 34 УПК РФ, если уголовное дело подсудно вышестоящему суду или военному суду, оно во всех случаях подлежит передаче по подсудности. Исходя из положений ст. 34 УПК РФ, судья, установив при разрешении вопроса о назначении судебного заседания, что поступившее уголовное дело не подсудно данному суду, выносит постановление о направлении данного уголовного дела по подсудности. Соответствующие

³ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации и ст. 1 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 ноября 2018 г. № 413-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О создании, упразднении некоторых военных судов и образовании постоянных судебных присутствий в составе некоторых военных судов [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 ноября 2018 г. № 403-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Рос. Федерации от 18 октября 2019 г. № 203-АПУ19-12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

положения УПК РФ суд первой инстанции нарушил. По указанному уголовному делу К. было предъявлено обвинение по множеству преступлений, в том числе и по п. «г» ч. 2 ст. 206 УК РФ, в связи с чем оно подсудно соответствующему окружному военному суду. Между тем заместитель прокурора Пермского края после утверждения обвинительного заключения 28 апреля 2020 года передал дело в Мотовилихинский районный суд г. Перми для его рассмотрения. 8 мая 2020 года судьей указанного суда принято решение о рассмотрении данного уголовного дела в общем порядке, в котором содержится вывод о подсудности дела Мотовилихинскому районному суду г. Перми, что прямо противоречит положениям ч. 6.1. ст. 31 УПК РФ. Рассмотрев данное уголовное дело по существу, судья Мотовилихинского районного суда г. Перми допустил существенное нарушение УПК РФ, являющееся фундаментальным, влекущим безусловную отмену приговора⁶.

Также отличительной чертой применения ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ является то, что общие правила территориальной подсудности в этом случае также не применяются, поскольку данные изменения в законодательстве привели к такой ситуации, что указанными судами уголовные дела об указанных в данной норме закона преступлениях рассматриваются на всей территории Российской Федерации [4, с. 71]. При этом согласно Федеральному закону от 27 декабря 2009 года № 345-ФЗ установленная территориальная подсудность по уголовным делам об указанных в п.п. 2-4 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ преступлениях, указанных в законе четырех военных окружных судов, распространяет свою юрисдикцию и на территорию, на которой установлена этим же законом компетенция других военных окружных судов (но по рассмотрению остальных преступлений)⁷.

Так, по мнению И.С. Дикарева, «особенностью современной регламентации является отступление законодателя от общего правила определения территориальной подсудности уголовных дел военным судам (по месту совершения преступления), что является неизбежным в условиях, когда уголовные дела по предметному признаку распределяются среди не всех, а только некоторых, специально указанных в законе военных судов» [5, с. 66-67].

Следует отметить, что принятые правила установления территориальной подсудности в указанном случае применяться не могут, потому законодателю нужно было закрепить специальные условия по отношению к территориям, охватываемым компетенцией этими четырьмя военными окружными судами. Вдобавок установленное в ч. 2.1 ст. 35 УПК РФ табу изменять территориальную подсудность данного перечня уголовных дел прибавляет к компетенции указанных военных окружных судов характер исключительности [5, с. 67].

Данная позиция подтверждается и судебной практикой. Так, по уголовному делу в отношении Р. установлено, что согласно п. 2 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 206 УК РФ, относятся к подсудности Московского окружного военного суда и Северо-Кавказского окружного военного суда. Согласно Федеральному закону от 27 декабря 2009 года № 345-ФЗ «О территориальной юрисдикции окружных (флотских) военных судов» преступления указанной категории, совершенные на территории Чувашской Республики, рассматриваются Московским окружным военным судом. Поскольку для данной категории дел предусмотрена специ-

⁶ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 15 июля 2021 г. № 77-2725/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ О территориальной юрисдикции окружных (флотских) военных судов [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 27 декабря 2009 г. № 345-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

альная подсудность, то по данному делу нарушены требования ст. 31 УПК РФ о подсудности уголовного дела⁸.

С учетом этого можно сделать вывод, что установленная п.п. 2-4 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ уголовно-процессуальная подсудность является исключительной, поскольку является приоритетной и не может быть каким-либо образом изменена. Аналогичной позиции придерживаются и в гражданско-процессуальном законодательстве при определении исключительной подсудности гражданских дел, а именно: исключительная подсудность, в свою очередь, исключает возможность выбора подсудности иной, чем установлена законодательством. В таких случаях иск может быть подан в строго определенный, конкретный суд [6].

При этом в уголовно-процессуальном законе нормы об исключительной подсудности изложены как отступление от общих требований о подсудности. Не допускается рассмотрение уголовных дел по установленным в п.п. 2-4 ч. 6.1 ст. 31 УПК РФ категориям в других судах, в том числе и военных, кроме указанных в этой статье. С учетом этого можно сделать вывод, что уголовно-процессуальным законом предусмотрен еще один вид подсудности – исключительная подсудность. Этому же мнению придерживается и С.В. Панова [7].

На основании этого исключительная подсудность – это разновидность подсудности, исключающей возможность для определенной категории дел применение иных правил подсудности, чем те, которые установлены УПК РФ непосредственно для этих категорий дел, а также ее изменения.

В силу ч. 4 ст. 35 УПК РФ, по ходатайству Генерального прокурора Российской Федерации или его заместителя уголовное дело хотя бы об одном из преступлений, предусмотренных ст. 208, 209, ч.ч. 1-3 ст. 211, ст. 277-279 и 360 УК РФ, при наличии реальной угрозы личной безопасности участников судебного разбирательства, их близких родственников, родственников или близких лиц может быть передано по решению Верховного Суда Российской Федерации для рассмотрения в окружной (флотский) военный суд по месту совершения преступления.

То есть в случае совокупности указанных обстоятельств уголовное дело из подсудности соответствующего территориального суда может быть передано в окружной (флотский) военный суд. При этом не имеет значения, что подсудимые не являются военнослужащими⁹.

С учетом этого перечень подсудных военным судам уголовных дел был расширен из-за особенности, содержащей в себе предметный признак (указание конкретных составов преступления), который применяется вместе с ситуационным признаком (наличие реальной угрозы безопасности указанным в законе лицам). Поэтому данная особенность подсудности дел военным судам, в сущности, является предметно-ситуационной [5, с. 64].

В данном случае будет не просто изменение территориальной подсудности, а передача уголовного дела для судебного разбирательства в окружной (флотский) военный суд, которое по сути ему неподсудно, поскольку у обвиняемых нет статуса военнослужащего или лица, проходящего военные сборы. Поэтому персональный признак, который лежит в основе отграничения уголовно-процессуальной подсудности между «гражданскими» и военными судами, не имеет правового значения, так как отнесение уголовного дела для рассмотрения в военный суд будет определено не наличи-

⁸ Обзор судебной практики Верховного Суда Чувашской Республики (по уголовным делам) [Электронный ресурс]. 2016. № 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Уголовно-процессуальный кодекс Рос. Федерации. Главы 1-32.1. Постатейный научно-практический комментарий [Электронный ресурс] / под ред. Л.А. Воскобитовой // Рос. газ. 2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ем у обвиняемого соответствующего статуса, а наличием обстоятельств, которые подтверждают реальную угрозу жизни и здоровья участников судебного разбирательства [8, с. 31].

Уголовное дело в отношении Д.Н. и Д.И., которые обвиняются в совершении бандитизма, предусмотренного ст. 209 УК РФ, обоснованно передано для рассмотрения в Северо-Кавказский окружной военный суд в связи с наличием обстоятельств, подтверждающих реальную угрозу безопасности свидетелю Х., а также его близким лицам. Вопреки доводам автора апелляционной жалобы, представленные в Верховный Суд Российской Федерации сведения о существовании такой угрозы достоверны¹⁰.

Вместе с тем хочется акцентировать внимание на том, что, по сути, территориальная подсудность не меняется. Следует согласиться с мнением И.С. Дикарева, что «речь идет о разграничении подсудности между общими и специальными (военными) судами... Передача уголовного дела для рассмотрения в подсистему военных судов территориальной подсудности как раз не меняет: как прямо указано в ч. 4 ст. 35 УПК РФ, уголовное дело передается для рассмотрения в окружной (флотский) военный суд по месту совершения преступления. Соответственно, изменения территориальной подсудности в случае передачи уголовного дела в порядке, предусмотренном ч.ч. 4-7 ст. 35 УПК РФ, не происходит» [5, с. 65].

В подтверждение этого в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 6 апреля 2006 года № 3-П указано, что по смыслу ст. 31 и 32 УПК РФ местом совершения преступления является часть территории Российской Федерации, на которую распространяется юрисдикция суда соответствующего уровня. Подсудность судам субъектов РФ уголовных дел – это территория находящихся в составе Российской Федерации республики, края, области, города федерального значения, автономной области или автономного округа. Окружные военные суды приравниваются к указанным федеральным судам, при том что для окружных военных судов каких-либо специальных, отличных от установленных для других судов общей юрисдикции такого же уровня, нормативно-правовых оснований определения места совершения преступления на территории Российской Федерации не предусмотрено. Местом совершения на территории Российской Федерации преступлений, дела о которых подсудны окружному военному суду, является по смыслу ст. 31 и 32 УПК РФ во взаимосвязи с ч. 2 ст. 1, ст. 3, ч. 3 ст. 7, ст. 13 и 14 Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации» территория соответствующего субъекта Российской Федерации, независимо от того, распространяется юрисдикция этого суда на один или несколько субъектов Российской Федерации¹¹.

И хоть, действительно, по сути, изменения территориальной подсудности не происходят, поскольку военным судом рассматривается переданное ему по месту совершения преступления дело, суды при разрешении таких ходатайств ссылаются на изменение территориальной подсудности, скорее всего, потому, что указанная норма

¹⁰ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Рос. Федерации от 18 сентября 2019 г. № АПЛ19-358 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

¹¹ Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 6 апреля 2006 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального конституционного закона «О военных судах Российской Федерации», Федеральных законов «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации», «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Президента Чеченской Республики, жалобой гражданки К.Г. Тубуровой и запросом Северо-Кавказского окружного военного суда» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

находится в статье 35 УПК РФ, которая подразумевает изменение именно территориальной подсудности.

Так, в определении апелляционной инстанции указано, что решением от 28 июня 2018 года судья Верховного Суда Российской Федерации изменил территориальную подсудность данного уголовного дела и передал его для рассмотрения в Северо-Кавказский окружной военный суд. В процессе рассмотрения ходатайства об изменении территориальной подсудности судом исследовались данные о существовании настоящей угрозы личной безопасности участников уголовного судопроизводства, и с учетом предоставленных доказательств суд сделал верный вывод, что имеется реальная угроза жизни и здоровью данных лиц¹².

По другому уголовному делу указано, что Верховный Суд Российской Федерации постановлением уголовное дело направил для разбирательства в Южный окружной военный суд. В отношении Г. по месту совершения инкриминируемых преступлений уголовное дело было подсудно Верховному Суду Республики Северная Осетия – Алания. Суд первой инстанции верно установил правовые и фактические основания изменения территориальной подсудности уголовного дела¹³.

На основании изложенного считаем необходимым изменить ст. 35 УПК РФ, исключив в названии статьи и в части 5 слово «территориальной».

Список источников

1. Давыдов В.А. [и др.]. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации. Часть 2. Актуальные вопросы судебной практики, рекомендации судей Верховного Суда Рос. Федерации по применению уголовно-процессуального законодательства на основе новейшей судебной практики [Электронный ресурс]: практическое пособие / под ред. В.М. Лебедева. 7-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Абдулвалиев А.Ф. Проблемы подсудности уголовных дел по преступлениям террористического характера // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2015. № 1 (42). С. 221-224.
3. Угренинова А.М. Подсудность в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. 205 с.
4. Демьяненко А.С. К вопросу о правовом статусе работника аппарата военного суда Российской Федерации (краткий обзор особенностей реализации специального правового статуса работниками аппаратов военных судов) // Право в Вооруженных Силах. 2018. № 4. С. 64-71.
5. Дикарев И.С. Вопросы подсудности уголовных дел военным судам // Право в Вооруженных Силах. 2020. № 6. 96 с.
6. Тарасенкова А.Н. Гражданское судопроизводство: руководство для тех, кому без суда не обойтись [Электронный ресурс] // Рос. газ. 2018. Вып. 2. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Панова С.В. Предметная подсудность уголовных дел [Электронный ресурс]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=4977-3044.

¹² Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 16 августа 2018 г. № АПЛ18-377 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Апелляционное определение Верховного Суда Рос. Федерации от 12 августа 2021 г. № АПЛ21-287 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Хомяков С.А. К вопросу о территориальной подсудности гражданских дел военным судам Российской Федерации и определение их территориальной подсудности // Рос. судья. 2014. № 1. С. 28-33.

References

1. Davydov V.A. [i dr.]. Praktika primeneniya Ugolovno-processual'nogo kodeksa Ros. Federacii. Chast' 2. Aktual'nye voprosy sudebnoj praktiki, rekomendacii sudej Verhovnogo Suda Ros. Federacii po primeneniyu ugolovno-processual'nogo zakonodatel'stva na osnove novejshej sudebnoj praktiki [Elektronnyj resurs]: prakticheskoe posobie / pod red. V.M. Lebedeva. 7-e izd., pererab. i dop. M.: Yurajt, 2016. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

2. Abdulvaliev A.F. Problemy podsudnosti ugolovnyh del po prestupleniyam terroristicheskogo haraktera // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo. 2015. № 1 (42). S. 221-224.

3. Ugreninova A.M. Podsudnost' v ugolovnom processe: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. Ekaterinburg, 2018. 205 s.

4. Dem'yanenko A.S. K voprosu o pravovom statuse rabotnika apparata voennogo suda Rossijskoj Federacii (kratkij obzor osobennostej realizacii special'nogo pravovogo statusa rabotnikami apparatov voennyh sudov) // Pravo v Vooruzhennyh Silah. 2018. № 4. S. 64-71.

5. Dikarev I.S. Voprosy podsudnosti ugolovnyh del voennym sudam // Pravo v Vooruzhennyh Silah. 2020. № 6. 96 s.

6. Tarasenkova A.N. Grazhdanskoe sudoproizvodstvo: rukovodstvo dlya tekhn, komu bez suda ne obojtit' [Elektronnyj resurs] // Ros. gaz. 2018. Vyp. 2. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Konsul'tantPlyus».

7. Panova S.V. Predmetnaya podsudnost' ugolovnyh del [Elektronnyj resurs]. URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/web/proc_42/activity/legal-education/explain?item=49773044.

8. Homyakov S.A. K voprosu o territorial'noj podsudnosti grazhdanskih del voennym sudam Rossijskoj Federacii i opredelenie ih territorial'noj podsudnosti // Ros. sud'ya. 2014. № 1. S. 28-33.

Информация об авторе

Павел Викторович Кондрашин. Аспирант кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебных экспертиз.

Красноярский государственный аграрный университет.
660049, Россия, г. Красноярск, пр. Мира д. 90.

Information about the author

Pavel V. Kondrashin. Post-graduate student of the chair of Criminal Procedure, Criminalistics and Fundamentals of Forensic Examinations.

Krasnoyarsk State Agrarian University.
660049, Russia, Krasnoyarsk, ave. Mira 90.

Статья поступила в редакцию 07.04.2022; одобрена после рецензирования 12.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted April 7, 2022; approved after reviewing May 12, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 27, 2022.

Научная статья
УДК 343

**ПОНЯТИЕ И СУЩНОСТЬ ИСПОЛНЕНИЯ МЕР
УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
ИМУЩЕСТВЕННОГО ХАРАКТЕРА (ЗАЛОГ, НАЛОЖЕНИЕ АРЕСТА
НА ИМУЩЕСТВО, ДЕНЕЖНОЕ ВЗЫСКАНИЕ)**

Алексей Петрович Лыга

Омская академия МВД России, Омск, Россия, lygaaleksei@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется содержание деятельности по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера; рассматривается вопрос соотношения категорий «применение» и «исполнение» мер процессуального принуждения имущественного характера; высказана точка зрения о пределах деятельности по их исполнению. Также определены критерии классификации участников данной деятельности; предлагается авторское определение «исполнение мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера».

Ключевые слова: меры принуждения имущественного характера, применение мер пресечения, исполнение мер принуждения, залог, арест имущества, денежное взыскание

Для цитирования: Лыга А. П. Понятие и сущность исполнения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера (залог, наложение ареста на имущество, денежное взыскание) // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 127-135.

**THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE EXECUTION OF MEASURES
OF CRIMINAL PROCEDURAL COERCION OF A PROPERTY NATURE
(PLEDGE, SEIZURE OF PROPERTY, MONETARY RECOVERY)**

Alexey P. Lyga

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Omsk, Russia,
lygaaleksei@rambler.ru

Abstract. The article examines the content of activities for the execution of measures of criminal procedural coercion of a property nature; the question of the correlation of the categories of «application» and «execution» of measures of procedural coercion of a property nature is considered; a point of view is expressed about the limits of activities for their execution. The criteria for the classification of participants in this activity are also defined; the author's definition of «execution of measures of criminal procedural coercion of a property nature» is proposed.

Keywords: coercive measures of a property nature, application of preventive measures, enforcement of coercive measures; pledge, seizure of property, monetary recovery

For citation: Lyga A. P. The concept and essence of the execution of measures of criminal procedural coercion of a property nature (pledge, seizure of property, monetary recovery) // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 127-135.

Избрание меры пресечения нормативно определяется как принятие дознавателем, следователем, а также судом решения о мере пресечения в отношении подозреваемого, обвиняемого (п. 13 ст. 5 УПК РФ). Деятельность по выполнению такого решения – сложный процесс. Уголовно-процессуальный закон полностью не раскрывает его содержание. Рассматривая применение меры пресечения только как процессуальные действия, осуществляемые с момента принятия решения об избрании меры пресечения до ее отмены или изменения (п. 29 ст. 5 УПК РФ), законодатель не упоминает непроцессуальные действия, без реализации которых в комплексе с процессуальными выполнение решения о мере пресечения невозможно. Это создает некоторую неопределенность, порождающую сложности для правоприменения.

Исследуя обозначенный вопрос, Б.Б. Булатов и В.И. Горобцов определили данную деятельность как «процессуально-исполнительную», объединяющую в себе административные, организационные и иные направления деятельности государственных органов в связи с мерой пресечения [1, с. 106-113].

Развивая мысль о сложносоставном характере правовой природы применения меры пресечения, Л.И. Даньшина [2, с. 26-28] и М.Х. Гельдибаев [3, с. 10] выделили уголовно-процессуальный, административный (управленческий или организационный), гражданско-правовой, трудовой характер отношений, складывающихся в связи с ее реализацией. Отводя первым ведущую роль, иные виды складывающихся отношений определили, как вспомогательные, обратили внимание на их взаимозависимость и взаимообусловленность. В.А. Михайлов, также отмечая комплексный характер данной деятельности, выделил фактическое исполнение решений о мере пресечения органами государственного управления, организациями, должностными и частными лицами в соответствии с поручением органа уголовного судопроизводства [4, с. 222-230].

Меры пресечения являются частью мер процессуального принуждения, предусмотренных разделом IV УПК РФ. Поэтому привлекает внимание отсутствие в УПК РФ сформулированного понятия «применение меры принуждения». Отсутствие же нормативного определения категории «исполнение мер процессуального принуждения», по нашему мнению, существенно повышает значимость исследуемого вопроса.

Этимологическое значение слова «исполнить» рассматривается как «осуществить, претворить в жизнь, выполнить» [5, с. 368]. Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой значение слова «выполнить» определяет синонимом «осуществить», «привести в жизнь»¹. Таким образом, глагол «исполнить» означает «осуществить, выполнить что-либо».

О.В. Баландюк предложила следующее определение «исполнения мер уголовно-процессуального принуждения»: «... это осуществляемая государственными органами, физическими и юридическими лицами процессуальная и организационная деятельность по выполнению указанных в решении об избрании меры принуждения ограничений принудительного, психологического, морального характера, в отношении субъектов уголовно-процессуальных правоотношений, регулируемая нормами УПК РФ, другими федеральными законами, а также подзаконными нормативными правовыми актами ...» [7, с. 27]. Кроме этого, основываясь на родовом совпадении целей всех мер процессуального принуждения, автор предложила заменить определяемую часть дефиниции п. 29 ст. 5 УПК РФ на «применение мер процессуального принуждения» [6, с. 241]. Учитывая общий характер задач, решавшихся автором, вопросы исполнения мер процессуального принуждения имущественного характера (залог, наложение ареста на имуще-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Большой толковый словарь. М.: Азъ, 1992. Том 2. 907 с.

ство, денежное взыскание), выделяемые доктринально в системе мер процессуального принуждения [7, с. 153], им не рассматривались.

Мы считаем необходимым обратить внимание на указанные позиции. Их содержание позволяет выделить особенности исполнения данной группы мер принуждения, обусловленные связью указанных мер с ограничением имущественных прав участников уголовного судопроизводства. Во-первых, специфика механизмов их исполнения иначе определяет соотношение категорий «исполнение» и «применение» мер процессуального принуждения, а также по-другому устанавливает пределы осуществления данной деятельности. Во-вторых, применение не всех мер процессуального принуждения может завершиться отменой или изменением (например, денежное взыскание). В-третьих, круг участников процесса, в отношении которых могут применяться меры принуждения, не ограничивается подозреваемым и обвиняемым (ч. 2 ст. 111 УПК РФ).

Момент начала и окончания деятельности по выполнению решения уполномоченного органа об избрании меры процессуального принуждения в науке определяется неоднозначно. Например, Н.И. Капинус связывает момент завершения применения меры пресечения с принятием решения о применении таковой [8, с. 19-20], а Т.В. Шушанова – с доведением содержания решения о ее избрании до участников уголовно-процессуальных отношений [9, с. 10-11]. Основу обозначенных позиций составляют общетеоретические подходы к содержанию формы реализации права – «правоприменение», в то время как нормативное значение специальной уголовно-процессуальной категории «применение меры пресечения» определяется иначе.

Решение об избрании меры принуждения ученые предлагают рассматривать промежуточным этапом «разрешения юридического дела» [10, с. 126], устанавливающим пределы ее применения. Исполнение процессуального решения считают обязательным элементом процессуальной формы [11, с. 18-19]. Данную деятельность определяют, как состоящую в фактических действиях, обеспечивающих реализацию акта применения права [12, с. 164], обладающих различной правовой природой. Именно в таком подходе к пониманию содержания исследуемой деятельности отчетливо проявляется теоретико-прикладная связь применения меры принуждения с выполнением властных предписаний, заложенных в процессуальном решении.

Однако рассмотренные выше взгляды развивают плюрализм подходов к содержанию производства о мерах принуждения. Так, И.Б. Тутынин отмечает отсутствие стадийности (этапов) реализации мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера [13, с. 209-210]. Следует заметить, что законодатель разграничивает содержание «избрания» и «применения» меры пресечения (п. 13 и п. 29 ст. 5 УПК РФ), а потому данный подход представляется не вполне оправданным.

О.В. Химичева и Ю.Б. Плоткина выделяют четыре этапа производства о мерах принуждения: 1) досудебный; 2) судебный; 3) исполнения судебного решения; 4) отмены или изменения меры пресечения [14, с. 59]. Данный подход в большей степени соответствует положениям закона. И все же предлагаемая ими классификация, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Этапы «исполнения судебного решения об избрании меры пресечения» и «отмены или изменения меры пресечения» следовало бы объединить и именовать этапом «исполнения меры процессуального принуждения». Предлагаемая нами позиция основана на том, что исполнение меры процессуального принуждения состоит в выполнении решения о мере принуждения, проявляющемся в производстве необходимых для этого процессуальных и непроцессуальных действий, поглощающих основания и процедуру ее отмены или изменения, то есть является более широким по содержанию.

Важно отметить, что связь процессуальных и непроцессуальных действий, возникающая в ходе исполнения решения о мере принуждения имущественного характера,

прослеживается и в положениях ст. 106, 115, 117-118 УПК РФ. В части залога такая взаимосвязь развивается в ч. 4, 5, 9 и 10 ст. 106 УПК РФ. Руководствуясь ими, следователь, дознаватель или суд наряду с процессуальными действиями обязаны: принять и проверить подлинность документов, подтверждающих право собственности на предмет залога (посредством направления запросов в регистрирующий орган); обеспечить выдачу квитанции о внесении денежных средств на депозитный счет (организовать взаимодействие залогодателя с представителями финансового подразделения); организовать фиксацию нарушения обязательств, связанных с внесением залога (представить необходимые документы в орган, осуществляющий контроль; осуществлять сбор и проверку документов, подтверждающих выполнение условий залога).

Аналогично, выполняя решение о наложении ареста на имущество, в соответствии с положениями ч. 6 и ч. 7 ст. 115 УПК РФ необходимо организовать: хранение арестованного имущества (обеспечить заключение договора хранения); приостановление операций по вкладам и банковским счетам (предоставить необходимые документы в банковское учреждение). Подобные связи развиваются и в ст. 117-118 УПК РФ, корреспондирующих с необходимостью фиксации факта невыполнения участником уголовного судопроизводства процессуальных обязанностей и направлением судом соответствующих документов (судебный приказ или исполнительный лист) для исполнения в органы принудительного исполнения.

Присутствие непроцессуальной составляющей в исполнении мер имущественного принуждения следует и из иного правового регулирования. Так, на следователя или дознавателя при исполнении залога, применяемого вместе с запретом определенных действий, возлагается обязанность подготовить и предоставить в УИИ ФСИН России документы, необходимые для постановки субъекта на контроль или его снятия с контроля². Исполнение решения о наложении денежного взыскания полностью выведено за пределы уголовно-процессуального закона и отнесено к исключительной компетенции ФССП России³. Процедура ареста отдельных видов имущества немыслима без деятельности лиц, чей правовой статус определяется иным правовым регулированием, и деятельности следователя или дознавателя, выполняющих необходимые непроцессуальные действия⁴.

Пределы деятельности по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера неотделимы от вопросов о возможности их замены другими мерами процессуального принуждения, а также о наличии для них альтернативы среди других имущественных мер.

Невозможность произвольного применения залога (только с учетом волеизъявления на то подозреваемого, обвиняемого, залогодателя), обособливает его в системе мер пресечения. В то же время цели залога могут быть достигнуты посредством применения других (неимущественных) мер пресечения. Это создает условия для определенной вариативности данной меры и возможности завершения ее применения как отменой, так и изменением.

² Порядок осуществления контроля за нахождением подозреваемых или обвиняемых в месте исполнения меры пресечения в виде домашнего ареста и за соблюдением возложенных судом запретов подозреваемыми или обвиняемыми, в отношении которых в качестве меры пресечения избран запрет определенных действий, домашний арест или залог, утвержденный Межведомственным приказом от 31 августа 2020 г. № 189/603/87/371 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».

³ Об исполнительном производстве [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ. Доступ из справ.-правовой. сист. «КонсультантПлюс».

⁴ О государственной регистрации недвижимости [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».

В.А. Ионов считает, что наложение ареста на имущество пресекает преступную деятельность обвиняемого [15, с. 10], то есть высказывается о схожести его функций с функциями мер пресечения. Судебная практика выделяет специальную цель ареста имущества, определенную в ч. 1 ст. 115 УПК РФ⁵. На это обратил внимание и К.Б. Калиновский, отметивший невозможность замены ареста имущества другой мерой процессуального принуждения, а также отсутствие альтернативы его применения вместо любой из мер пресечения или иной меры процессуального принуждения [16, с. 9]. Следовательно, применение ареста имущества может завершиться только его отменой.

Подобным образом складывается ситуация с поиском альтернативы денежного взыскания на этапе исполнения решения суда о его наложении. Механизм изменения данной меры не предусмотрен. Отмена возможна только в порядке обжалования. Поэтому не будет ошибкой связывать окончание применения денежного взыскания с отменой решения о мере принуждения или же с фактическим выполнением обязанными лицами решения суда. Сказанное позволяет прийти к выводам: 1) о нетождественности целей мер принуждения имущественного характера; 2) об отсутствии альтернативы для большинства из них и 3) об ограниченности вариантов завершения их применения.

Пределы исполнения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера связаны со сроками производства процессуальных и непроцессуальных действий. Е.Г. Васильева считает, что такие действия совершаются в рамках сроков действия мер принуждения [17, с. 7-19]. Схожи позиции Конституционного Суда Российской Федерации, высказанные при разрешении вопроса о конституционности положений ч. 1 ст. 73, ч. 1 ст. 299 и ст. 307 УПК РФ⁷. Несмотря на сказанное, содержание деятельности по исполнению мер процессуального принуждения имущественного характера следует определять несколько шире.

Соблюдение имущественных интересов участников уголовного судопроизводства гарантируется ст. 35 Конституции Российской Федерации. Поэтому на этапе исполнения меры принуждения должны производиться действия, необходимые как для выполнения решения суда, так и для обеспечения соответствия правоотношений условиям, следующим из оснований отмены или изменения меры принуждения (приведение имущественных отношений в исходное состояние или прекращение имущественных прав). На подобные позиции обращается внимание в трудах Ю.В. Царевой [18, с. 133-134], М.В. Соколовой [19, с. 120] и Д.А. Иванова [20, с. 30-31].

Конвергенция гражданского и уголовно-процессуального законодательства развивает множественные межотраслевые связи в сфере собственности. Поэтому выработать единый подход, обеспечивающий безошибочное определение точного перечня участников рассматриваемой деятельности, достаточно сложно.

В науке решение обозначенного вопроса предлагается с использованием такого критерия классификации участников исполнения мер принуждения, как нормативное регулирование, отражающее специфику и правовую природу осуществляемой деятель-

⁵ Обзор практики рассмотрения судами ходатайств о наложении ареста на имущество по основаниям, предусмотренным частью 1 статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Рос. Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 27 марта 2019 г. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».

⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Рос. Федерации № 4 [Электронный ресурс]: утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 23 декабря 2020 г. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».

⁷ Постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 17 апреля 2019 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 73, части первой статьи 299 и статьи 307 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки И.В. Янмаевой» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой сист. «КонсультантПлюс».

ности по исполнению мер уголовно-процессуального принуждения [6, с. 61]. Его использование предполагает определение участников по схеме: от общего (закон) к частному (носителю субъективных прав и юридических обязанностей, связанных с имуществом). Однако такой порядок не всегда позволяет точно определить не только перечень участников отношений, но и нормативные правовые акты, подлежащие применению. Он находится в зависимости от правильности выбора, толкования и применения закона.

Сказанное можно проиллюстрировать противоречивостью судебной практики рассмотрения судами исков об освобождении имущества от ареста в порядке статьи 442 ГПК Российской Федерации, наложенного в порядке УПК РФ. В одних случаях суды совершенно обоснованно [21, с. 63] отказывают в принятии таких заявлений к производству⁸, в других – принимают заявления к производству и рассматривают в порядке ГПК РФ (в связи с отсутствием в уголовном деле гражданского истца и гражданского ответчика)⁹, приостанавливают производство до разрешения уголовных дел¹⁰, отказывают в удовлетворении требований¹¹, удовлетворяют иски (ссылаясь на отсутствие в ст. 442 ГПК РФ разграничений, определяемых видом процесса, в котором применено ограничение)¹².

Отнесение имущественных прав к субъективным правам и правовой характер механизмов их реализации с вовлечением в этот процесс строго определенных лиц в дополнительной аргументации не нуждаются. Очевидно и то, что перечень участников исполнения мер имущественного принуждения, связанных с ограничениями в отношении ценных бумаг, электронных платежных средств, предметов культурной ценности и других видов имущества, является различным и уж точно будет отличаться от перечня участников исполнения мер личного, психологического и иного характера. Поэтому дополнительным критерием классификации участников, вовлекаемых в исполнение имущественных мер принуждения, предлагаем определить вид имущества, подвергаемого ограничению.

Предлагаемый нами критерий позволяет определить субъектов исследуемых отношений с опорой на вид имущества (от частного) и связанные с ним субъективные права и юридические обязанности лица, содержащиеся в законе (к общему). Он позволяет выделить участников исполнения мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, вовлекаемых в деятельность по применению ограничений в отношении: 1) денежных средств (в наличной и безналичной формах); 2) недвижимого имущества; 3) движимого имущества; 4) документарных и бездокументарных ценных бумаг, и акций; 5) прав требования и исключительных прав (п. 13¹ ст. 5 УПК РФ), а также 6) ценностей (ч. 1 ст. 106 УПК РФ). В предлагаемом подходе, на наш взгляд, демонстрируется взаимосвязь субъектов имущественных отношений с правовым регулированием, предусмотренным УПК РФ и иными нормативными правовыми актами. Это

⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 2 июля 2019 г. по делу № 33-28307/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

⁹ Апелляционное определение Московского городского суда от 16 января 2020 г. по делу № 33-1553/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

¹⁰ Определение Приморского краевого суда от 22 сентября 2015 г. по делу № 33-8548/2015 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

¹¹ Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 13 мая 2020 г. № 88-5443/2020; апелляционное определение Московского областного суда от 22 апреля 2019 г. по делу № 33-7293/2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

¹² Определение Оренбургского областного суда от 26 сентября 2017 г. по делу № 33-6651/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 02.03.2022).

указывает на взаимосвязь названных выше критериев и необходимость их применения в сочетании.

Сказанное позволяет сделать следующие выводы:

1. Понятие «исполнение мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера» предлагаем сформулировать следующим образом. Это этап процессуальной, организационной и иной, основанной на нормативных правовых и подзаконных актах, деятельности государственных органов, должностных, физических и юридических лиц, осуществляемой в отношении участников уголовного судопроизводства в связи с ограничениями имущественного характера, установленными решением суда о мере процессуального принуждения, с момента ее избрания до завершения процессуальных и иных действий, производимых в связи с ее выполнением, отменой или изменением.

2. Нормативно определенные цели мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера создают условия, при которых замена их другими мерами процессуального принуждения не всегда может быть обеспечена. Возможность их взаимозаменяемости отсутствует вовсе.

3. Перечень субъектов, вовлекаемых в исполнение мер уголовно-процессуального принуждения имущественного характера, значительно шире круга лиц, действовавших в исполнении других мер процессуального принуждения. Определение перечня таких субъектов требует обращения не только к правовому регулированию, устанавливающему содержание процессуальных прав и обязанностей, но и к правовому регулированию, связывающему конкретные виды имущества, подвергаемого ограничениям, с субъектами, у которых возникают права и обязанности по совершению необходимых действий.

Список источников

1. Булатов Б.Б., Горобцов В.И. О предмете процессуально-исполнительного права // «XXVII съезд КПСС и вопросы совершенствования правовых мер борьбы с преступностью»: сборник научных трудов. Омск, 1987. 221 с.
2. Даньшина Л.И. Меры пресечения при производстве по уголовному делу. М., 1991. 40 с.
3. Гельдибаев М.Х. Исполнение меры пресечения в виде предварительного заключения под стражу в следственных изоляторах: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 25 с.
4. Михайлов В.А. Меры пресечения в Российском уголовном процессе. М., 1996. 299 с.
5. Малый академический словарь русского языка / под ред. А.П. Евгеньевой. М., 1999. 368 с.
6. Бalandюк О.В. Исполнение мер уголовно-процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 250 с.
7. Лаков А.В., Травников А.В., Кутуев Э.К., Латыпов В.С. Уголовно-процессуальное принуждение и основные начала уголовного судопроизводства // Мир политики и социологии. 2018. № 3-4. С. 152-163.
8. Капинус Н.И. Процессуальные гарантии прав личности при применении мер пресечения в уголовном процессе: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2001. 56 с.
9. Шушанова Т.В. Применение уголовно-процессуальных норм (концептуальные основы): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
10. Алексеев С.С. Право: Азбука. Теория. Философия: опыт комплексного исследования. М., 1999. 712 с.

11. Дубинский А.Я. Правовые и организационные проблемы исполнения процессуальных решений следователя: дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1984. 393 с.
12. Недбайло П.Е. Применение советских правовых норм. М., 1990. 511 с.
13. Тутынин И.Б. Теоретические основы уголовно-процессуального принуждения имущественного характера. М., 2018. 359 с.
14. Химичева О.В., Плоткина Ю.Б. Применение в стадии предварительного расследования мер пресечения, избираемых по решению суда: монография. М., 2012. 229 с.
15. Ионов В.А. Наложение ареста на имущество при производстве предварительного расследования по уголовным делам об экономических преступлениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2010. 33 с.
16. Калиновский К.Б. Арест имущества вместо меры пресечения // Уголовный процесс. 2021. № 2. С. 9.
17. Васильева Е.Г. Меры уголовно-процессуального принуждения. Уфа: БашГУ, 2003. 137 с.
18. Царева Ю.В. Залог как мера пресечения в уголовном процессе России: доктрина, юридическая техника, правоприменительная практика: дис. ... канд. юрид. наук. Н.Новгород, 2018. 323 с.
19. Соколова М.В. Деятельность следователя по наложению ареста на имущество: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018. 216 с.
20. Иванов Д.А. Досудебный порядок возмещения вреда, причиненного преступлением: теоретические и правовые основы, проблемы правоприменения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. 63 с.
21. Балич Д.М. Можно ли отменить арест имущества по уголовному делу по правилам ГПК // Уголовный процесс. 2020. № 11. С. 62-69.

References

1. Bulatov B.B., Gorobcov V.I. O predmete processual'no-ispolnitel'nogo prava // «XXVII s"ezd KPSS i voprosy sovershenstvovaniya pravovyh mer bor'by s prestupnost'yu»: sbornik nauchnyh trudov. Omsk, 1987. 221 s.
2. Dan'shina L.I. Mery presecheniya pri proizvodstve po уголовному delu. M., 1991. 40 s.
3. Gel'dibaev M.H. Ispolnenie mery presecheniya v vide predvaritel'nogo zaklyucheniya pod strazhu v sledstvennyh izolyatorah: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 1993. 25 s.
4. Mihajlov V.A. Mery presecheniya v rossijskom уголовном processe. M., 1996. 299 s.
5. Malyj akademicheskij slovar' russkogo yazyka / pod red. A.P. Evgen'evoy. M., 1999. 368 s.
6. Balandyuk O.V. Ispolnenie mer уголовно-processual'nogo prinuzhdeniya: dis. ... kand. yurid. nauk. Omsk, 2015. 250 s.
7. Lakov A.V., Travnikov A.V., Kutuev E.K., Latypov V.S. Uголовно-processual'noe prinuzhdenie i osnovnye nachala уголовного sudoproizvodstva // Mir politiki i sociologii. 2018. № 3-4. S. 152-163.
8. Kapinus N.I. Processual'nye garantii prav lichnosti pri primenenii mer presecheniya v уголовном processe: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2001. 56 s.
9. Shushanova T.V. Primenenie уголовно-processual'nyh norm (konceptual'nye osnovy): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2011. 27 s.

10. Alekseev S.S. Pravo: Azbuka. Teoriya. Filosofiya: opyt kompleksnogo issledovaniya. M., 1999. 712 c.
11. Dubinskij A.Ya. Pravovye i organizacionnye problemy ispolneniya processual'nyh reshenij sledovatelya: dis. ... d-ra yurid. nauk. Kiev, 1984. 393 s.
12. Nedbajlo P.E. Primenenie sovetskih pravovyh norm. M., 1990. 511 s.
13. Tutynin I.B. Teoreticheskie osnovy ugovolno-processual'nogo prinuzhdeniya imushchestvennogo haraktera. M., 2018. 359 s.
14. Himicheva O.V., Plotkina YU.B. Primenenie v stadii predvaritel'nogo rassledovaniya mer presecheniya, izbiraemyh po resheniyu suda: monografiya. M., 2012. 229 s.
15. Ionov V.A. Nalozhenie aresta na imushchestvo pri proizvodstve predvaritel'nogo rassledovaniya po ugovolnym delam ob ekonomicheskikh prestupleniyah: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 2010. 33 s.
16. Kalinovskij K.B. Arest imushchestva vmesto mery presecheniya // Ugolovnyj process. 2021. № 2. S. 9.
17. Vasil'eva E.G. Mery ugovolno-processual'nogo prinuzhdeniya. Ufa: BashGU, 2003. 137 s.
18. Careva Yu.V. Zalog kak mera presecheniya v ugovolnom processe Rossii: doktrina, yuridicheskaya tekhnika, pravoprimenitel'naya praktika: dis. ... kand. yurid. nauk. N.Novgorod, 2018. 323 s.
19. Sokolova M.V. Deyatel'nost' sledovatelya po nalozheniyu aresta na imushchestvo: dis. ... kand. yurid. nauk. M., 2018. 216 s.
20. Ivanov D.A. Dosudebnyj poryadok vozmeshcheniya vreda, prichinennogo prestupleniem: teoreticheskie i pravovye osnovy, problemy pravoprimeneniya: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. M., 2018. 63 s.
21. Balich D.M. Mozhno li otmenit' arest imushchestva po ugovolnomu delu po pravilam GPK // Ugolovnyj process. 2020. № 11. S. 62-69.

Информация об авторе

Алексей Петрович Лыга. Старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права.

Омская академия МВД России.

644092, Россия, г. Омск, пр. Комарова, д. 7.

Information about the author

Alexey P. Lyga. Senior teacher of the chair of Theory and History of State and Law.

Omsk Academy of the Ministry of the Interior of Russia.

644092, Russia, Omsk, ave. Komarov 7.

Статья поступила в редакцию 06.04.2022; одобрена после рецензирования 22.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted April 6, 2022; approved after reviewing April 22, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 18, 2022.

Научная статья
УДК 343

ОТДЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИЗНАНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ НЕДОПУСТИМЫМИ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Даулет Маулитович Нурбаев

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, Омск, Россия,
daulet_mn@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье рассмотрены некоторые проблемы признания доказательств недопустимыми. Автором исследуется правовой механизм признания доказательств недопустимыми судом, процедура реализации данных норм. Обращено внимание на особенности применения положений ст. 75 УПК РФ в рамках судебного контроля, предварительных слушаний и стадии судебного разбирательства. По итогу исследования сделан вывод о необходимости более детального регулирования института признания доказательства недопустимыми, в том числе, путем снижения уровня судебного усмотрения.

Ключевые слова: признание доказательств недопустимыми, судебное усмотрение; судебный контроль, допустимость, относимость, достоверность

Для цитирования: Нурбаев Д. М. Отдельные аспекты признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 136-143.

SEPARATE ASPECTS OF RECOGNITION OF EVIDENCE INADMISSIBLE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Daulet M. Nurbaev

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia, daulet_mn@mail.ru

Abstract. This article discusses certain problems of recognizing evidence as inadmissible. The author investigates the legal mechanism for recognizing evidence as inadmissible by the court, the procedure for implementing these norms. Attention is drawn to the peculiarities of the application of the provisions of Art. 75 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation within the framework of judicial control, preliminary hearings and the stage of trial. Based on the results of the study, it was concluded that there is a need for more detailed regulation of the institution of recognizing evidence as inadmissible, including by reducing the level of judicial discretion.

Keywords: recognition of evidence as inadmissible, judicial discretion, judicial control, admissibility, relevance, reliability

For citation: Nurbaev D. M. Separate aspects of recognition of evidence inadmissible in criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 136-143.

© Нурбаев Д. М., 2022

Как известно, доказательства в уголовном процессе должны обладать следующими юридическими свойствами: относимостью, допустимостью, достоверностью и достаточностью. Отсутствие хотя бы одного из указанных свойств делает невозможным использование сведений, имеющих значение для уголовного дела в качестве уголовно-процессуальных доказательств.

При этом в тексте УПК РФ и складывающейся судебной практике акцентируется внимание на таком свойстве доказательства как допустимость, а все другие, как правило, вытекают из него. Соответственно, если доказательство соответствует требованиям законности, то другие свойства с большой долей вероятности будут непоколебимы, и как следствие, противоположная ситуация – недостатки в допустимости ведут к дискредитации других свойств. Поэтому требования допустимости доказательств всегда занимают особое, предпочтительное место в правилах и системе уголовно-процессуального доказывания.

Вопросы признания доказательств недопустимыми в уголовном процессе имеют достаточную и подробную нормативную основу. По словам Н.М. Кипниса к институту допустимости доказательств относится большое количество норм УПК РФ: (см. ст. 7 ч. 3; ст. 75, 88; ст. 154 ч. 5; ст. 165 ч. 5; ст. 217 ч. 5 п. 3; ст. 229 ч. 2 п. 1; и др.), [1] Более того, указанная тема детально освещена в Постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации и Постановлениях Европейского Суда по правам человека. Несмотря на, казалось бы, скрупулёзную урегулированность применения положений ст. 75 УПК РФ, правоприменительная практика в рассматриваемом направлении имеет множество недостатков, подвергается обоснованной критике [2].

Как правило, основные претензии к исследуемой норме возникают со стороны участников уголовного судопроизводства со стороны защиты. Многочисленные доводы, в итоге, сводятся к проблеме широты дискреционных полномочий суда как в части ключевого вопроса – признания доказательства недопустимым, так и в отношении процедуры реализации анализируемого механизма.

В самом деле, при буквальном рассмотрении действующего законодательства можно прийти к указанным умозаключениям.

Согласно ч. 2 ст. 52 Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона.

В соответствии с ч. 1 ст. 75 УПК РФ доказательства, полученные с нарушением требований УПК РФ, являются недопустимыми. Недопустимые доказательства не имеют юридической силы и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания любого из обстоятельств, предусмотренных ст. 73 УПК РФ.

В этом контексте, весьма интересна мысль П.П. Ищенко, Е.П. Ищенко о том, что: «верная цитата, взятая из ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации, поставленная в «неправильное место» - в ч. 1 ст. 75 УПК РФ в качестве критерия допустимости судебных доказательств, отбросила отечественное уголовное судопроизводство более чем на несколько десятков лет назад, в эпоху инквизиционного процесса» [3]. Данная идея подтверждается складывающейся судебной практикой, когда правоприменители ссылаясь на положения УПК РФ, нередко игнорируют основной закон государства.

Рассмотренные законодательные нормы не создают какие-либо предпосылки для широкого усмотрения суда. Однако в соответствии с п. 13 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 декабря 2017 г. № 51 «О практике применения законодательства при рассмотрении уголовных дел в суде первой инстанции

(общий порядок судопроизводства)» доказательства признаются недопустимыми, в частности, если были допущены существенные нарушения установленного уголовно-процессуальным законодательством порядка их собирания и закрепления.

Таким образом, несмотря на конституционное предписание и положения действующего УПК РФ, Пленум Верховного Суда Российской Федерации вводит понятие существенного нарушения, тем самым расширяя пределы усмотрения суда при рассмотрении вопроса о признании доказательства недопустимым. Исходя из подобной трактовки изучаемого понятия можно сделать вывод, что судами допускаются такие нарушения уголовного-процессуального законодательства, которые не влекут признания их недопустимыми. Отсюда, собственно, и складывается правоприменительная практика, которая, зачастую, и подвергается, обоснованному порицанию.

В вопросе признания доказательства недопустимым мы делаем акцент в отношении судебного усмотрения поскольку полагаем, что именно данный участник уголовного судопроизводства является ключевой фигурой реализации описываемого процессуального механизма. Как справедливо отмечено М.Э. Каац отсутствие заявленных ходатайств о недопустимости доказательств на стадии расследования связано, во-первых, с выбранной тактикой защиты адвоката и его доверителя, а во-вторых, с отсутствием детальной законодательной регламентацией механизма заявления и разрешения подобных ходатайств на стадии предварительного расследования [4].

Стоит отметить, что в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» указано на необходимость выполнения конституционного положения о том, что при осуществлении правосудия не допускается использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона (ч. 2 ст. 50 Конституции Российской Федерации), а также выполнения требований ст. 75 УПК РФ.

Таким образом, требование о наличии существенного нарушения норм уголовно-процессуального права как критерия недопустимого доказательства является, прежде всего, предписанием современной судебной практики.

Как нам представляется, причиной появления изучаемого подхода к анализируемой проблеме является, с одной стороны, изменившийся баланс учета интересов, от подозреваемого (обвиняемого) к потерпевшему и государству. С другой – необходимость сглаживания недостатков в профессиональной деятельности правоприменителей (властных участников уголовного процесса), так как, по мнению многих исследователей, качество правосудия не только не растет, но существенно деградирует.

Действительно, если представить ситуацию признания недопустимым ключевого доказательства по уголовному делу, особенно в рамках судебного контроля, на предварительных слушаниях, на этапе судебного следствия, то в этом случае полностью нивелируется весь объем работы, проведенный правоохранительными органами, игнорируются права потерпевших и фактически не выполняются публичные цели назначения уголовного наказания, поскольку обвиняемый (подсудимый) получает возможность избежать уголовной ответственности по «формальным» основаниям. Особенно сильно обостряется изучаемая ситуация в условиях современного информационного общества, когда резонансные преступления становятся достоянием общественности и широко обсуждаются. При этом средства массовой информации при таком подходе становятся серьезным инструментом давления на суд и иных участников уголовного судопроизводства.

В связи изложенным, конечно же, нельзя допустить случаи, когда анализируемый механизм может превратиться в формальность, особенно в угоду интересам обще-

ственности или ведомственным показателям. Для этого необходимо контролировать искомый баланс интересов, при этом снижая уровень усмотрения суда путем появления иных оснований для признания доказательств недопустимыми на уровне Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации, учитывая, что они уже имеются в руководящих разъяснениях Конституционного Суда Российской Федерации и Постановлениях Европейского Суда по правам человека.

Представленные рассуждения можно рассмотреть на примере из судебной практики. Одним из требований допустимости доказательства является положение о том, что доказательство должно быть получено с соблюдением правил проведения процессуального действия, в ходе которого оно получено. По уголовному делу, которое расследовалось СО по КАО г. Омска СУ СК РФ по Омской области, следователем был проведен осмотр видеозаписи с участием свидетеля, который был одним из участников запечатленных на видео кадров. На видеоматериале видно, как трое молодых людей выходят из автомобиля, но качество записи и расположение камеры не позволяет точно идентифицировать каждого из них. При просмотре видеозаписи свидетель стал комментировать запись и давать пояснения о том, что кто первым выходит из транспортного средства, его фамилия, имя отчество, кто выходит вторым, третьим, далее он стал подробно описывать их одежду и что находилось в руках. Таким образом, путем проведения следственного осмотра с участием свидетеля были идентифицированы и установлены все лица, запечатленные на видео. Содержательный анализ проведенного следственного действия наталкивает на мысль, что предъявление для опознания фактически было подменено осмотром, а как известно процессуальные требования к проведению первого отличаются большим количеством процессуальных требований (обязательное участие понятых, предъявление для опознания вместе с другими лицами внешне сходными с опознаваемым, недопустимость предъявления для опознания, когда опознающему знакомо (известно) лицо, которое предполагается предъявить для опознания). Кроме того, с процессуальной точки зрения в исследуемой ситуации было бы правильнее допросить свидетеля путем демонстрации ему видеозаписи, что сгладило бы выявленные недостатки. В связи с чем, полагаем, что проведенный осмотр обладает признаками недопустимого доказательства по причине несоблюдения правила о проведении процессуального действия, в ходе которого оно получено.

Второй аспект изложенной проблемы заключается в процедуре реализации правового механизма признания доказательства недопустимым.

Первый способ применения положений ст. 75 УПК РФ связан с институтом судебного контроля. В п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 февраля 2009 г. № 1 указано, что судья не вправе делать выводы о фактических обстоятельствах дела, об оценке доказательств и квалификации деяния.

Рассматриваемая оговорка фактически не допускает возможности признания доказательства недопустимым на стадии предварительного расследования в ходе судебного контроля. К аналогичному выводу можно прийти при прочтении п. 3.1 отмеченного постановления, которое предписывает, что не подлежат обжалованию в порядке ст. 125 УПК РФ действия (бездействие) и решения, проверка законности и обоснованности которых относится к исключительной компетенции суда, рассматривающего уголовное дело по существу.

Несколько иные точки зрения относительно специфики обсуждаемого вопроса можно встретить в теории уголовного процесса.

«Под обжалованием в данном случае понимается требование не об отмене действия, которое бессмысленно, а о признании его результатов не имеющими юридической силы и, соответственно, доказательственного значения» [5, с. 1057].

Более детально изучаемую проблему описывает А.Н. Артамонов, подчеркивая,

что законность и обоснованность производства следственных действий должны являться предметом судебного контроля по жалобам. Связанные с их производством уголовно-процессуальные решения не могут быть обжалованы в суд лишь в части, касающейся формирования следственными действиями совокупности доказательств по уголовному делу [6, с. 64].

Таким образом, обжалуя результаты проведенного следственного действия, нельзя ставить вопрос о допустимости полученного доказательства, за исключением случаев, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ, но при этом законность и обоснованность следственного действия может являться предметом судебного контроля.

Второй путь рассмотрения вопроса о недопустимости доказательства – заявления ходатайства в контексте ст. 235 УПК РФ об исключении доказательства в рамках предварительных слушаний.

Рассматриваемый способ, как правило, также остается паллиативным. Судебная практика свидетельствует о том, что суды в большинстве своем отказывают в удовлетворении заявленного ходатайства. В обосновании указываются мотивы того, что доводы, изложенные в ходатайстве, будут исследованы в ходе судебного разбирательства. Кроме того, п. 7 ст. 235 УПК РФ предусматривает возможность по ходатайству стороны повторно рассмотреть вопрос о признании исключенного доказательства допустимым. Изложенная норма фактически нивелирует результаты предварительных слушаний по данному вопросу. Справедливости ради стоит отметить мнение К.В. Волкова о том, что исследуемая норма противоречит ч. 5 ст. 235 УПК РФ, которая предписывает, что исключенное судьей доказательство теряет юридическую силу. Выходит, что суд «восстанавливает» юридическую силу исключенного доказательства» [7].

Возникает логичный вопрос: для чего же законодатель предусмотрел такую возможность для сторон процесса? С учетом складывающейся практики и форм ее реализации, видится, что этот вопрос связан с созданием дополнительных гарантий для лица привлекаемого к уголовной ответственности в русле назначения уголовного судопроизводства (ст. 6 УПК РФ), а также как составной элемент возможности применения положений п. 3 ч. 2 ст. 229 УПК РФ о прекращении или приостановлении уголовного дела.

Некоторые исследователи также обращают внимание на то, что причина сложностей, возникающих перед участниками процесса при проведении предварительных слушаний, – недостатки законодательства, причина которого – инерционная ретроспективная ориентация законодателя на статьи 431-433 УПК РСФСР 1960 г., в которых правовое регулирование предварительного слушания была максимально приближена под специфику суда с участием присяжных заседателей [8].

Третий этап применения правовых положений о признании доказательства недопустимым связан со стадией судебного разбирательства. Здесь весьма уместно привести доводы Н.С. Гаспаряна о том, с какими отступлениями от закона сталкиваются защитники при заявлении ходатайства о признании доказательства недопустимым:

- ходатайство судом не принимается, разъясняя, что оно заявлено преждевременно и его необходимо заявить в конце судебного следствия;
- суд приобщает ходатайство к материалам дела, не разрешает его в установленном порядке, заявляя, что доводы защиты будут проверяться в ходе судебного следствия;
- суд разрешает ходатайство немедленно и формально, отказывая в его удовлетворении;
- суд рассматривает ходатайство, удаляясь в совещательную комнату, а возвращаясь, оглашает постановление об отказе в его удовлетворении;

- суд принимает ходатайство для рассмотрения по существу, удаляется в совещательную комнату и выносит постановление об отказе в исключении доказательства, мотивируя свое решение тем, что ходатайство будет разрешено лишь при постановлении приговора, потому что необходимо будет давать оценку собранным доказательствам не только с точки зрения допустимости, но и достоверности [9, с. 38-40].

Как видно из приведенных примеров, широкие дискреционные полномочия суда при рассмотрении ходатайства о признании доказательства недопустимым создает серьезные трудности для объективного функционирования положений ст. 75 УПК РФ. Таким образом, процедурные вопросы исключения доказательства требуют более строгого императивного регулирования. В частности, видится правильной идея о необходимости единообразного подхода к рассмотрению заявленного ходатайства: после окончания судебного следствия, либо после удаления суда в совещательную комнату при постановлении приговора. Исследование вопроса на более ранних этапах, действительно, может оказаться преждевременной в виду того, что высока вероятность нарушения баланса прав и интересов подсудимого и потерпевшего.

В этой связи мы согласны с мнением В.С. Балакшина о том, что было бы оправданным отказаться от института допустимости (недопустимости) доказательств до момента, пока он не будет детально исследован, а затем должным образом регламентирован. Поскольку в настоящее время его применение на практике создает проблемы, которые выливаются в существенные нарушения прав участников процесса со стороны обвинения либо со стороны защиты или и тех и других одновременно [10].

Подводя итог вышеизложенному можно сказать, что институт признания доказательств недопустимыми требует детальной правовой регламентации в действующем УПК РФ с учетом имеющих правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, что приведет к сужению дискреционных полномочий суда в исследуемом вопросе и создаст дополнительные правовые гарантии для соблюдения прав и свобод как лиц привлекаемых к уголовной ответственности, так и потерпевших от преступлений.

Список источников

1. Кипнис Н. Институт допустимости доказательств в УПК РФ [Электронный ресурс] // эж-ЮРИСТ. 2003. № 47. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
2. Великий Д.П. Практика применения норм о допустимости доказательств в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Журнал российского права. 2014. № 6. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. Ищенко П.П., Е.П. Ищенко Ключевые проблемы уголовного судопроизводства [Электронный ресурс] // Lex Russica. 2016. № 9. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. Каац М.Э. К вопросу о совершенствовании механизма признания доказательств недопустимыми [Электронный ресурс] // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2020. № 2. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. Арутюнян А.А., Брусницын Л.В., Васильев О.Л. [и др.]. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М.: Статут, 2016. 1280 с.
6. Артамонов А.Н. Обжалование действий (бездействия) и решений органов расследования, прокурора в суд // Законодательство и практика. 2019. № 2. С. 60-68.
7. Волков К.В. Признание доказательств недопустимыми в суде первой инстанции (вопросы совершенствования правового регулирования) [Электронный ресурс] // Законодательство. 2006. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

8. Белоковылский М.С. Некоторые проблемы правовой регламентации стадии предварительного слушания в УПК РФ: вопросы исключения недопустимых доказательств [Электронный ресурс] // Адвокат. 2014. № 8. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

9. Гаспарян Н.С. Исключение доказательств, полученных с нарушением закона (теория и систематизированная судебная практика). М.: «Граница», 2018. 372 с.

10. Балакшин В.С. Получение, собирание, формирование доказательств: проблемы толкования и применения при оценке допустимости доказательств [Электронный ресурс] // Законность. 2022. № 3. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

References

1. Kipnis N. Institut dopustimosti dokazatel'stv v UPK RF [Elektronnyj resurs] // ezh-YURIST. 2003. № 47. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

2. Velikij D.P. Praktika primeneniya norm o dopustimosti dokazatel'stv v ugovnom processe [Elektronnyj resurs] // Zhurnal rossijskogo prava. 2014. № 6. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

3. Ishchenko P.P., E.P. Ishchenko Klyuchevye problemy ugovnogo sudoproizvodstva [Elektronnyj resurs] // Lex Russica. 2016. № 9. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

4. Kaac M.E. K voprosu o sovershenstvovanii mekhanizma priznaniya dokazatel'stv nedopustimymi [Elektronnyj resurs] // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2020. № 2. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

5. Arutyunyan A.A., Brusnicyn L.V., Vasil'ev O.L. [i dr.]. Kurs ugovnogo processa / pod red. L.V. Golovko. M.: Statut, 2016. 1278 s.

6. Artamonov A.N. Obzhalovanie dejstvij (bezdejstviya) i reshenij organov rassledovaniya, prokurora v sud // Zakonodatel'stvo i praktika. 2019. № 2. S. 60-68.

7. Volkov K.V. Priznanie dokazatel'stv nedopustimymi v sude pervoj instancii (voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya) [Elektronnyj resurs] // Zakonodatel'stvo. 2006. № 12. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

8. Belokovyl'skij M.S. Nekotorye problemy pravovoj reglamentacii stadii predvaritel'nogo slushaniya v UPK RF: voprosy isklyucheniya nedopustimyh dokazatel'stv [Elektronnyj resurs] // Advokat. 2014. № 8. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

9. Gasparyan N.S. Isklyuchenie dokazatel'stv, poluchennyh s narusheniem zakona (teoriya i sistematizirovannaya sudebnaya praktika). M.: «Granica», 2018. 372 s.

10. Balakshin V.S. Poluchenie, sobiranie, formirovanie dokazatel'stv: problemy tolkovaniya i primeneniya pri ocenke dopustimosti dokazatel'stv [Elektronnyj resurs] // Zakonnost'. 2022. № 3. Dostup iz sprav.-pravovoj sistemy «Garant».

Информация об авторе

Даулет Маулитович Нурбаев. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики. Кандидат юридических наук, доцент.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского.
644077, Россия, г. Омск, проспект Мира, д. 55-А.

Information about the author

Daulet M. Nurbaev. Assistant professor of the chair of Criminal Procedure and Criminalistics. Candidate of legal sciences, associate professor.

Dostoevsky Omsk State University.

644077, Russia, Omsk, ave. Mira 55-A.

Статья поступила в редакцию 18.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted April 18, 2022; approved after reviewing May 4, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 18, 2022.

Научная статья
УДК 343.1

К ВОПРОСУ О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ СУЩЕСТВУЮЩИХ КРИТЕРИЕВ ДОПУСТИМОСТИ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К ЭЛЕКТРОННЫМ ДОКАЗАТЕЛЬСТВАМ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

Кристина Александровна Титова¹, Ирина Викторовна Литвинова²

^{1,2}Краснодарский университет МВД России, Краснодар, Россия

¹kristi2005@yandex.ru

²ussr1930@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается возможность применения к электронным доказательствам существующих в науке уголовного процесса критериев допустимости. В результате анализа судебной практики, практического опыта работы в следственных подразделениях Российской Федерации, а также опыта зарубежных стран авторы приходят к выводу, что в настоящее время электронные доказательства настолько значительно отличаются от иных, «традиционных» видов доказательств, что для эффективного решения вопроса об их допустимости в уголовном процессе необходимо разработать и закрепить на законодательном уровне отдельные требования.

Ключевые слова: электронные доказательства, компьютерная информация, оценка доказательств, допустимость, уголовное судопроизводство

Для цитирования: Титова К. А., Литвинова И. В. К вопросу о возможности применения существующих критериев допустимости доказательств к электронным доказательствам в Российском уголовном процессе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 144-151.

TO THE QUESTION ABOUT THE POSSIBILITY OF APPLYING EXISTING CRITERIA FOR THE ADMISSIBILITY OF EVIDENCE TO ELECTRONIC EVIDENCE IN THE RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

Kristina A. Titova¹, Irina V. Litvinova²

^{1,2}Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia, Krasnodar, Russia

¹kristi2005@yandex.ru

²ussr1930@mail.ru

Abstract. The article considers the possibility of applying admissibility criteria to electronic evidence in a scientific criminal procedure. As a result of the analysis of judicial practice, practical experience in investigative units of the Russian Federation, and the experience of foreign countries, the authors conclude that at present electronic evidence is so different from other «traditional» types of evidence, that in order to effectively resolve the question of their admissibility in criminal proceedings it is necessary to develop and legislate certain requirements.

Keywords: electronic evidence, computer information, evaluation of evidence, admissibility, criminal procedure

For citation: Titova K. A., Litvinova I. V. To the question about the possibility of applying existing criteria for the admissibility of evidence to electronic evidence in the Russian criminal procedure // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 144-151.

В связи со стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий в последние десятилетия компьютерная информация начинает приобретать все большее значение для установления обстоятельств совершенных преступлений.

Причем это касается не только так называемых «киберпреступлений», но и большей части преступлений, совершаемых не в компьютерной сфере, в том числе преступлений против жизни и здоровья, против половой неприкосновенности, мошенничеств, а также преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров. С учетом изложенного на практике все чаще возникает необходимость использования электронных доказательств для раскрытия и расследования преступлений.

Так, например, 15 ноября 2019 года Ленинским районным судом г. Краснодара вынесен приговор в отношении М.Ю. Сапонова, который признан виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 201, ч. 2 ст. 201 УК РФ¹. Несмотря на непризнание подсудимым своей вины в инкриминированных ему преступлениях, суд нашел его вину полностью установленной и доказанной. Доказательствами вины указанного лица послужили в том числе «электронные доказательства»: изъятые в ходе выемки у свидетеля аудиозаписи разговоров и переписки в мессенджере «WhatsApp» с М.Ю. Сапоновым, в которых они обсуждают как избежать уголовной ответственности, а также возврат денежных средств, принадлежащих ООО «ТАТ», и размер вознаграждения подсудимого («бонусы» и «откаты»).

В основу приговора, вынесенного 26 июня 2020 года Мещанским городским судом г. Москвы в отношении К.С. Серебренникова, Ю.К. Итина и А.А. Малобродского по ч. 4 ст. 159 УК РФ, а также в отношении С.М. Апфельбаум по ч. 1 ст. 293 УК РФ, в числе иных были положены и электронные доказательства: 1) переписка посредством электронной почты между Серебренниковым, Малобродским и Итиным, из которой следует, что указанные лица были полностью информированы по всем финансовым вопросам АНО «Седьмая студия» и что каждый из них контролировал расходование денежных средств в указанной организации; 2) информация на дисках, в том числе таблица Excel, отражающая неофициальное расходование денежных средств из кассы АНО «Седьмая студия»². Вопреки доводам стороны защиты суд признал вышеуказанные доказательства допустимыми, поскольку они получены в соответствии с требованиями закона, а их содержание, отраженное в протоколе осмотра, подтверждается совокупностью собранных по делу доказательств, изобличающих подсудимых в совершении преступления. Судебная коллегия по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев апелляционные жалобы осужденных, оставила указанный приговор без изменения³.

¹ Дело № 1-167/2019 (1-966/2018) [Электронный ресурс] // Сайт Ленинского районного суда г. Краснодара. URL: https://krasnodar-leninsky--krd.sudrf.ru/modules.php?name=-sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=240929250&delo_id=1540006&new=-&text_number=1 (дата обращения: 06.01.2022).

² Дело № 01-0033/2020 (01-0670/2019) [Электронный ресурс] // Сайт Мещанского городского суда г. Москвы. URL: <https://mosgorsud.ru/rs/meshchanskij/services/cases/criminal/details/dcdfb7ab-ea40-4edb-8d02-e6a9d0fef489> (дата обращения: 06.01.2022).

³ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда от 18 ноября 2020 г. по делу № 10-18046/2020 [Электронный ресурс] // Сайт Мещанского городского суда г. Москвы. URL:

Интерес вызывает и приговор, вынесенный Куйбышевским районным судом г. Санкт-Петербурга 30 сентября 2020 года в отношении А.А.Джевело, обвинявшегося в совершении преступления, предусмотренного ст. 30 ч. 3, п. г ч. 4 ст. 228.1 УК РФ. При рассмотрении указанного уголовного дела, в связи с тем, что защитником подсудимого были представлены видеозаписи с городских камер видеонаблюдения, ряд доказательств, в том числе протокол осмотра места происшествия (в ходе которого в автомобиле подсудимого были изъяты наркотические средства), были признаны судом недопустимыми, что привело к вынесению приговора по ч. 2 ст. 228 УК РФ с назначением наказания в виде условного лишения свободы⁴.

Однако, несмотря на это, в законодательстве до настоящего времени отсутствуют какие-либо критерии для оценки допустимости электронных доказательств в уголовном процессе, что существенно затрудняет их использование в доказывании. Так, в УПК РФ в настоящее время содержатся только нормы, регламентирующие порядок изъятия компьютерной информации только по уголовным делам, возбужденным в сфере экономики (ст. 164.1 УПК РФ). При этом, несмотря на то, что компьютерная информация может быть достаточно легко изменена либо уничтожена даже в ходе ее осмотра, что напрямую влияет на ее допустимость, порядок осмотра такой информации в российском уголовно-процессуальном законодательстве не регламентирован.

Что касается науки, то в настоящее время получила активное развитие такая отрасль, как цифровая криминалистика [1-5], разрабатывающая рекомендации для сохранения, идентификации, извлечения и документирования компьютерной информации, которая может быть использована в качестве доказательств. Безусловно, данные обстоятельства существенно влияют на достоверность электронных доказательств, а следовательно – и на их допустимость. Однако сохранение компьютерной информации в неизменном виде с момента ее обнаружения правоохранительными органами, на наш взгляд, отражает только одну – «техническую» – сторону ее допустимости использования в качестве доказательств и не учитывает сторону «правовую». При этом юридические критерии допустимости электронных доказательств до настоящего времени ни наукой, ни судебной практикой не выработаны.

Существующая в настоящее время в науке совокупность критериев допустимости для «неэлектронных» видов доказательств, а именно: получение их уполномоченным субъектом и в предусмотренном законом порядке, надежность источника информации, наличие предусмотренной законом формы закрепления сведений [6, с. 163-169], не может быть в полной мере применена к доказательствам электронным и, соответственно, не позволяет решить проблему их допустимости. Так, например, на практике не всегда представляется возможным установить первоначальный источник тех или иных цифровых файлов, обнаруженных на компьютерном устройстве, изъятом у подозреваемого, либо же размещенных в сети Интернет. В этих случаях фактически становится невыполнимым такое требование к допустимости доказательств, как известность и надежность их источника, и, соответственно, на основании действующих положений уголовно-процессуального законодательства такие доказательства не могут быть при-

<https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/appeal-criminal/details/b5c3f052-f5e6-4ff6-8813-a4b2d99f360a> (дата обращения: 06.01.2022).

⁴ Дело № 1-22/2020 (1-325/2019) [Электронный ресурс] // Сайт Куйбышевского районного суда г. Санкт-Петербурга. URL: https://kbs--spb.sudrf.ru/modules.php?name=-sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&-number=454700851&delo_id=1540006&new=0&text_number=1 (дата обращения: 06.01.2022); Нагорная М. С помощью городских камер наблюдения адвокат добился признания ряда доказательств недопустимыми // Адвокатская газета. URL: <https://www.ad-vgazeta.ru/novosti/s-pomoshchyu-gorodskikh-kamer-nablyudeniya-advokat-dobilysya-priznaniya-ryada-dokazatelstv-nedopustimymi> (дата обращения: 06.01.2022).

знаны допустимыми, даже если являются единственным доказательством, позволяющим установить обстоятельства преступления и лицо, его совершившее.

Сложности возникают и при попытке применения к «электронным» доказательствам требований о необходимости их изъятия предусмотренным в законе способом, в то время как ни одно из закрепленных в УПК РФ следственных действий (обыск, выемка, осмотр места происшествия, проведение исследований и экспертиз, истребование документов) не отражает специфику обнаружения и изъятия компьютерной информации. Данная проблема неоднократно затрагивалась в научных исследованиях, авторы которых предлагали решения, в большинстве своем сводимые к необходимости закрепления в уголовно-процессуальном законодательстве новых следственных или процессуальных действий: копирования информации [7, с. 14; 8, с. 21-22; 9, с. 14-15], обыска компьютерного устройства [10, с. 52].

Что касается еще одного критерия допустимости доказательств – установленной законом формы их фиксации, то его применение к электронным доказательствам также весьма затруднительно, поскольку последние в полной мере не отвечают признакам ни вещественных доказательств, ни иных документов, поднимая вопрос о необходимости признания их в качестве нового самостоятельного вида доказательств, еще не закрепленного в УПК РФ. Так, в отличие от иных документов, электронные доказательства появляются независимо от воли лица, являющегося пользователем компьютерного устройства. От вещественных доказательств, обязательно обладающих признаком «эксклюзивности», их отличает возможность создания неограниченного количества идентичных по содержанию копий. Кроме того, отличает электронные доказательства от указанных «традиционных» видов и механизм их изъятия, поскольку в ходе того или иного следственного действия производится изъятие не конкретного файла, а электронного устройства, на котором в дальнейшем может быть обнаружена имеющая значение для расследуемого уголовного дела компьютерная информация. Порядок собирания электронных доказательств также имеет отличия от собирания закрепленных в УПК РФ видов доказательств как минимум в необходимости участия специалиста при изъятии определенных видов носителей электронной информации [11, с. 158-159].

Анализ судебной практики позволяет прийти к выводу, что, как правило, полученные в ходе предварительного расследования электронные доказательства признаются судами допустимыми в тех случаях, когда их содержание подтверждается другими, «неэлектронными» доказательствами⁵ что, на наш взгляд, значительно ограничивает «доказательственные возможности» компьютерной информации. Такое положение дел, полагаем, связано именно с отсутствием в действующем уголовно-процессуальном законодательстве как определения «статуса» электронных доказательств, так и критериев их допустимости.

Эти же обстоятельства приводят и к тому, что электронные доказательства признаются судами допустимыми, невзирая на нарушения, допущенные при их получе-

⁵ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 13 декабря 2018 г. по делу № 4-АПУ18-41 [Электронный ресурс] // Legalacts.ru: законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Рос. Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apellia-tsionnoe-opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-13122018-n-4-aru18-41/> (дата обращения: 09.01.2022); Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Рос. Федерации от 10 декабря 2019 г. по делу № 223-АПУ19-1 [Электронный ресурс] // Судебные и нормативные акты Рос. Федерации. URL: <https://sudact.ru/vsrf/-doc/pQ6x1jelyiVL/> (дата обращения: 10.01.2022); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 3 июля 2013 г. по делу № 46-АПУ13-10 // Сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: <https://vsrf.ru/-lk/practice/cases/5567789#5567789> (дата обращения: 10.01.2022).

нии⁶. Так, например, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда Российской Федерации при рассмотрении апелляционной жалобы осужденного Е.Н. Ерохина на приговор Новосибирского областного суда от 2 октября 2018 г.⁷, в которой он сообщает о нарушении следователями ст. 13 УПК РФ – тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, указала, что для осмотра ноутбуков, планшетных компьютеров и смартфонов, изъятых у осужденных в ходе обысков, вынесения судебных решений не требовалось, поскольку обнаруженная в них в ходе осмотра переписка касалась не их частной жизни, а обстоятельств совершения преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств. Такая аргументация представляется нам весьма нелогичной, поскольку ставит допустимость полученных без судебного решения электронных доказательств в зависимость от того, были ли в ходе осмотра компьютерного устройства обнаружены сведения о частной жизни лица или нет: если такие сведения обнаружены не были, то произведенное без судебного решения следственное действие можно считать законным; если же сведения о частной жизни лица были обнаружены в ходе осмотра такого устройства, то производство следственного действия может быть признано незаконным и обнаруженные сведения, имеющие доказательственное значение для установления обстоятельств совершенного преступления (даже не касающиеся частной жизни лица), должны быть признаны недопустимыми доказательствами. Открытым в этом случае остается и вопрос о соблюдении ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод⁸, гарантирующей право на уважение личной жизни и корреспонденции.

В то же время решение вопроса о допустимости электронных доказательств требует применения к ним дополнительных критериев, которые не имеют значения для «традиционных» видов доказательств, в том числе обеспечения их сохранности в неиз-

⁶ Приговор Комсомольского районного суда г. Тольятти от 10 февраля 2020 г. по делу № 1-9/2020 (1-408/2019) [Электронный ресурс] // Сайт Комсомольского районного суда г. Тольятти. URL: https://kom-somolsky-sam.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&name_op=case&_id=162685477&_uid=6e33ecdb-4355-4475-8ac5-3c57de787e5-d&_deloId=1540006&_caseType=0&_new=0&srv_num=1 (дата обращения: 10.01.2022); Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 26 декабря 2012 г. по делу № 48-012-112 [Электронный ресурс] // Сайт Верховного Суда Рос. Федерации. URL: <https://vsrf.ru/lk/practice/cases/5575441#5575441> (дата обращения: 10.01.2022); Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Рос. Федерации от 5 июня 2020 г. по делу № 225-АПУ20-3 [Электронный ресурс] // Legalacts.ru: законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Рос. Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-delam-voennosluzhashchikh-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-05062020-n-225-aru20-3/> (дата обращения: 10.01.2022); Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 1 августа 2019 г. по делу № 67-АПУ19-8 [Электронный ресурс] // Legalacts.ru: законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Рос. Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01082019-n-67-aru198/> (дата обращения: 10.01.2022); Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована 4 ноября 1950 г. в г. Риме) [Электронный ресурс] // Сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocol> (дата обращения: 11.01.2022).

⁷ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Рос. Федерации от 1 августа 2019 г. по делу № 67-АПУ19-8 [Электронный ресурс] // Legalacts.ru: законы, кодексы и нормативно-правовые акты в Рос. Федерации. URL: <https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-01082019-n-67-aru198/> (дата обращения: 10.01.2022).

⁸ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (ратифицирована 4 ноября 1950 г. в г. Риме) [Электронный ресурс] // Сайт Совета Европы. URL: <https://www.coe.int/ru/web/compass/the-european-convention-on-human-rights-and-its-protocol> (дата обращения: 11.01.2022).

менном виде с того момента, как они фактически были получены лицом, осуществляющим предварительное расследование.

Опыт зарубежных стран также доказывает необходимость разработки отдельных критериев для оценки допустимости электронных доказательств. Так, например, интерес вызывает предложенная в 2017 году профессорами Альбертом Антви-Боасиако и Хейном Вентером «Унифицированная модель оценки допустимости цифровых доказательств», включающая в себя основные технические и правовые требования, определяющие допустимость рассматриваемого вида доказательств [12]. Технические требования подразумевают соблюдение стандартов обращения с цифровыми доказательствами и их исследования, вытекающих из научных исследований, судебных прецедентов и практической деятельности экспертов. К числу правовых отнесены следующие требования:

- 1) наличие законного разрешения на производство обыска и изъятия электронных устройств и связанных с ними данных;
- 2) относимость полученных данных к расследуемому уголовному делу;
- 3) подлинность (аутентичность) изъятых данных;
- 4) целостность цифровых данных;
- 5) достоверность (надежность) цифровых доказательств, под которой понимается отсутствие сомнений каждому из критериев надежности цифровых доказательств, выведенных на основе стандарта Дауберта, который используется в США для определения допустимости показаний свидетелей-экспертов [13, с. 12], а именно: была ли предварительно проверена исправность использованной экспертом техники; прошла ли указанная техника сертификацию; соблюдались ли экспертом в работе существующие стандарты деятельности в области проводимого исследования; является ли использованный экспертом метод проведения исследования общепринятым в научном сообществе, а также должна быть раскрыта информация об ошибках и неопределенностях в полученных результатах исследования.

Указанная модель предполагает проведение трехэтапной проверки и оценки цифровых данных, объединяющих правовые и технические требования, по итогам которых должно приниматься решение о допустимости либо недопустимости таких доказательств. На первом этапе проверяется законность изъятия цифровых данных и их значимость с точки зрения криминалистики (то есть могут ли цифровые доказательства установить или исключить связь между преступником и предметом преступления). Второй этап предполагает осуществление оценки целостности цифровых доказательств путем изучения процесса проведения цифровой судебной экспертизы и оборудования, использовавшегося при ее проведении для получения доказательств, а также квалификации и компетентности экспертов, которые получили и сохранили цифровые доказательства, а также произвели их анализ. На третьем этапе на основе изученной процедуры проведения судебной экспертизы (второй этап) производится оценка подлинности, целостности и достоверности цифровых данных: электронное доказательство должно признаваться допустимым, если оно помогает установить фактические обстоятельства расследуемого преступления; осталось неизменным на протяжении всего процесса проведения цифровой судебной экспертизы, а результаты экспертизы являются достоверными, надежными и соответствуют предъявляемым к ним требованиям.

Полагаем, что указанные обстоятельства свидетельствуют о необходимости осуществления детальной разработки критериев допустимости электронных доказательств в российском уголовном процессе и их закрепления в законодательстве. Основой для разработки таких критериев, полагаем, может послужить рассмотренная нами «Унифицированная модель оценки допустимости цифровых доказательств» с внесени-

ем уточнений и изменений, учитывающих особенности российского уголовно-процессуального законодательства.

Список источников

1. Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений: монография. М., 2021. 168 с.
2. Зиновьева Н.С. Компьютерная информация, преобразованная методами криптографии, в раскрытии и расследовании преступлений: дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2020. 207 с.
3. Модуль 4. Введение в цифровую криминалистику: Образование во имя правосудия. Серия университетских модулей [Электронный ресурс] // Управление Организации Объединенных Наций по наркотикам и преступности. 2019. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/module-4/index.html> (дата обращения: 20.11.2021).
4. Вехов В.Б. [и др.]. Цифровая криминалистика: учебник для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. М., 2021. 417 с.
5. Юсупов С.Ю., Гуломов Ш.Р. Цифровая криминалистика: учебное пособие. М., 2021. 304 с.
6. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе. М., 2009. 344 с.
7. Балашова А.А. Электронные носители информации и их использование в уголовно-процессуальном доказывании: дис... канд. юрид. наук. М., 2020. 216 с.
8. Григорьев О.Г. Роль и уголовно-процессуальное значение компьютерной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: автореф. дис....канд. юрид. наук. Омск, 2003. 25 с.
9. Овсянников Д.В. Копирование электронной информации как средство уголовно-процессуального доказывания: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 21 с.
10. Зуев С.В., Титова А.С. Слабые стороны информационного подхода в свете цифровизации уголовного судопроизводства // Правопорядок: история, теория, практика. 2019. № 1. С. 49-54.
11. Осипенко А.Л., Гайдин А.Н. Правовое регулирование и тактические особенности изъятия электронных носителей информации // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 1. С. 156-163.
12. Albert Antwi-Boasiako, Hein Venter. A Model for Digital Evidence Admissibility Assessment. 13th IFIP International Conference on Digital Forensics (DigitalForensics), Jan 2017, Orlando, FL, United States. pp. 23-38 [Электронный ресурс] // HAL-Inria (Publications, software of Inria's scientists). URL: <https://hal.inria.fr/hal-01716394/document> (дата обращения: 20.01.2022).
13. Sean E. Goodison, Robert C. Davis, and Brian A. Jackson. Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System [Электронный ресурс] // Rand.org: Rand corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html (дата обращения: 10.09.2020).

References

1. Bagmet A.M., Bychkov V.V., Skobelin S.YU., Il'in N.N. Cifrovye sledy prestuplenij: monografiya. M., 2021.168 s.
2. Zinov'eva N.S. Komp'yuternaya informaciya, preobrazovannaya metodami kriptografii, v raskrytii i rassledovanii prestuplenij: dis... kand. yurid. nauk. Krasnodar, 2020. 207 s.

3. Modul' 4. Vvedenie v cifrovuyu kriminalistiku: Obrazovanie vo imya pravosudiya. Seriya universitetskikh modulej [Elektronnyj resurs] // Upravlenie Organizacii Ob"edinennyh Nacij po narkotikam i prestupnosti. 2019. URL: <https://www.unodc.org/e4j/ru/cybercrime/-module-4/index.html> (data obrashcheniya: 20.11.2021).
4. Vekhov V.B. [i dr.]. Cifrovaya kriminalistika: uchebnik dlya vuzov / pod red. V.B. Vekhova, S.V. Zueva. M., 2021. 417 s.
5. Yusupov S.YU., Gulomov Sh.R. Cifrovaya kriminalistika: uchebnoe posobie. M., 2021. 304 s.
6. Lazareva V.A. Dokazyvanie v ugovnom processe. M., 2009. 344 s.
7. Balashova A.A. Elektronnye nositeli informacii i ih ispol'zovanie v ugovno-processual'nom dokazyvanii: dis... kand. jurid. nauk. M., 2020. 216 s.
8. Grigor'ev O.G. Rol' i ugovno-processual'noe znachenie komp'yuternoj informacii na dosudebnyh stadiyah ugovnogo sudoproizvodstva: avtoref. dis....kand. jurid. nauk. Omsk, 2003. 25 s.
9. Ovsyannikov D.V. Kopirovanie elektronnoj informacii kak sredstvo ugovno-processual'nogo dokazyvaniya: avtoref dis. ... kand. jurid. nauk. Ekaterinburg, 2015. 21 s.
10. Zuev S.V., Titova A.S. Slabye storony informacionnogo podhoda v svete cifrovizacii ugovnogo sudoproizvodstva // Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika. 2019. № 1. S. 49-54.
11. Osipenko A.L., Gajdin A.N. Pravovoe regulirovanie i takticheskie osobennosti iz"yatiya elektronnyh nositelej informacii // Vestnik Voronezhskogo instituta MVD Rossii. 2014. № 1. S. 156-163.
12. Albert Antwi-Boasiako, Hein Venter. A Model for Digital Evidence Admissibility Assessment. 13th IFIP International Conference on Digital Forensics (DigitalForensics), Jan 2017, Orlando, FL, United States. pp. 23-38 [Elektronnyj resurs] // HAL-Inria (Publications, software of Inria's scientists). URL: <https://hal.inria.fr/hal-01716394/document> (data obrashcheniya: 20.01.2022).
13. Sean E. Goodison, Robert C. Davis, and Brian A. Jackson. Digital Evidence and the U.S. Criminal Justice System [Elektronnyj resurs] // Rand.org: Rand corporation. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR890.html (data obrashcheniya: 10.09.2020).

Информация об авторах

Кристина Александровна Титова. Доцент кафедры уголовного процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Ирина Викторовна Литвинова. Адъюнкт кафедры уголовного процесса.

Краснодарский университет МВД России.

350005, Россия, г. Краснодар, ул. Ярославская, д. 128.

Information about the authors

Kristina A. Titova. Assistant professor of the chair of Criminal Proceedings. Candidate of legal sciences, associate professor.

Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.

350005, Russia, Krasnodar, st. Yaroslavskaya 128.

Irina V. Litvinova. Adjunct of the chair of Criminal Proceedings.
Krasnodar University of the Ministry of the Interior of Russia.
350005, Russia, Krasnodar, st. Yaroslavskaya 128.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 05.04.2022; принята к публикации 18.05.2022.

The article was submitted March 10, 2022; approved after reviewing April 5, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 18, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.
The authors have made an equal contribution.

**Криминалистика;
судебно-экспертная деятельность;
оперативно-розыскная деятельность**

Научная статья
УДК 343.98

**ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА
ДОПРОСА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ
С ИЗМЕНЕНИЕМ МАРКИРОВОЧНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ
ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ**

Артем Сергеевич Агафонов

Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, agafonov_1990@mail.ru

Аннотация. Допросу как одному из видов следственных действий исследовательского характера отводится важная познавательная роль – решение задач, связанных с выявлением, закреплением и анализом доказательств, а также получение показаний об обстоятельствах преступного деяния и личности преступника путем общения следователя (дознателя) с допрашиваемым лицом (т. е. посредством коммуникативного взаимодействия). Безусловно, без качественного производства данного следственного действия нельзя добиться успеха в расследовании и раскрытии любого преступления. В рамках представленной статьи изложены особенности допроса лиц, проходящих по уголовным делам, связанным с изменением маркировочных обозначений транспортных средств (далее – МО ТС).

Ключевые слова: допрос, следственное действие, маркировочные обозначения, транспортное средство

Для цитирования: Агафонов А. С. Организационно-тактические особенности производства допроса при расследовании преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 153-163.

**ORGANIZATIONAL AND TACTICAL FEATURES OF INTERROGATION
IN THE INVESTIGATION OF CRIMES ASSOCIATED WITH CHANGING
MARKINGS OF VEHICLES**

Artem S. Agafonov

East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Irkutsk, Russia, agafonov_1990@mail.ru

Abstract. Interrogation, as one of the types of investigative actions of a research nature, is assigned an important cognitive role - solving problems related to identifying, fixing and analyzing evidence, obtaining evidence about the circumstances of a criminal act and the identity of the offender by communicating the investigator (interrogating officer) with the person being interrogated (i.e., through communicative interaction). Of course, without the high-quality production of this investigative action, it is impossible to achieve success in the investigation and disclosure of any crime. Within the framework of the presented article, the features of the interrogation of persons in criminal cases related to the change in the markings of vehicles (hereinafter referred to as the MO CU) are outlined.

Keywords: interrogation, investigative action, markings, vehicle

For citation: Agafonov A. S. Organizational and tactical features of interrogation in the investigation of crimes associated with changing markings of vehicles // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 153-163.

В правоприменительной деятельности с точки зрения формирования информационной базы вопросы эффективности различных видов допросов имеют ключевое значение для правильного разрешения уголовного дела. И от того, насколько субъект поисково-познавательной деятельности (следователь, дознаватель) обладает качественными навыками (не противоречащими уголовно-процессуальному закону) истребования необходимой криминалистически значимой информации от допрашиваемого лица, зависит оценка его профессиональной пригодности.

По справедливому наблюдению О.Я. Баева, невозможно представить расследование какого-либо преступления без проведения допроса [1, с. 199]. Значимость допроса подтверждается и его универсальностью. Рассматриваемое следственное действие, являясь самостоятельным, в отдельных случаях (например, при проверке показаний на месте) выступает обязательным компонентом в ходе производства иных следственных действий, а также непосредственно может входить в их структуру (например, при очной ставке).

Залогом высокой результативности допросов А.В. Варданян считает их тщательную подготовку [2, с. 132], которая осуществляется для построения мысленной модели поведения участвующих в нем лиц, определения необходимых вопросов и тактических приемов. То же касается и тактики допросов при расследовании преступлений, связанных с изменением МО ТС. Обеспечению результативности допросов по преступлениям исследуемой направленности будет способствовать соблюдение следующих подготовительных действий.

1. Определение предмета допроса. В предмет допроса входят обстоятельства, которые требуется выяснить (место, время, способ совершения преступного деяния, использованные орудия, мотив и т. д.), с учетом того, какой информацией на данный момент располагает сам субъект расследования. Вместе с тем к предмету допроса могут относиться сведения, необходимые для решения промежуточных задач расследования, а также для проверки достоверности и общей оценки отдельных доказательств.

2. Тщательное изучение всех материалов расследуемого уголовного дела и сведений, полученных из других источников, в частности протокола следственного осмотра (осмотра места происшествия, осмотра ТС), результатов проведенных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий. Также следует уточнить обстоятельства, которые могут быть известны конкретному допрашиваемому лицу.

3. Изучение личности допрашиваемых, их рода деятельности, взаимоотношений с другими участвующими в деле лицами и сопричастности к совершенному преступному деянию. К числу наиболее существенных данных о личности допрашиваемого относятся: индивидуально-психологические качества (интеллектуальные, эмоционально-волевые, коммуникативные, а также темперамент, характер и т. д.), социально-демографические (возраст, пол, национальность, образование, профессия и др.), уголовно-правовые (наличие либо отсутствие судимостей, в том числе по рассматриваемым и смежным преступлениям), биологические. Выяснение данных о наличии специальных знаний и навыков (автотехнических, компьютерных, в области полиграфии и т.

д.) и других сведений, которые могут иметь большое значение при расследовании уголовного дела.

4. Определение времени, места, способа вызова на допрос и очередности допрашиваемых лиц. Обычно в первую очередь допрашиваются лица, которые потенциально могут дать правдивые и наиболее полные объективные показания. При этом следует иметь в виду меры, исключающие возможность общения между собой и влияния друг на друга вызванных для производства допроса лиц по одному и тому же уголовному делу.

Одним из эффективных тактических приемов является внезапность допроса, например, заинтересованного в исходе дела свидетеля, который не успеет обдумать необходимую ложную свидетельскую позицию. Предположим, следователю (дознавателю) достоверно известно, что подделка номерных агрегатов ТС производилась на территории автотранспортного предприятия, тогда субъекту расследования целесообразно прибыть в автосервис, автомастерскую и т. д. для производства данного следственного действия без предупреждения.

Если же производство допроса намечено в служебном кабинете, важно помнить, что большое психологическое воздействие на допрашиваемых (прежде всего подозреваемых и обвиняемых) оказывают так называемые «немые свидетели», которые, как справедливо отмечает А.А. Протасевич, включают в себя не только материальные объекты предметно-документального характера, но и любую материальную субстанцию, несущую воспринимаемую допрашиваемым информацию целенаправленного воздействия [3, с. 51]. Такое обстоятельство, уточняет В.А. Образцов, давно подмечено практикующими криминалистами и всегда учитывается опытными следователями при подготовке и производстве допроса, в частности при определении оптимальных приемов, содержащих тактические хитрости. Не лукавство, не обман, а именно хитрости, оказывающие содействие при «изменении занятой допрашиваемым по отношению к расследованию негативной позиции, формированию такого эмоционального настроя, который приближает его к желанию сказать правду, перевести допрос из неконструктивного в конструктивное русло» [4, с. 52].

5. Изучение вопросов, относящихся к специальным знаниям. Следователю (дознавателю) целесообразно изучить специальную литературу (каталоги, справочники, учебные пособия и т. д.) о структуре идентификационных маркировок ТС, технологии их нанесения и способах изменения. Также следует ознакомиться и овладеть специальной терминологией (например, освоить такие понятия, как «автомобиль-донор», «автомобиль-реципиент», «автомобиль-двойник» и др.), которая может использоваться в ходе допроса, для чего нередко требуется консультативная помощь специалистов и экспертов. Не ограничиваясь этим, уместно пригласить для непосредственного участия в допросе специалиста (эксперта), обладающего специальными автотехническими знаниями.

6. Подготовка вещественных доказательств и других неотъемлемых материалов уголовного дела (протоколов, заключений экспертиз и т. п.) для их тактического использования при допросе, а также установление тактической необходимости применения технических средств (аудио- или видеозаписи, фотографирования) для фиксации хода и результатов допроса.

Тактический прием – предъявление во время допроса вещественных доказательств (естественно, при их наличии); прием в основном применяется перед заведомо конфликтным допросом, является вполне эффективным, если необходимо опровергнуть ложные показания допрашиваемого. Основательно продуманное, тактически грамотное, техничное, отлаженное и полноценное выполнение данного приема обеспечи-

вает высокий результат допроса, что многократно доказано лучшими представителями следственного корпуса и у нас, и за рубежом [4, с. 52].

7. Подготовка плана допроса. План составляется на завершающем этапе по обстоятельствам и версиям, подлежащим проверке и выяснению, в целях определения общей тактической линии допроса и систематизации доказательственного материала. Грамотно смоделированный план, несомненно, будет способствовать получению криминалистически значимой информации [5, с. 13]. В зависимости от сложности уголовного дела и вероятной тактической борьбы с допрашиваемым план может быть кратким или подробным. Однако в любом плане с тактической точки зрения должен содержаться наиболее удачный (имеющийся в распоряжении субъекта расследования на данный момент времени) перечень вопросов и определена необходимая последовательность их постановки. Иногда планом допроса необходимо предусмотреть выяснение обстоятельств, предшествовавших совершению преступления, что позволит установить признаки другого преступления (например, сначала ТС было похищено, а уже затем подвергались изменению его МО). Также следует определить отдельные поведенческие действия допрашиваемых (помимо криминального) в посткриминальный период (целесообразно при планировании допроса подозреваемых и обвиняемых).

Как показывает практика, в качестве допрашиваемых по делам рассматриваемого состава преступлений чаще всего выступают свидетели, подозреваемые и обвиняемые, реже в допросе участвуют специалисты, эксперты и потерпевшие. Поскольку допросы потерпевших, в целом, не вызывают трудностей и, как правило, проводятся в бесконфликтной ситуации, кроме того, не по всем уголовным делам (так как не всегда удастся полностью восстановить идентификационную маркировку и установить первоначального владельца ТС), мы не будем на этом останавливаться. Большого внимания, по нашему мнению, заслуживают тактико-криминалистические особенности допроса подозреваемых (обвиняемых), выступающих в большинстве случаев самыми осведомленными источниками информации [5, с. 12], а также свидетелей и экспертов (специалистов).

Допрос подозреваемого (обвиняемого) имеет определенную специфику, заключающуюся не в получении от него признания в содеянном преступном деянии, а в получении полных, правдивых и объективных показаний. При этом способность субъекта расследования получить данную исчерпывающую информацию во многом определяет его квалифицированность и профессиональное мастерство.

Следует отметить, что тактические и психологические особенности допросов подозреваемого и обвиняемого имеют много общего, однако основное отличие (помимо процессуального статуса) состоит в том, что допрос подозреваемого преимущественно проводится на ранних стадиях расследования, когда отсутствует большинство криминалистически значимых сведений и не известна позиция допрашиваемого (бесконфликтная или конфликтная), а обвиняемого – когда уже прояснились общая картина расследуемого события и позиция, занятая допрашиваемым.

Важным обстоятельством, влияющим на эффективность допроса подозреваемого (обвиняемого), является установление с ним психологического контакта, которого следователь (дознатель) может достигнуть, используя сведения, полученные при подготовке к данному следственному действию. Здесь особую актуальность приобретает владение субъектом расследования психологическими знаниями и приемами, поскольку от того, насколько качественно следователь (дознатель) заложит «психологический фундамент» при производстве первоначального допроса подозреваемого, будет зависеть успех всего расследования. Коммуникабельность следователя (дознателя), владение искусством общения, эффективного и правомерного воздействия на допраши-

ваемого является залогом установления психологического контакта, позволяющего в дальнейшем «сформировать добротную доказательственную базу по уголовному делу» [6, с. 21]. Однако на практике установление психологического контакта становится довольно сложной и трудоемкой задачей. Как показывает анализ изученных нами уголовных дел по исследуемым преступлениям, в большинстве случаев (64 %) допрос подозреваемого или обвиняемого проходил явно в конфликтной ситуации, когда допрашиваемый давал ложные показания и не желал содействовать расследованию. В такой ситуации, по мнению Я.М. Мазунина и Н.И. Герасименко [7, с. 60], возможно применение следующих приемов:

- 1) психологических (убеждение, внушение, беседа, снятие напряжения);
- 2) эмоциональных (побуждение к чистосердечному раскаянию, использование антипатии допрашиваемого к другому соучастнику, постановка неожиданных вопросов – фактор внезапности, общение на тему, представляющую взаимный интерес, снятие психологической напряженности);
- 3) логических (предъявление вещественных доказательств, оспаривающих ложные показания, детализация показаний, которая проводится для выявления противоречий и получения уточняющих данных, логический анализ противоречий);
- 4) тактических (использование «слабых мест» допрашиваемого, создание ошибочного представления о большей или меньшей осведомленности субъекта расследования, повторная постановка вопросов, метод косвенного допроса, допущение легенды и др.).

В ходе допроса подозреваемого по преступлениям исследуемой направленности весьма важно, помимо общих вопросов, установить следующие обстоятельства:

- 1) место, время и способ изменения МО, использованное при этом оборудование и инструменты;
- 2) обстоятельства, связанные с событием преступления (с кем, где, когда совершал преступления и др.);
- 3) если преступник привлечен для разовых работ, то кто и когда конкретно его попросил, какое обещал вознаграждение, знал ли он, что ТС «криминальное» (похищенное или незаконно ввезенное на территорию Российской Федерации и т. д.);
- 4) совершал ли он сам хищения ТС (когда, где, какие марки, модели и т. д.);
- 5) где работает официально и неофициально, имеется ли опыт работы в автосервисах, автомастерских и т. д.;
- 6) где получены знания в области устройства и эксплуатации ТС, а также специальные автотехнические знания (знания технологии и структуры маркирования ТС, специфические навыки работы с металлом, оборудованием и инструментами, навыки использования химических реактивов и др.);
- 7) где и как приобретен опыт изменения маркировочных данных (кто научил, показал);
- 8) если также подделывались регистрационные документы, то необходимо выяснить, где получены знания в области технико-криминалистического исследования документов и полиграфии, а также в сфере компьютерной информации (где, когда, при каких обстоятельствах приобретено соответствующее оборудование);
- 9) постоянное место нахождения ТС (имеются ли иные гаражи, боксы);
- 10) кому сбывались ТС с измененными МО (адреса, телефоны, приметы внешности и т. д.);
- 11) кто организатор совершения преступления;
- 12) если преступления совершались группой, выяснить количество лиц, участвовавших во всех эпизодах, и роль каждого из участников (установить обстоятельства всех преступных деяний, а также момент и обстоятельства создания организованной группы);
- 13) кому и когда рассказывал о совершенном (совершенных) преступном деянии, были ли свидетели;
- 14) цели и мотивы совершения преступлений и другие факторы, связанные с расследуемым событием.

Нами установлено, что 65 % лиц, занимающихся преступными деяниями исследуемой направленности, состояли в организованных преступных группах (в отдельных

случаях – группе лиц по предварительному сговору). В ходе интервьюирования следователей (дознателей) выявлено, что в 72 % случаев участники организованных преступных групп (либо кто-то из соучастников) давали первоначальные ложные показания и отказывались признавать свою вину, в то же время чаще всего это делали руководители групп (организаторы, лидеры).

В ходе допроса лиц, совершавших преступления в составе организованной (устойчивой) группы, важно установить, что преступные деяния совершены именно группой, индивидуализировать вину каждого из ее участников и получить максимально полные сведения о ее деятельности в криминальный и посткриминальный период, учитывая, что подозреваемые (обвиняемые) весьма основательно готовятся к каждому допросу, стремясь утаить и исказить важную для расследования информацию. Отметим, что организованная преступная деятельность отличается устойчивостью и планомерностью, поэтому в процессе надлежащего допроса по групповому делу возможно установить и иные эпизоды преступной деятельности организованной группы, если грамотно подойти к его подготовке.

Допрос организатора преступной группы имеет принципиально важное значение, так как это лицо владеет подробной информацией обо всех эпизодах и участниках преступной деятельности. Поэтому к его допросу необходимо готовиться более тщательно, желательно его проводить, когда будет составлена общая картина обстоятельств расследуемого преступления, т. е. тактически целесообразно допрашивать организатора (с учетом его лидерских качеств и социально-психологических особенностей) в последнюю очередь, поскольку допросы иных участников в отдельных случаях позволяют получить правдивые и наиболее полные показания. Однако правдивость и достоверность показаний организатора и членов преступной группы следует оценивать с критических позиций, путем их дальнейшей проверки.

Подводя промежуточный итог изложенному, отметим, что грамотно проведенный допрос подозреваемого и обвиняемого, безусловно, дает обширный доказательственный материал за счет правдивых, полных и объективных сведений не только о расследуемом событии, но и о наличии иной криминалистически значимой информации. В ходе допроса субъекту расследования важно следовать таким обязательным правилам, как строгое и неуклонное соблюдение уголовно-процессуального законодательства, тщательная подготовка к допросу, установление психологического контакта с допрашиваемым, оценка показаний с критических позиций.

Еще одним важным источником информации, имеющей значение для уголовного дела, являются свидетели, которые могут обладать нередко ценными сведениями, касающимися расследуемого преступления.

Свидетелей по делам рассматриваемой категории преступлений можно условно разделить на три отдельные группы:

- лица, случайно ставшие очевидцами преступного деяния;
- лица, которые в силу служебных (должностных) обязанностей стали свидетелями преступления;
- лица, которым стало известно об обстоятельствах преступного деяния, – свидетели-неочевидцы (лично событие преступления не воспринимали, но владеют значимой информацией с чьих-либо слов).

В данные группы в роли субъектов допроса могут входить: лица (в том числе коллеги подозреваемых и обвиняемых), работающие в автосервисах, автомастерских и т. д.; лица, которым сбывались и у которых похищались ТС (т. е. «титульные» и все прежние владельцы); лица, занимающиеся на постоянной основе куплей, обменом, продажей ТС, – так называемые «перекупы»; владельцы гаражно-строительных коопе-

ративов, гаражей, боксов и т. д.; охранники автостоянок; водители ТС; сотрудники правоохранительных органов; соседи, родственники, знакомые, друзья подозреваемых (обвиняемых) и др.

Допрос свидетеля, несмотря на, казалось бы, легкость и элементарность его проведения, может вызывать значительные затруднения [8, с. 4]. Он требует основательной подготовки, серьезного отношения, чем это представляется на первый взгляд, так как в силу различных обстоятельств допрашиваемые могут давать недостоверные показания, например в результате добросовестного заблуждения, или же они «могут быть вовлечены в криминальную ситуацию и ситуацию расследования, а потому быть в той или иной степени заинтересованными в результатах расследования, солидаризироваться с позицией стороны обвинения или защиты по мотивам сострадания» [9, с. 46].

В процессе производства допросов свидетелей, являющихся коллегами подозреваемых (обвиняемых), работающими (в том числе неофициально) в автосервисах, автомастерских и т. д., важно помнить, что они зачастую оказывают противодействие расследованию и не желают давать правдивые показания. Это обусловлено тем, что данные лица могут являться сообщниками подозреваемых (обвиняемых), с которыми они ранее осуществляли совместную преступную деятельность или же участвовали в отдельных эпизодах. Также отдельные свидетели, не состоящие в преступном сговоре, вообще могут утверждать, что «ничего не видели», «ничего не знают», «лично не знакомы», так как им не хочется портить отношения с субъектом преступления. В таком случае определенную помощь следователю (дознавателю) может оказать информация, изъятая с камер видеонаблюдения, находящихся на территории гаражных кооперативов, автосервисов либо на иных конструкциях, расположенных вблизи гаражей, боксов, автостоянок и т. д.

Одним из тактических приемов, направленных на разоблачение ложных показаний свидетелей, которые обычно излагают обстоятельства произошедшего события размыто, схематично, является детализация показаний. Свидетель не всегда может быстро сориентироваться на внезапное предложение субъекта расследования «заполнить» вымышленные показания деталями.

В случае, когда недобросовестные свидетели всяческим образом противодействуют расследованию, целесообразно, по мнению А. Г. Бедризова, применять тактические приемы, основывающиеся именно на убеждении допрашиваемого к даче правдивых показаний [10, с. 123].

Весьма важно учитывать и психическое состояние свидетеля, которое может способствовать серьезному искажению показаний. Состояние напряженности, беспокойства, волнения может мешать объективному изложению фактов. В этой связи установление психологического контакта с допрашиваемым является непременным условием качественного производства допроса не только подозреваемого (обвиняемого), но и свидетеля.

Характерные особенности рассматриваемых преступлений и большое многообразие различных модификаций, моделей и марок ТС определяют значимость такого немаловажного следственного действия, как допрос специалистов (экспертов).

Как известно, субъект расследования в силу объективных причин не может обладать всеобъемлющими знаниями, в том числе автотехническими, физико-химическими, знаниями в сфере компьютерной информации, технико-криминалистического исследования документов и др. В связи с этим следователь (дознаватель) для разрешения вопросов по конкретному уголовному делу может прибегнуть к содействию специалистов из различных областей наук.

На практике в роли специалистов обычно выступают эксперты подразделений ЭКЦ МВД России, которые по роду своей деятельности обладают необходимым пере-

нем специальных знаний. В абсолютном большинстве случаев, связанных с изменением МО ТС, ими являются эксперты-автотехники. Одно и то же лицо может допрашиваться в качестве специалиста – например, когда предмет допроса связан с участием в процессуальных действиях, а также в качестве эксперта – после производства им экспертизы по вопросам, связанным с дачей заключения.

Допрос специалиста в определенном смысле может иметь консультативный характер. Специалист высказывает свое суждение и мнение по вопросам терминологических и стилистических неясностей, кроме этого, его показания могут быть использованы при выдвижении версий о способе подготовки, совершения и сокрытия преступлений.

В процессе допроса специалиста-автотехника по делам, связанным с изменением МО ТС, следователь (дознатель) может получить значимые разъяснения, касающиеся обстоятельств преступного деяния. Например, такой допрос необходим для выяснения следующих вопросов: какие следы образуются на элементах конструкции ТС при различных способах вскрытия; каковы признаки установления фактов изменения МО; какова структура идентификационной маркировки кузова (шасси), двигателя конкретного ТС; какие существуют способы изменения МО; какие применялись технические средства (их свойства) неразрушающего контроля и т. д.

Также, помимо специалиста-автотехника, могут быть допрошены специалисты из других областей знания по вопросам, входящим в их профессиональную компетенцию. Например, следует решить вопросы, связанные с технико-криминалистическим исследованием документов, исследованием лакокрасочных покрытий ТС, вопросы в сфере компьютерной информации и др.

Вместе с тем отдельно следует отметить целесообразность производства допроса подозреваемых, обвиняемых и свидетелей с участием специалистов, которые могут обеспечить не только техническое, но и тактическое сопровождение процесса расследования. Отдельные сведения узкопрофильного характера, полученные на допросе, могут не восприниматься субъектом расследования или же быть неправильно интерпретированы, в таком случае, с учетом специфики рассматриваемых преступлений и терминологических особенностей, содействие специалистов, безусловно, имеет большое значение. Кроме того, специалист может помочь установить умышленное искажение показаний допрашиваемым. Участие специалиста в процессе расследования и раскрытия преступлений выступает важным условием преодоления противодействия расследованию.

Довольно уникальный, вполне сложный и трудоемкий характер экспертизы МО ТС, методика производства которой обусловлена интегративной природой, определяет актуальность вызова на допрос эксперта. Отметим, что по всем исследуемым уголовным делам назначалась указанная судебная экспертиза. Таким образом, у следователя (дознателя) могут возникать вопросы к эксперту, ответы на которые помогут правильно оценить доказательственную ценность его заключения и не требуют проведения дополнительного исследования. Главная цель допроса эксперта заключается в получении разъяснения, устранении неясностей и уточнении данного им заключения для полного, всестороннего и объективного рассмотрения уголовного дела. Также в ходе допроса может разъясняться целесообразность применения определенной методики (разрушающих и неразрушающих методов), выясняться сведения, характеризующие компетенцию эксперта, уточняются, какие выявленные диагностические и идентификационные признаки позволили сделать выводы и др.

Следует иметь в виду, что эксперт может отрицать факт совершения им ошибки при производстве экспертизы, так как выявленные неточности и ошибки значительно

«обесценивают» его статус как профессионала [11, с. 17]. В таком случае, считает Р.Л. Ахмедшин, необходимо усилить субъект расследования специальными знаниями (пригласить на допрос специалиста, обладающего специальными знаниями в данной области) [11, с. 18].

Таким образом, использование специальных знаний при допросе способствует правильному разрешению уголовного дела по существу, установлению причин и условий преступного деяния, а также лиц, причастных к совершению преступления.

Подводя итог изложенному, хотелось бы подчеркнуть, что тактические приемы, используемые субъектом расследования при допросе, должны строиться на основе ситуационного подхода и целенаправленного тактического (в том числе логического) мышления, меняться в зависимости от объема допроса и его последовательности, устанавливаться в соответствии с психологическими качествами допрашиваемого, быть законными, отвечать нормам морали и профессиональной этики, а также основываться (в конфликтных ситуациях) на правилах рефлексивного управления. Только такой подход будет способствовать решению главных задач уголовного судопроизводства – качественному расследованию уголовных дел и раскрытию преступлений.

Список источников

1. Баев О.Я. Тактика следственных действий. М.: Юрлитинформ, 2013. 456 с.
2. Варданыан А.В., Говоров А.А. Общие положения допроса подозреваемых, обвиняемых по делам о нецелевом расходовании бюджетных средств и средств государственных внебюджетных фондов // Вестник Восточно-Сибирского института Министрства внутренних дел России. 2019. № 1 (88). С. 127-136.
3. Протасевич А.А. О новой парадигме следственного действия как объекта криминалистики // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: материалы научно-практической конференции. Иркутск, 1988. С. 48-51.
4. Образцов В.А. Проблемы тактики допроса: третий участник // Социально-экономические и правовые проблемы Восточно-Сибирского региона на пороге третьего тысячелетия: материалы научно-практической конференции. Иркутск, 1988. С. 51-53.
5. Агафонов А.С. Тактические особенности проведения допроса подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступлений, связанных с изменением маркировочных обозначений транспортных средств // Современное уголовно-процессуальное право – уроки истории и проблемы дальнейшего реформирования. 2019. Т. 1. № 1 (1). С. 12-17.
6. Коновалов С.И., Плюгина И.О. Некоторые организационно-тактические особенности производства допроса несовершеннолетнего лица, совершившего преступление против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2014. № 1-2. С. 21-26.
7. Мазунин Я.М., Герасименко Н.И. Тактика допроса подозреваемого (обвиняемого) по делам о неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2014. № 2 (57). С. 58-61.
8. Грибунов О.П. Тактические приемы, используемые для избличения ложных показаний свидетеля // Российский следователь. 2016. № 5. С. 3-7.
9. Коновалов С.И., Соболев А.В. Правовое положение свидетеля в уголовном судопроизводстве: некоторые дискуссионные вопросы // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 2-2. С. 46-52.

10. Бедризов А.Г. Проблемы допустимости тактических приемов, используемых при допросе свидетелей // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. № 9. С. 121-127.

11. Ахмедшин Р.Л. Актуальные аспекты тактики допроса эксперта // Вестник Томского государственного университета. Право. 2014. № 4 (14). С. 15-21.

References

1. Baev O.YA. Taktika sledstvennyh dejstvij. M.: YUrlitinform, 2013. 456 s.
2. Vardanyan A.V., Govorov A.A. Obshchie polozheniya doprosa podozrevaemyh, ob-vinyaemyh po delam o necelevom raskhodovanii byudzhetyh sredstv i sredstv gosudarstvennyh vnebyudzhetyh fondov // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Mini-sterstva vnutrennih del Rossii. 2019. № 1 (88). S. 127-136.
3. Protasevich A.A. O novoy paradigme sledstvennogo dejstviya kak ob"ekta kriminalistiki // Social'no-ekonomicheskie i pravovye problemy Vostochno-Sibirskogo regiona na poroge tret'ego tysyacheletiya: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Irkutsk, 1988. S. 48-51.
4. Obrazcov V.A. Problemy taktiki doprosa: tretij uchastnik // Social'no-ekonomicheskie i pravovye problemy Vostochno-Sibirskogo regiona na poroge tret'ego tysyacheletiya: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii. Irkutsk, 1988. S. 51-53.
5. Agafonov A.S. Takticheskie osobennosti provedeniya doprosa podozrevaemyh (obvinyaemyh) v sovershenii prestuplenij, svyazannyh s izmeneniem markirovochnyh oboznachenij transportnyh sredstv // Sovremennoe uголовно-processual'noe pravo – uroki istorii i problemy dal'nejshego reformirovaniya. 2019. T. 1. № 1 (1). S. 12-17.
6. Konovalov S.I., Plyugina I.O. Nekotorye organizacionno-takticheskie osobennosti proizvodstva doprosa nesovershennoletnego lica, sovershivshego prestuplenie protiv polovoj neprikosновенности i polovoj svobody lichnosti // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2014. № 1-2. S. 21-26.
7. Mazunin YA.M., Gerasimenko N.I. Taktika doprosa podozrevaemogo (obvinyaemogo) po delam o nepravomernom zavladenii avtomobilem ili inym transportnym sredstvom bez celi hishcheniya // Psihopedagogika v pravoohranitel'nyh organah. 2014. № 2 (57). S. 58-61.
8. Gribunov O.P. Takticheskie priemy, ispol'zuemye dlya izoblicheniya lozhnyh pokazanij svidetelya // Rossijskij sledovatel'. 2016. № 5. S. 3-7.
9. Konovalov S.I., Sobol' A.V. Pravovoe polozhenie svidetelya v uголовном sudoproizvodstve: nekotorye diskussionnye voprosy // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2016. № 2-2. S. 46-52.
10. Bedrizov A.G. Problemy dopustimosti takticheskikh priemov, ispol'zuemyh pri doprose svidetelej // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2014. № 9. S. 121-127.
11. Ahmedshin R.L. Aktual'nye aspekty taktiki doprosa eksperta // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo. 2014. № 4 (14). S. 15-21.

Информация об авторе

Артем Сергеевич Агафонов. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности и специальной техники в ОВД. Кандидат юридических наук.

Восточно-Сибирский институт МВД России.

664074, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Information about the author

Artem S. Agafonov. Teacher of the chair of Operational-Investigative Activities and Special Equipment in the Department of Internal Affairs Bodies. Candidate of legal sciences. East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia. 664074, Russia, Irkutsk, st. Lermontov 110.

Статья поступила в редакцию 19.04.2022; одобрена после рецензирования 04.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted April 19, 2022; approved after reviewing May 4, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 20, 2022.

Научная статья
УДК 343.98

ПРОВЕРКА СООБЩЕНИЙ О МОШЕННИЧЕСТВЕ В СЕТИ ИНТЕРНЕТ И ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЯ О ВОЗБУЖДЕНИИ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Сергей Александрович Грачев, Александра Сергеевна Крюкова²

^{1,2}Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия

¹sergeyag@inbox.ru

²sasha.kryukovaaa@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется распространенность мошенничества, совершенного в сети Интернет, среди всего спектра преступлений. Проведен статистический анализ зарегистрированных преступлений, а также анализ направленных в суд уголовных дел по преступлениям, совершенным в сети Интернет на территории Нижегородской области за 2019-2020 год. В статье рассматривается порядок проверки факта мошенничества, совершенного в информационно-телекоммуникационной сети Интернет, а также организация первичных и последующих оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: мошенничество, Интернет, уголовное дело, сотрудники оперативных подразделений, сообщение о преступлении, проверка

Для цитирования: Грачев С. А., Крюкова А. С. Проверка сообщений о мошенничестве в сети интернет и принятие решения о возбуждении уголовного дела // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 164-171.

CHECKING REPORTS OF FRAUD ON THE INTERNET AND MAKING A DECISION ON THE INITIATION OF CRIMINAL PROCEEDINGS

Sergey A. Grachev¹, Alexandra S. Kryukova²

^{1,2}The Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russia

¹sergeyag@inbox.ru

²sasha.kryukovaaa@gmail.com

Abstract. The article analyzes the prevalence of fraud committed on the Internet among the entire spectrum of crimes. A statistical analysis of registered crimes was carried out, as well as an analysis of criminal cases sent to court for crimes committed on the Internet in the Nizhny Novgorod Region for 2019-2020. The article discusses the procedure for verifying the fact of fraud committed on the Internet information and telecommunications network, as well as the organization of primary and subsequent operational investigative measures.

Keywords: fraud, Internet, criminal case, employees of operational units, crime reporting, verification

© Грачев С. А., Крюкова А. С., 2022

For citation: Grachev S. A., Kryukova A. S. Checking reports of fraud on the Internet and making a decision on the initiation of criminal proceedings // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 164-171.

В современных реалиях невозможно представить себе общество, которое не использует в своей жизни сеть Интернет. В настоящее время в сети Интернет можно не только найти нужную информацию или написать сообщение, в ней также ведут предпринимательскую деятельность, обмениваются товарами и услугами, она служит площадкой для удаленной работы.

При многочисленных плюсах данной информационно-телекоммуникационной сети она служит и обширной платформой для ведения преступной деятельности. Мошенничество занимает особое место среди всего спектра преступлений, совершаемых в сети Интернет. В свою очередь, органы внутренних дел сталкиваются с определенными проблемами при осуществлении проверки сообщения о преступлении, а также при решении вопроса о возбуждении уголовного дела.

В ходе исследования нами был проведен анализ статистических данных о возбужденных и направленных в суд уголовных делах по хищениям, связанным с использованием сети Интернет, совершенным на территории Нижегородской области.

Так, основную долю зарегистрированных сообщений составляют составы, предусмотренные п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, а также мошенничества, предусмотренные ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ (рис. 1)¹.

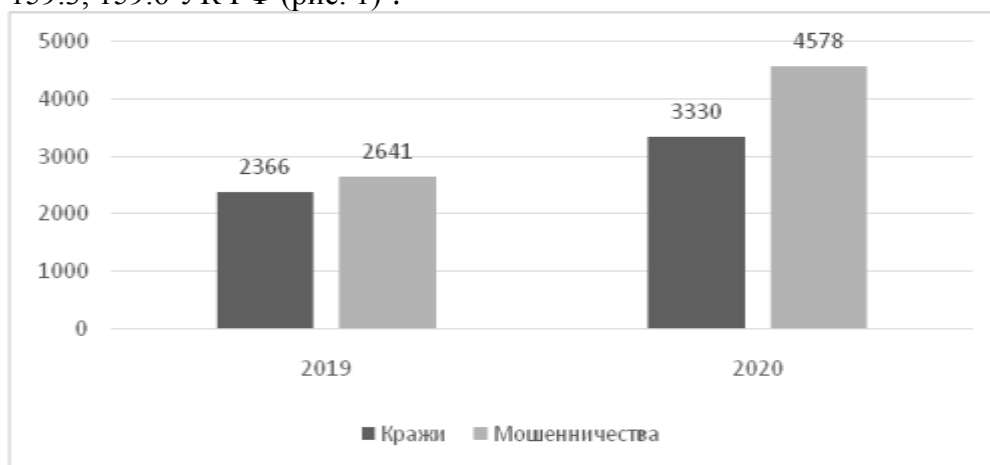

Рис. 1. Статистика зарегистрированных преступлений, совершенных в сети Интернет на территории Нижегородской области (2019-2020 гг.)

Анализ представленных данных позволяет заключить, что в 2020 году наблюдается значительный рост зарегистрированных преступлений рассматриваемой категории. При этом количество зарегистрированных преступлений, предусмотренных п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, увеличилось на 40,7 %, а количество преступлений, предусмотренных ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ, – на 73,3 %. Такой большой рост во многом связан с тем, что в 2020 году были введены ограничения, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, в связи с чем основная преступная деятельность была перенесена в сеть Интернет.

¹ Информация о состоянии преступности в Нижегородской области за январь-декабрь 2020 года [Электронный ресурс]. URL: <https://52.xn--b1aew.xn--p1ai/Dejatelnost/Statistika/> (дата обращения 01.02.2022).

Стоит также отметить, что с ростом количества зарегистрированных преступлений выросло и количество направленных в суд окончанных уголовных дел данной категории (рис. 2)².

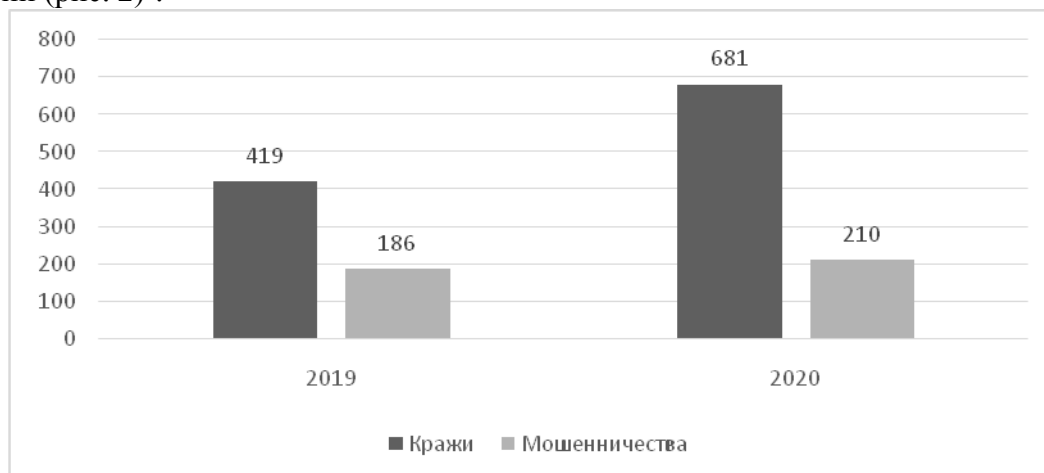

Рис. 2. Статистика направленных в суд уголовных дел по преступлениям, совершенным в сети Интернет, на территории Нижегородской области (2019-2020 гг.)

Анализ представленных данных свидетельствует о том, что органами предварительного расследования Нижегородской области были приняты меры для увеличения процента раскрытия и направления окончанных уголовных дел в суд.

При совершении мошенничества путем использования сети Интернет проверка сообщения о преступлении начинается с установления места совершения преступления. Зачастую установить точное место его совершения очень сложно, поскольку им может быть:

- место удаленного доступа к ресурсам банка;
- место проживания лица, совершившего преступление;
- место проживания потерпевшего;
- место нахождения подразделения банка, в котором открыт и обслуживается счет потерпевшего;
- место нахождения подразделения банка, в котором обслуживается счет, на который были переведены похищенные денежные средства [1, с. 108].

При этом на практике зачастую потерпевший может проживать в одном районе города, а счет, с которого у него похитили денежные средства, может быть открыт и обслуживаться в отделении банка, расположенном в другом районе города.

Постановлением Пленума Верховного Суда от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» в п. 5 установлено, что момент окончания мошенничества – момент, когда имущество поступило в незаконное владение злоумышленника с возможностью распоряжаться им³. В отношении безналичных денежных средств суд установил, что момент окончания – это момент изъятия денежных средств с банковского счета их владельца, в результате чего вла-

² Статистические сведения за 12 месяцев 2020 года по данным Нижегородского областного суда [Электронный ресурс]. URL: <http://nnobsud.ru/index.php/dokumenty/statipaste2019/4106-stat2020-12g> (дата обращения 01.02.2022).

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс]: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г.: с изм. и доп. от 29 июня 2021 г. № 48. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дельцу причинен ущерб. При этом местом совершения такого преступления считается место нахождения подразделения банка или иной организации, в которой владельцем был открыт счет.

Правильное определение момента окончания и места совершения преступления при проведении первоначальной проверки сообщения о преступлении позволяет избежать волокиты, необоснованной передачи материалов проверки, а впоследствии – и материалов уголовного дела из одного подразделения в другое. При этом оперативное реагирование и принимаемые первоначальные действия позволяют в большинстве случаев «заморозить» похищенные денежные средства на расчетном счете и вернуть их владельцу [2, с. 24].

При проведении проверки сообщения о мошенничестве, совершенном в сети Интернет, лицу, производящему предварительную проверку, необходимо выполнить ряд последовательных и взаимосвязанных действий:

1. Провести опрос заявителя, учитывая следующее:

- в стрессовой ситуации заявитель может не вспомнить адреса всех банкоматов, где он получал денежные средства, или адреса, где он производил оплату товаров или услуг, или адреса и названия сайтов, на которых он оплачивал картой какой-либо товар или услугу;

- видеозаписи в банках хранятся непродолжительное время, нормативно-правовые акты не регламентируют сроки их хранения;

- получение информации из банков о списании денежных средств со счета заявителя, об IP-адресах, с которых произошел удаленный доступ к сайту банка, может занять большой промежуток времени. В связи с этим необходимо предложить заявителю самостоятельно получить выписку по банковскому счету, при совместном ее исследовании в опросе указать: когда и какие средства были противоправно списаны с его счета, исходя из данных выписки [3, с. 246].

2. Истребовать у заявителя мобильное устройство или компьютер, на которые установлены программы дистанционного банковского обслуживания (например, «Сбербанк онлайн» и др.), которые должны быть изъяты с участием специалиста (мобильные устройства переводятся в «авиарежим», а компьютеры – в режим гибернации) [4, с. 262].

3. Направить изъятые устройства на судебную экспертизу.

ЭКЦ МВД России 28 ноября 2019 года в органы предварительного расследования направлено информационное письмо «Особенности исследования объектов в виде звучащих и письменных текстов, созданных с использованием интернет-платформ». В данном письме сотрудники ЭКЦ дают разъяснения о проведении:

- идентификационной автороведческой экспертизы по материалам письменных (печатных) сообщений;

- идентификационной фоноскопической экспертизы по материалам устных (голосовых) сообщений;

- лингвистической экспертизы по материалам письменных и устных сообщений⁴.

Для каждого вида экспертизы предусмотрен свой круг вопросов, которые должны быть поставлены перед экспертом. Указанные экспертизы наиболее действенны на стадии, когда виновное лицо уже установлено.

⁴ Информационное письмо ЭКЦ МВД России от 28 ноября 2019 г. «Особенности исследования объектов в виде звучащих и письменных текстов, созданных с использованием интернет-платформ» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

До установления виновного лица, на стадии проверки сообщения о преступлении, перед экспертом должны быть поставлены следующие вопросы (рис. 3):

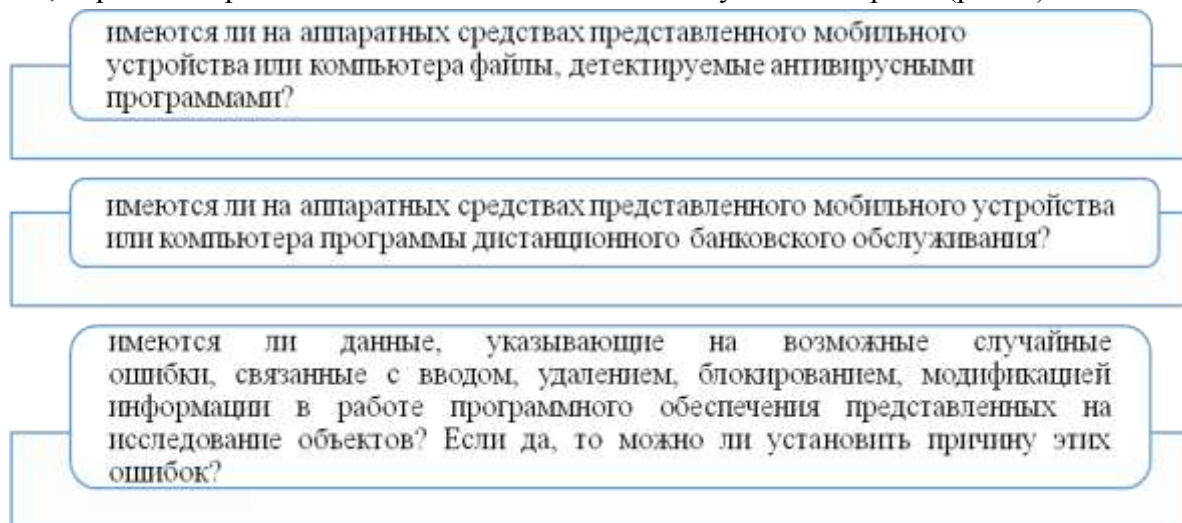

Рис. 3. Вопросы эксперту на стадии проверки сообщения о преступлении

4. Сотрудники оперативных подразделений направляют в суд постановление о возбуждении ходатайства об ограничении прав граждан на банковскую тайну на основании ст. 9 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». При этом в ходатайстве необходимо указать, что требуется предоставление сведений о:

- списании денежных средств со счета заявителя с указанием конкретного периода, в который, по его словам, произошло списание;
- счетах, на которые были переведены похищенные денежные средства и их владельцах;
- об IP-адресах, с которых производился удаленный доступ к мобильному банку⁵.

5. Определить IP-адреса, с которых были произведены удаленные доступы, совершен выход в сеть Интернет, зарегистрирован интернет-магазин или размещены объявления на сайтах (Авито, Юла и др.).

Определить провайдера, который предоставил установленные IP-адреса, после чего направить запрос провайдеру о предоставлении компьютерной информации. В запросе целесообразно указать на необходимость предоставления полных адресно-справочных сведений о лице, которому в интересующие дату и время был выделен вышеуказанный IP-адрес, в том числе адрес подключения, номер договора на предоставление услуг, MAC-адрес модема или компьютера с сетевой картой, номер телефона и адрес электронной почты [5, с. 190].

6. Навести справки об анкетных данных лиц, проживающих по месту подключения к Интернету, и установить, обладают ли они специальным статусом.

Проведя проверку сообщения о преступлении, подтвердив наличие повода и основания для возбуждения уголовного дела, лицо, производящее проверку, направляет

⁵ Об оперативно-розыскной деятельности [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ: с изм. и доп. от 1 июля 2021 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

материалы проверки в орган предварительного расследования для возбуждения уголовного дела.

При этом материалы проверки должны содержать следующие сведения (рис. 4):

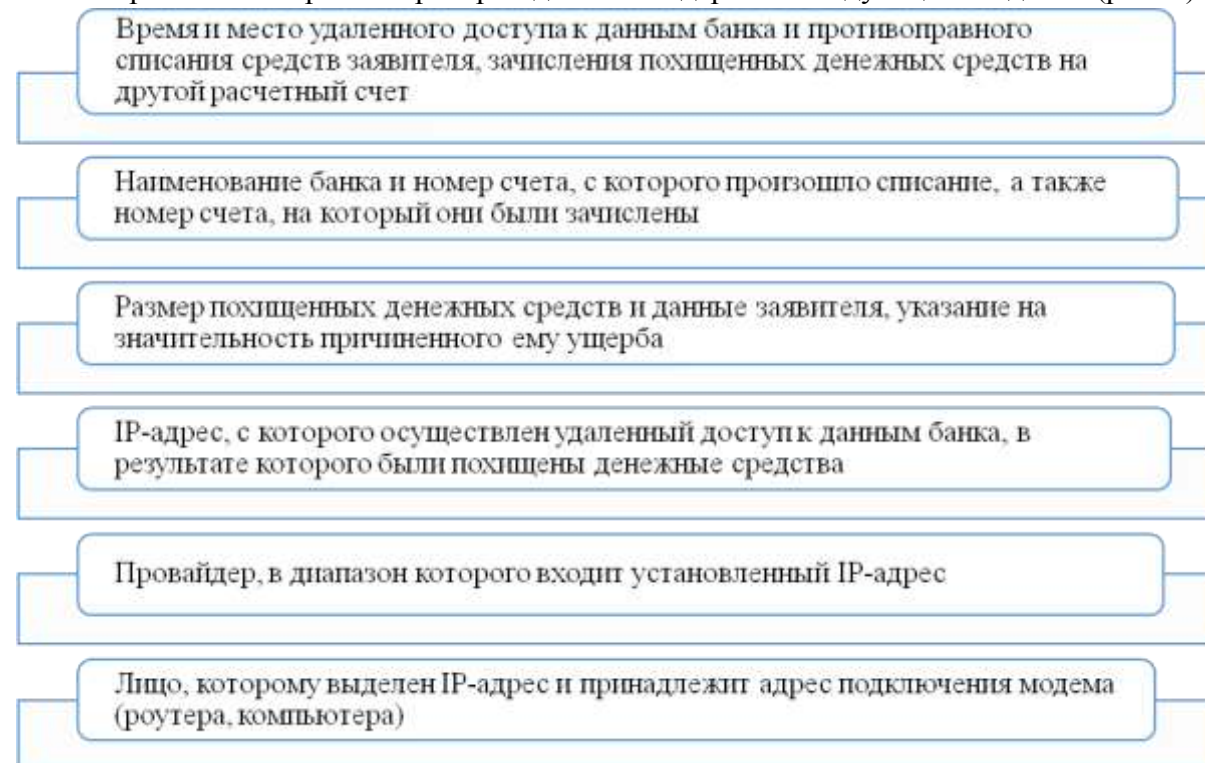

Рис. 4. Содержание материалов проверки сообщения о преступлении

Как показывает практика рассмотрения материалов проверки сообщений о мошенничестве, совершенном в сети Интернет, зачастую передаваемые для возбуждения уголовного дела материалы не содержат всю необходимую информацию, что во многом связано с длительными сроками ответов на запросы в банки, Интернет-провайдером, сотовым компаниям, сайтам и т. д.

Ненадлежащая организация работы по проведению процессуальной проверки по сообщениям о мошенничествах, совершенных в сети Интернет, приводит к преждевременному принятию органами предварительного расследования решений о возбуждении уголовных дел.

Так, 9 июля 2020 года в отдел полиции № 7 УМВД России по г. Нижнему Новгороду обратился «Л» с заявлением о хищении денежных средств с банковской карты суммой 14.809,42 рублей. В своем заявлении «Л» указал, что неустановленное лицо путем предоставления подложных документов на его имя оформило кредитный договор, в результате чего с его банковского счета на основании судебного приказа были списаны денежные средства. В связи с тем, что доследственная проверка была проведена не в полном объеме, следователем было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 159 УК РФ, которое в дальнейшем было прекращено в связи с отсутствием состава преступления (установлено, что заявитель сам оформил кредитный договор путем подачи электронной заявки в сети Интернет)⁶.

⁶ Обзор практики раскрытия и расследования уголовных дел о хищениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в Нижегородской области за 2020 год [Электронный ресурс]. URL: <https://52.xn--b1aew.xn--p1ai/gumvd/> (дата обращения: 06.02.2022).

Таким образом, на стадии проверки сообщения о мошенничестве, совершенном в сети Интернет, основная часть мероприятий возложена на орган дознания. От качества проведенной предварительной проверки зависит эффективность расследования и раскрытия возбужденного уголовного дела.

Несмотря на то, что от лица, производящего проверку сообщения о преступлении, для принятия решения о возбуждении уголовного дела требуется проведение большого количества первоначальных мероприятий, зачастую уголовные дела возбуждаются на основании одного лишь заявления потерпевшего лица и выписки о движении денежных средств по его счету. Во многом это связано с тем, что получение всей необходимой информации – достаточно длительный процесс, основная часть ответов на запросы приходит уже после возбуждения уголовного дела.

Список источников

1. Ордоков М.Х., Шафиева Э.Т., Карданов А.К. Основные тенденции борьбы с кибермошенничеством // Пробелы в российском законодательстве. 2021. № 4. С. 108-111.
2. Валькова Т.В., Шунк В.Э., Долгаев В.В. Методика расследования преступлений против собственности, совершаемых с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий: учебно-методическое пособие. СПб.: 2019. 56 с.
3. Потапова Н.Н. Прогнозирование и планирование в деятельности следователей и оперуполномоченных уголовного розыска при раскрытии и расследовании фактов дистанционных мошенничеств // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. № 2. С. 246-253.
4. Напсоков, А.П. Проблемы организации деятельности по раскрытию дистанционных мошенничеств и краж с банковских карт // Пробелы в российском законодательстве. 2020. № 4. С. 262-264.
5. Любан В.Г., Молянов А.Ю., Хазов Е.Н. Распространенные способы мошенничеств в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 1. С. 190-194.

References

1. Ordokov M.H., Shafieva E.T., Kardanov A.K. Osnovnye tendencii bor'by s kiber-moshennichestvom // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2021. № 4. S. 108-111.
2. Val'kova T.V., Shunk V.E., Dolgaev V.V. Metodika rassledovaniya prestuplenij protiv sobstvennosti, sovershaemyh s ispol'zovaniem komp'yuternyh i telekommunikacionnyh tekhnologij: uchebno-metodicheskoe posobie. SPb.: 2019. 56 s.
3. Potapova N.N. Prognozirovanie i planirovanie v deyatel'nosti sledovatelej i operupolnomochennyh ugovovnogo rozyska pri raskrytii i rassledovanii faktov distancionnyh moshennichestv // Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii. 2018. № 2. S. 246-253.
4. Napsokov A.P. Problemy organizacii deyatel'nosti po raskrytiyu distancionnyh moshennichestv i krazh s bankovskih kart // Probely v rossijskom zakonodatel'stve. 2020. № 4. S. 262-264.
5. Lyuban V.G., Molyanov A.Yu., Hazov E.N. Rasprostranennye sposoby moshennichestv v sfere informacionno-telekommunikacionnyh tekhnologij // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2019. № 1. S. 190-194.

Информация об авторах

Сергей Александрович Грачев. Доцент кафедры предварительного расследования.
Кандидат юридических наук, доцент.

Нижегородская академия МВД России.

603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Александра Сергеевна Крюкова. Курсант факультета подготовки специалистов по
расследованию экономических преступлений.

Нижегородская академия МВД России.

603950, Россия, г. Нижний Новгород, Анкудиновское шоссе, д. 3.

Information about the authors

Sergey A. Grachev. Associate professor of the chair of Preliminary Investigation. Can-
didate of legal sciences, associate professor.

The Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603950, Russia, Nizhny Novgorod, hwy. Ankudinovskoe 3.

Alexandra S. Kryukova. Cadet of the faculty training specialists in the investigation of
economic crimes, private police.

The Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

603950, Russia, Nizhny Novgorod, hwy. Ankudinovskoe 3.

Статья поступила в редакцию 23.02.2022; одобрена после рецензирования
06.03.2022; принята к публикации 23.03.2022.

The article was submitted February 23, 2022; approved after reviewing March 6, 2022;
accepted to the writing of the article for publication March 23, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК 343.98

СПОСОБЫ ХИЩЕНИЙ ГОРЮЧЕ-СМАЗОЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ, СОВЕРШАЕМЫХ ПУТЕМ ПРИСВОЕНИЯ И РАСТРАТЫ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ НА ТРАНСПОРТЕ, КАК ЭЛЕМЕНТ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

Алексей Михайлович Журбенко¹, Мария Витальевна Советова²

^{1,2}Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹zhurbenko6891@gmail.com

²sovetovamasha@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются основные способы хищений горюче-смазочных материалов, используемых для нужд транспортного комплекса, путем присвоения и растраты должностными лицами на транспорте и их криминалистическая характеристика. Авторами обосновывается тезис о значительной релевантности определения способа совершения неочевидного преступления на первоначальном этапе расследования преступления для поисково-познавательной деятельности следователя, планирования расследования, построения наиболее вероятных следственных версий и их отработки. Вместе с тем авторами указывается на недостаточное научно-теоретическое обеспечение методики расследования подобной группы преступлений, необходимость использования специальных знаний в области финансово-хозяйственной деятельности при проведении следственных действий.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, способ совершения преступления, присвоение и растрата, транспортный комплекс, должностное лицо, горюче-смазочные материалы

Для цитирования: Журбенко А. М., Советова М. В. Способы хищений горюче-смазочных материалов, совершаемых путем присвоения и растраты должностными лицами на транспорте, как элемент криминалистической характеристики // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 172-180.

METHODS OF THEFT OF FUELS AND LUBRICANTS COMMITTED THROUGH APPROPRIATION AND EMBEZZLEMENT BY OFFICIALS IN TRANSPORT, AS AN ELEMENT OF CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS

Aleksej M. Zhurbenko¹, Mariya V. Sovetova²

¹The Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia named after I.D. Putilin, Belgorod, Russia

¹zhurbenko6891@gmail.com

²sovetovamasha@gmail.com

© Журбенко А. М., Советова М. В., 2022

The abstract: The article discusses the main methods of theft of fuels and lubricants used for the needs of the transport complex, by misappropriation and waste by officials in transport and their forensic characteristics. The authors substantiate the thesis about the significant relevance of determining the method of committing an unobvious crime at the initial stage of investigating a crime for the search and cognitive activity of the investigator, planning the investigation, building the most probable investigative leads and working them out. At the same time, the authors point out the lack of scientific and theoretical support for the methodology for investigating such a group of crimes, the need to use special knowledge in the field of financial and economic activities in the course of investigative actions.

Keywords: forensic characteristics, method of committing a crime, misappropriation and embezzlement, transport complex, official, fuels and lubricants

For citation: Zhurbenko A. M., Sovetova M. V. Methods of theft of fuels and lubricants committed through appropriation and embezzlement by officials in transport, as an element of criminological characteristics // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 172-180.

В настоящее время развитие транспортной отрасли в России обусловлено необходимостью разрешения задач экономического развития страны. Востребованность перевозочной деятельности сегодня свидетельствует о том, что без эффективного функционирования транспортного комплекса невозможно говорить о развитии многих смежных отраслей народного хозяйства. Ввиду этого вопросы обеспечения безопасного и бесперебойного функционирования транспортного комплекса приобретают стратегическую важность в актуальных условиях государственного строительства.

Значительный объем рынка грузоперевозок, меры государственной поддержки транспортной отрасли, релевантность транспорта для частных пассажироперевозок – все это свидетельствует о высокой концентрации капитала в указанной отрасли. Поэтому обратной стороной достигнутых результатов является пропорциональная показателям роста высокая степень криминогенности транспортной отрасли в России.

Экономические преступления на транспорте, согласно последним официальным данным, составляют свыше 14 % от общего количества преступлений, зарегистрированных на объектах транспорта в 2021 году¹. При этом следует четко разграничивать экономические преступления от смежных с ними общеуголовных преступлений против собственности (например, краж грузов, багажа, ручной клади, горюче-смазочных материалов, верхнего строения железнодорожного пути, электрических кабелей и т. д.), удельный вес которых в общей структуре преступности на транспорте также весьма велик и составляет 39 % от общего числа преступлений на транспорте². Данное обстоятельство позволяет сделать вывод, что в совокупности около половины всех преступлений, регистрируемых на транспорте, относится к числу явно и неочевидно экономической направленности соответственно.

Одним из наиболее латентных видов экономических преступлений на транспорте являются хищения вверенного имущества, совершаемые путем присвоения и растраты должностными лицами. Примечательно, что объектом хищений с использованием служебного положения чаще всего выступают горюче-смазочные материалы (далее –

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2021 г. [Электронный ресурс] // официальный сайт Министерства внутренних дел Рос. Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 20.03.2022).

² Там же.

ГСМ), которые используются практически повсеместно для обеспечения деятельности транспортного комплекса. Ввиду этого ежегодно перевозчикам причиняется значительный материальный ущерб, что также не может не влиять на качество предоставляемых перевозочных услуг.

Латентный характер хищений, совершаемых путем присвоения и растраты, достигается за счет исключительного статуса лица, обладающего полномочиями по распоряжению вверенного ему имущества. Потому уголовно-правовые признаки в характеристике лица, совершающего хищения ГСМ путем присвоения и растраты на транспорте, призваны разрешать вопросы квалификации содеянного, а криминалистический анализ способа совершения хищения ГСМ необходим в целях отработки следственной версии о возможной причастности к хищению лица, использующего свое служебное положение в преступных целях.

Эффективность процесса расследования подобного рода неочевидных латентных преступлений во многом зависит от объема и качества применяемых криминалистических знаний. Потому считаем, что знание наиболее типичных способов хищений ГСМ путем присвоения и растраты позволяет на первоначальном этапе расследования преступления определить характер сложившейся следственной ситуации, определить наиболее вероятные следственные версии и составить план расследования.

В теории криминалистики принято разделять способы совершения хищений ГСМ путем присвоения и растраты на:

- 1) способы, вытекающие из уголовно-правовой конструкции состава преступления, предусмотренного ст. 160 УК РФ;
- 2) способы совершения хищений ГСМ путем присвоения и растраты должностными лицами на транспорте в привычном криминалистическом понимании их содержания и значения.

Специфичность темы состоит также в том, что присвоение и растрата сами по себе являются самостоятельными способами хищений с использованием служебного положения с точки зрения уголовного законодательства. Сущностные отличия присвоения от растраты закреплены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 года № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате»³.

Так, например, присвоение считается оконченным преступлением с того момента, когда законное владение вверенным лицу имуществом стало противоправным и это лицо начало совершать действия, направленные на обращение указанного имущества в свою пользу (например, с момента, когда лицо путем подлога скрывает наличие у него вверенного имущества, или с момента неисполнения обязанности лица поместить на банковский счет собственника вверенные этому лицу денежные средства).

Как растрата же должны квалифицироваться противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам⁴.

Несмотря на смежность двух понятий и их симбиоз, тем не менее они в понимании законодателя существуют как два самостоятельных способа совершения преступления в рамках одного уголовно-правового состава.

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. 2018. № 2.

⁴ Там же.

В криминалистической науке способ совершения преступления рассматривается под несколько иным углом зрения и понимается как «взаимосвязанная система поведенческих актов субъекта преступления, обусловленных объективными и субъективными факторами, направленная на достижение поставленной цели через подготовку, совершение и сокрытие преступления» [1, с. 225].

В этой связи в контексте криминалистической характеристики способов совершения хищений ГСМ путем присвоения и растраты нас в первую очередь интересует, каким образом был реализован преступный умысел, то есть как преступники смогли завладеть объектом хищения и какова цель распоряжения похищенным.

Следует отметить, что типичные способы хищений ГСМ должностными лицами на транспорте отмечены особой спецификой, характерной для транспортной отрасли, и сложным содержанием. Анализ немногочисленных научных исследований в интересующей нас сфере не позволяет говорить о достаточности теоретической базы и научного обеспечения криминалистического осмысления способов хищения ГСМ путем присвоения и растраты, совершаемых в транспортной отрасли [2, с. 7; 3, с. 81; 4, с. 44]. Однако некоторые способы хищений, отраженные в материалах следственной практики, отличаются своим «межотраслевым» характером, то есть могут быть исследованы с учетом криминалистической характеристики способов хищений, совершаемых в смежных отраслях экономики со сходной организацией финансово-хозяйственной и производственной деятельности [5, с. 257].

Раскрывая типичные способы совершения хищений ГСМ путем присвоения и растраты, следует отметить, что их можно разделить на два вида: оприходованного и неоприходованного имущества [6, с. 64].

Примером хищения оприходованных ГСМ могут быть ситуации, когда количество, например, расходуемых ГСМ искусственно завышается посредством фальсификации бухгалтерской и иной финансовой отчетности: «...систематически совершал присвоение дизельного топлива, принадлежащего «...» и против воли его сотрудников, в свою пользу заправлял пустые канистры дизельным топливом на заправочных станциях «...», оплачивая его при помощи топливных карт. С целью сокрытия совершенного присвоения дизельного топлива и введения в заблуждение сотрудников диспетчерской службы «...», уполномоченных осуществлять контроль расхода топлива, вносил в путевые листы заведомо для него ложные сведения о пройденном километраже, а также сведения об израсходованном объеме дизельного топлива...»⁵.

Примером хищения неоприходованных ГСМ могут быть ситуации, когда излишек ГСМ создается непосредственно в самом производственном или технологическом процессе, который при этом в документах отчетности не учитывается: «... совершил хищение дизельного топлива путем незаконного искусственного создания их излишков в процессе проведения ежедневного технического обслуживания двух агрегатов, числящихся за <...>, работником которой он являлся, с использованием своего служебно-должностного положения, исходя из корыстной и иной личной заинтересованности и с целью получения материальной выгоды...»⁶.

Следует заметить, что актуальное состояние общественных отношений в сфере оборота ГСМ в транспортной отрасли делает весьма затруднительным хищение оприходованных ГСМ, ввиду чего должностные лица, используя полномочия по распоряже-

⁵ Приговор № 1-38/2020 от 15 апреля 2020 г. по делу № 1-38/2020 / Советский районный суд г. Тулы [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.03.2022).

⁶ Приговор № 1-3/2020 от 27 февраля 2020 г. по делу № 1-3/2020 / 5-й гарнизонный военный суд [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 20.03.2022).

нию материальными ценностями, совершают хищение ГСМ до того, как они будут задействованы в производственном процессе.

При этом хищения как оприходованных, так и неоприходованных материальных ценностей в зависимости от способа сокрытия хищения могут быть как открытыми, так и сокрытыми.

Итак, анализ уголовных дел, материалов судебной практики, статистических данных позволил определить в качестве наиболее типичных следующие способы хищений ГСМ:

1. Полное либо частичное неоприходование ГСМ, полученных в довольствующем органе, – данный способ реализуется в условиях профессионально-служебной деятельности, которая связана с приемом, хранением и расходом ГСМ в производственном либо технологическом процессе. Как правило, данный способ используется должностными лицами на транспорте, в чьи административно-хозяйственные и организационно-распорядительные функции в соответствии с занимаемым служебным положением входят полномочия по приему, учету, хранению и расходованию ГСМ. При этом использование данного способа во многом позволяет скрыть следы преступной деятельности посредством предоставления подложных документов финансовой отчетности об израсходованных ГСМ. К числу основных способов сокрытия преступной деятельности в рамках рассматриваемого способа хищения ГСМ следует отнести:

а) отсутствие документальной фиксации поступивших (принятых) из мест хранения ГСМ – например, складов ГСМ, материалов, в результате чего образовывается неучтенный излишек; в таком случае количество поступивших (принятых) ГСМ искусственно занижается;

б) получение ГСМ по фиктивным документам, что является псевдолегальным основанием на приобретение необходимого количества материалов. Как правило, в таких случаях фальсифицированные документы финансовой отчетности, дающие право на получение ГСМ, в дальнейшем уничтожаются либо списываются (если не относятся к материалам строгой отчетности). Как мы можем заметить, данный способ хищения содержит признаки мошеннических действий, что свидетельствует о наличии в действиях лица признаков преступлений, выходящих за рамки состава, предусмотренного ст. 160 УК РФ, что в последующем квалифицируется по совокупности совершенных преступлений.

2. Частичное изъятие полученных ГСМ с последующим документальным сокрытием хищения. Как правило, такой способ хищения ГСМ характерен для промежуточных этапов (транспортировка и хранение) технологического процесса транспортного комплекса. Данный способ при его идентификации указывает на то, что хищение совершено должностными лицами транспортного комплекса, обеспечивающими эксплуатацию транспортных средств посредством транспортировки, хранения и распределения ГСМ. Способ частичного изъятия ГСМ с последующим документальным сокрытием следов хищения, как правило, наиболее применим на этапах транспортировки ГСМ, что в значительной степени должно ориентировать органы предварительного расследования при планировании расследования данной категории преступлений.

3. Изъятие излишков ГСМ, созданных при выдаче материалов со склада потребителям (исполнителям отдельных этапов технологического процесса). Указанный способ также относится к числу скрытых способов хищения ГСМ, который позволяет использовать отдельные упущения в части отпуска ГСМ отдельным сотрудникам (работникам) транспортной инфраструктуры в корыстных преступных целях. Необходимость создания излишков и их дальнейшего изъятия также указывает на то, что данный способ хищения применяется преступниками из числа должностных лиц, ответственных за

отпуск ГСМ. Соккрытие данного способа хищения, как правило, производится посредством следующих операций с документами финансовой отчетности:

а) фальсификация сведений, предоставляемых в расходных ведомостях, относительно списания образовавшегося и изъятого излишка ГСМ;

б) фальсификация сведений, вносимых в отчетную документацию посредством дописок, дорисовок, подчисток, допечаток, травления, смывания, исправлений в сторону завышения объемов расходуемых ГСМ;

в) полная фальсификация документов финансовой отчетности, оставляемых по факту расходования ГСМ, включая бланки, печати и подписи ответственных должностных лиц;

г) соккрытие хищения посредством манипуляций со счетно-измерительными приборами, показывающими большее количество выданных ГСМ, чем в действительности имело место, либо иного обмана при выдаче топлива;

д) соккрытие хищения посредством завышения количества ГСМ, расходуемых в процессе эксплуатации транспортных средств.

4. Изъятие подотчетных ГСМ без последующего документального соккрытия хищения. Данный способ хищения относится к числу открытых и явных способов хищения ГСМ. В таком случае работник транспортной инфраструктуры не производит каких-либо манипуляций, указывающих на присвоение вверенного ему имущества, что, в свою очередь, легко установить в рамках проведения ревизий и сверок отчетной документации. Как правило, выбор данного способа указывает на личность непрофессионального преступника, чья преступная деятельность носит ситуативный и разовый характер.

5. Изъятие ГСМ, незаконно списанных с учета склада ГСМ. Как правило, данный способ хищения связан с фальсификацией данных о естественной убыли тех или иных ГСМ. Дополнительный маскирующий эффект в рамках указанного способа хищения создается в результате, например, аварий техногенного характера на складах ГСМ. При фальсификации данных о естественной убыли используются особенности физико-химического состава отдельных видов ГСМ, а именно – свойства летучести, а также свойства повышенной тягучести некоторых видов масел.

Указанные способы являются наиболее распространенными и подтверждаются материалами следственно-судебной практики по уголовным делам о хищениях ГСМ путем присвоения и растраты должностными лицами на транспорте [7, с. 259-260].

Ввиду того, что способ совершения хищения материальных ценностей путем присвоения и растраты в большинстве случаев включает в себя действия по соккрытию следов преступления, роль специальных знаний в процессе раскрытия и расследования подобного рода преступлений весьма сложно недооценить. Прежде всего, речь идет о возможностях экспертной оценки обстоятельств содеянного в рамках экономических экспертиз. На первоначальном этапе расследования проведение судебно-бухгалтерской экспертизы позволяет в значительной степени детализировать финансово-экономическую составляющую механизма совершения преступления и способствует верной квалификации содеянного. Ввиду того, что предмет судебно-бухгалтерской экспертизы характеризуется объектами, которые определяются конкретной финансово-хозяйственной областью, считаем также необходимым привлечение специалиста, обладающего специальными знаниями в области финансово-отчетной деятельности в конкретной финансово-хозяйственной отрасли, к проведению следственных действий, направленных на обнаружение материальных следов преступления (осмотр места происшествия, обыск, выемка) [8, с. 184]. Данные меры, на наш взгляд, способны сориентировать правоохранительные органы в части выбора методики при расследовании подобного рода преступлений экономической направленности.

В этой связи значение определения способа совершения хищений ГСМ на первоначальном этапе расследования преступления достаточно велико и выражается в следующем:

1) Структура способов совершения хищений ГСМ на транспорте, как правило, сложна и требует действий по подготовке к совершению преступления, а также действий по сокрытию следов преступления, что указывает на необходимость тщательного поиска средств и орудий совершения преступления, а также тщательной проверки отчетности по расходованию ГСМ.

2) Сложные способы совершения хищений ГСМ, как правило, указывают на опосредованность совершения преступления особенностями профессионально-служебной деятельности в рамках той отрасли, для нужд которой используются ГСМ. Иными словами, сложные способы совершения хищений ГСМ указывают на групповой характер преступности с непосредственным или опосредованным участием должностных лиц (либо лиц материально ответственных).

3) Выбор и особенности реализации конкретного способа хищения ГСМ определяются качеством административного управления при осуществлении хозяйственных процессов, что позволяет определить место, время и обстановку совершения хищений ГСМ.

4) Особенности функционирования отрасли, для нужд которой используются ГСМ, позволяют определить круг организационных, финансово-бухгалтерских, экономических, имущественных, технических, технологических средств получения доказательственной информации и т. д.

Таким образом, способы хищений ГСМ путем присвоения и растраты должностными лицами на транспорте могут рассматриваться с точки зрения их уголовно-правового, а также сугубо криминалистически значимого подходов. Необходимость определения конкретного способа хищения ГСМ позволяет сузить круг потенциальных подозреваемых и определить границы поиска орудий и средств совершения преступления. Однако анализ немногочисленных научных исследований по данной тематике не позволяет говорить о достаточности теоретической базы и научного обеспечения криминалистического осмысления способов хищения ГСМ путем присвоения и растраты, совершаемых в транспортной отрасли. Ввиду этого мы можем сделать вывод о необходимости актуализации и дальнейшего исследования способов хищений ГСМ путем присвоения и растраты должностными лицами на транспорте в рамках криминалистической науки как в целях теоретической, так и практической значимости результатов исследования, которые бы выразились в совершенствовании методики расследования подобной группы преступлений.

Список источников

1. Чиненов Е.В., Щукин В.И. Способ совершения экономических преступлений в сфере железнодорожного транспорта // Вестник ВИ МВД России. 2018. № 4. С. 225-230.
2. Бережная Д.Н., Костина О.В. Хищение ГСМ и методы борьбы с ними в автотранспортных организациях // Научная дискуссия: вопросы экономики и управления. 2016. № 4-1 (48). С. 7-15.
3. Бадашин Д.С. Распространённые методы хищения ГСМ и способы их выявления // В мире научных открытий: материалы IV Международной студенческой научной конференции. Ульяновск, 2020. С. 81-84.

4. Кайргалиев Д.В., Васильев Д.В., Мельников И.Н., Никонович С.Л. Криминалистическое исследование нефтепродуктов и горюче-смазочных материалов: учебное пособие. Москва, 2018. 166 с.

5. Хлус А.М., Шумак Г.А. Теоретические основы методики расследования хищений, совершенных должностными лицами с использованием служебных полномочий // Эпомен. 2021. № 51. С. 253-267.

6. Чиненов Е.В., Воронов С.С., Журбенко А.М. Судебная бухгалтерия: учебное пособие. Белгород, 2019. 134 с.

7. Гладкова Е.А. Присвоение и растрата как способ причинения ущерба // Экономическая безопасность: проблемы, перспективы, тенденции развития: материалы V Международной научно-практической конференции. 2019. С. 252-261.

8. Журбенко А.М., Советова М.В. Характеристика типичных способов совершения мошенничества в агропромышленном комплексе // Проблемы информационного обеспечения деятельности правоохранительных органов: сборник статей 6-й Всероссийской научно-практической конференции. 2019. С. 180-185.

References

1. Chinenov E.V., Shchukin V.I. Sposob soversheniya ekonomicheskikh prestuplenij v sfere zheleznodorozhnogo transporta // Vestnik VI MVD Rossii. 2018. № 4. S. 225-230.

2. Berezhnaya D.N., Kostina O.V. Hishchenie GSM i metody bor'by s nimi v avto-transportnykh organizatsiyah // Nauchnaya diskussiya: voprosy ekonomiki i upravleniya. 2016. № 4-1 (48). S. 7-15.

3. Badashin D.S. Rasprostranyonnye metody hishcheniya GSM i sposoby ih vyyavleniya // V mire nauchnykh otkrytij: materialy IV Mezhdunarodnoj studencheskoj nauchnoj konferencii. Ul'yanovsk, 2020. S. 81-84.

4. Kajrgaliev D.V., Vasil'ev D.V., Mel'nikov I.N., Nikonovich S.L. Krimina-listicheskoe issledovanie nefteproduktov i goryuche-smazochnykh materialov: uchebnoe posobie. Moskva, 2018. 166 s.

5. Hlus A.M., Shumak G.A. Teoreticheskie osnovy metodiki rassledovaniya hishchenij, sovershennykh dolzhnostnymi licami s ispol'zovaniem sluzhebnykh polnomochij // Epomen. 2021. № 51. S. 253-267.

6. Chinenov E.V., Voronov S.S., Zhurbenko A.M. Sudebnaya buhgalteriya: uchebnoe posobie. Belgorod, 2019. 134 s.

7. Gladkova E.A. Prisvoenie i rastrata kak sposob prichineniya ushcherba // Ekonomicheskaya bezopasnost': problemy, perspektivy, tendencii razvitiya: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 252-261.

8. Zhurbenko A.M., Sovetova M.V. Harakteristika tipichnykh sposobov soversheniya moshennichestva v agropromyshlennom komplekse // Problemy informacionnogo obespecheniya deyatel'nosti pravoohranitel'nykh organov: sbornik statej 6-j Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. 2019. S. 180-185.

Информация об авторах

Алексей Михайлович Журбенко. Старший преподаватель кафедры криминалистики. Кандидат экономических наук.

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Мария Витальевна Советова. Научный сотрудник отделения организации научно-исследовательской работы научно-исследовательского отдела.
Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина.
308024, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71.

Information about the authors

Aleksej M. Zhurbenko. Senior teacher of the chair of Criminalistics. Candidate of economical sciences.

The Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, st. Gorky 71.

Mariya V. Sovetova. Researcher of the Group of Organization of Research work of the Research Department.

The Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin.

308024, Russia, Belgorod, st. Gorky 71.

Статья поступила в редакцию 26.02.2022; одобрена после рецензирования 10.03.2022; принята к публикации 25.03.2022.

The article was submitted February 26, 2022; approved after reviewing March 10, 2022;
accepted to the writing of the article for publication March 25, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК 341.1

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВИДЕО-КОНФЕРЕНЦ-СВЯЗИ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ: УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Сергей Леонидович Емельянов¹, Владимир Владимирович Конин², Евгения Владимировна Марьина³

¹Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины, Гомель, Республика Беларусь, criminalchair@gsu.by

²Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия, vkonin.kld@yandex.ru

³Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева, Самара, Россия, urclin@yandex.ru

Аннотация. Информационные технологии позволяют сократить время расследования и избежать необоснованного затягивания расследования в случае нахождения того или иного участника в другом регионе, в том числе в местах лишения свободы. В соответствии с общемировой тенденцией цифровизации общества на законодательном уровне в последние годы была закреплена возможность применения видеотехнологий в уголовном судопроизводстве.

Вместе с тем использование видео-конференц-связи на стадии предварительного расследования при проведении допроса, очной ставки и опознания ставит ученых-криминалистов и правоприменителя перед необходимостью разработки новых тактических приемов производства этих следственных действий, а также переоценки существующего порядка их производства и исследования полученных результатов.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, видео-конференц-связь, тактический прием, следователь, следственные действия

Для цитирования: Емельянов С. Л., Конин В. В., Марьина Е. В. Использование видео-конференц-связи при производстве следственных действий в Российской Федерации и Республике Беларусь: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 181-191.

THE USE OF VIDEOCONFERENCING IN THE PRODUCTION OF INVESTIGATIVE ACTIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION AND THE REPUBLIC OF BELARUS: CRIMINAL PROCEDURAL AND CRIMINALISTIC ASPECTS

Sergey L. Emelyanov¹, Vladimir V. Konin², Evgeniya V. Maryina³

¹Gomel State University named after Francysk Skaryna, Gomel, Republic of Belarus, criminalchair@gsu.by

²North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russia, vkonin.kld@yandex.ru

³Samara National Research University named after S.P. Korolev, Samara, Russia, urclin@yandex.ru

Abstract. Information technologies make it possible to shorten the investigation time and avoid unjustified dilation of the investigation if a participant is located in another region, including places of custody. In accordance with the global trend of digitalization of society, the possibility of using video technologies in criminal proceedings has been fixed at the legislative level in recent years.

At the same time, the use of videoconferencing at the stage of preliminary investigation during interrogation, confrontation and identification puts forensic scientists and law enforcement officers in front of the need to develop new tactics for the production of these investigative actions, as well as reassess the existing procedure for their production and research of obtained results.

Keywords: criminal proceedings, videoconferencing, tactical technique, investigator, investigative actions

For citation: Emelyanov S. L., Konin V. V., Maryina E. V. The use of videoconferencing in the production of investigative actions in the Russian Federation and the Republic of Belarus: criminal procedural and criminalistic aspects // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 181-191.

Вопросы использования цифровых технологий, в частности видео-конференц-связи, в различных видах судопроизводства, в том числе и в уголовном судопроизводстве, обсуждаются достаточно длительное время [1, с. 11; 2, с. 52; 3, 92; 4, с. 101; 5, с. 902; 6, с. 49; 7, с. 88; 8, с. 35].

В то же время, принимая во внимание особенность уголовного судопроизводства, где цена следственной либо судебной ошибки может быть слишком велика [9], законодатель постепенно осуществлял нормативное закрепление возможности использования систем видео-конференц-связи, сначала допуская ее применение при рассмотрении вопросов, не связанных с собиранием доказательств и формированием доказательственной базы, например, при рассмотрении вопросов территориальной подсудности (ч. 6 ст. 35 УПК РФ), при допросе в судебном заседании потерпевшего и свидетеля (ч. 4 ст. 240 УПК РФ), при допросе подсудимого, в случае необходимости обеспечения безопасности участников процесса (ч. 6.1 ст. 241 УПК РФ), при заслушивании последнего слова подсудимого (ч. 1 ст. 293 УПК РФ). Таким образом, можно констатировать, что достаточный опыт применения видео-конференц-связи у российских судей к настоящему времени сформировался [10, с. 66-73].

Вместе с тем набравшая силу пандемия COVID-19 заставила ускорить решение вопроса использования видеотехнологий при собирании доказательств [11, с. 127; 12, с. 545; 13, с. 96].

30 декабря 2021 года в Российской Федерации вступил в силу Федеральный закон № 501-ФЗ¹, которым в УПК РФ была введена статья 189¹ «Особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видео-конференц-связи». С этого момента было легализовано применение видео-конференц-связи при проведении отдельных следственных действий. Но одновременно с этим перед правоприменителем возникли вопросы, которые требуют осмысления и разрешения.

¹ О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон Рос. Федерации от 30.12.2021 г. № 501-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

В ст. 189¹ УПК РФ закреплено, что допрос, очную ставку и опознание можно проводить с помощью систем видео-конференц-связи государственных органов. В настоящее время отсутствует государственная платформа, на которой можно проводить эти следственные действия, а ведомственный видеоканал не предназначен для вышеуказанных целей. Следователи (дознаватели) используют собственные средства сотовой связи, доступные мессенджеры и имеющиеся в доступе платформы, при этом последние должны быть российскими, например, TrueConf, Dialog. При разработке государственной платформы необходимо предусмотреть возможность не только видеозаписи проводимого следственного действия, но и скачивания имеющейся видеозаписи. Объем файла должен быть не более 5 ГБ, так как стандартный DVD-диск имеет максимальный объем до 7 ГБ, иначе необходимо использовать USB-флэш-накопитель. Однако при наличии нескольких видеозаписей большого объема хранение файлов все равно будет затруднено, равно как и их оперативное скачивание. Поэтому должна быть предусмотрена возможность сжатия итогового видеофайла. Еще должен существовать защищенный канал интернет-связи, а для входа на сервер для просмотра сохраненных видеозаписей смену пароля желательно проводить не реже чем раз в три месяца.

Вместе с тем производство следственного действия с использованием видео-конференц-связи может иметь технические сложности: слабая скорость передачи данных (поэтому скорость Интернета должна быть не менее 15 Мб в секунду); большое количество устройств, подключенных к роутеру; повышенная нагрузка на сети провайдера; наличие вирусов или вредоносных программ; недостаточные системные возможности компьютера. Необходима видеокамера с автофокусом и высоким разрешением, микрофон, должно быть антивирусное программное обеспечение, операционная система отечественной разработки и т. д.

На постсоветском пространстве возможность производства отдельных следственных действий с помощью видео-конференц-связи закреплена в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых государств (в Республике Казахстан допускается проведение дистанционного допроса; в Республике Киргизия можно проводить допрос и опознание с использованием видео-конференц-связи).

В Республике Беларусь на нормативном уровне возможность использования видео-конференц-связи (веб-конференции) при проведении отдельных следственных и судебных действий была закреплена в связи с принятием Закона от 5 января 2016 г. «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Так, в частности, на стадии предварительного расследования с использованием видео-конференц-связи допускается проведение допроса, очной ставки и предъявления для опознания (ст. 224¹ УПК РБ), а на стадии судебного разбирательства – допрос и опознание (ст. 343¹ УПК РБ).

В Республике Киргизия основаниями для проведения дистанционного допроса являются: невозможность участия в следственном действии по состоянию здоровья или другой уважительной причине; в целях обеспечения безопасности лица при рассмотрении дела в суде.

В Республике Беларусь в качестве дополнительного основания указывается несовершеннолетие участника следственного действия и необходимость обеспечения быстрого, всестороннего и объективного исследования обстоятельств уголовного дела.

В Республике Казахстан основания такие же, как и в Республике Беларусь, дополнительно учитывается тот факт, что допрос будет затруднен или связан с излишними затратами.

В Российской Федерации перечень оснований для проведения допроса, очной ставки и опознания в уголовно-процессуальном законе отсутствует, следовательно самостоятельно и по своему внутреннему убеждению определяет целесообразность исполь-

зования видео-конференц-связи. При этом необходимо обратить внимание на допрос несовершеннолетнего с помощью видео-конференц-связи. Возникает вопрос о возможности допроса несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, если он или его законный представитель против проведения видеозаписи. В ч. 5 ст. 191 УПК РФ указано, что в таких случаях видеозапись не проводится, эта статья имеет приоритет по отношению к ст. 189¹ УПК РФ, так как в последней указано, что следственные действия с применением видео-конференц-связи проводятся с соблюдением правил, предусмотренных в главе 26 УПК РФ.

В Республике Беларусь в досудебном производстве, в рассматриваемом порядке указанные выше следственные действия могут быть проведены с участием только потерпевшего и свидетеля. Применительно к судебному производству круг соответствующих субъектов не ограничен. В Казахстане и Киргизии также дистанционный допрос проводится с потерпевшим и свидетелем. В Российской Федерации допросить можно любого участника уголовного судопроизводства.

Справедливым представляется мнение, согласно которому отсутствуют причины «ограничивать орган, ведущий уголовный процесс, в возможности проведения процессуальных действий с использованием видео-конференц-связи, в зависимости от процессуального статуса участвующих в нем лиц. Главное, чтобы при этом выполнялось требование части 4 статьи 224¹ УПК и части 3 статьи 343¹ УПК Республики Беларусь об обеспечении возможности реализации участниками процессуального действия их прав и исполнения обязанностей» [14, с. 171].

Согласно российскому уголовно-процессуальному закону следователь (дознатель), проводящий расследование, направляет следователю, дознавателю или в орган дознания по месту нахождения лица, участие которого в следственном действии признано необходимым, письменное поручение об организации участия данного лица в следственном действии. Следователь обладает процессуальной самостоятельностью, поэтому поручение должно направляться руководителю следственного органа или начальнику подразделения дознания, который с учетом знаний о специализации следователя (дознателя) и их загруженности должен направить поручение конкретному следователю (дознателю) для исполнения.

В Республике Беларусь, в отличие от Российской Федерации, правом проведения следственных действий с использованием видео-конференц-связи (веб-конференции) наделен только следователь. Белорусские ученые-юристы обосновывают необходимость предоставления такого права лицу, производящему дознание [15, с. 51-52; 2, с. 171]. Мы полностью разделяем данную точку зрения. При этом следует особо подчеркнуть, что в силу ч. 1 ст. 186 УПК Республики Беларусь допрос потерпевших и свидетелей, предъявление для опознания относятся к числу неотложных следственных действий, которые могут проводиться в ходе дознания по возбужденному уголовному делу до его передачи следователю.

Вопрос составления протокола также неодинаково решается в вышеуказанных государствах. В Республике Беларусь, Киргизии и Казахстане протокол составляется по месту нахождения допрашиваемого, который затем направляется лицу, проводящему расследование, в то время как в Российской Федерации протокол следственного действия находится у следователя, проводящего следственное действие. Вместе с тем у участников следственного действия, находящихся вне места производства предварительного расследования, должна быть взята подписка. Подписка должна быть в течение 24 часов направлена следователю, проводящему следственное действие, а также документы, материалы, приобщенные к ней, и ордер адвоката. Направляется ли она обычной почтой или достаточно отсканированных документов – в уголовно-процессуальном

законе не сказано. На сегодняшний день нет единства в правоприменительной практике по оформлению протокола. Встречаются варианты, когда подписка сканируется и отправляется по электронной почте; когда подписка отправляется обычной почтой; когда присутствуют в материалах уголовного дела два протокола с оригинальными подписями, один из которых отправлялся почтой; когда протокол по месту проведения предварительного расследования подписывается, сканируется, отправляется по месту нахождения участников следственного действия, затем подписывается отсканированный ранее документ и уже снова сканируется и отправляется обратно следователю. Как представляется, в материалах дела должен быть один протокол, поэтому оптимальный вариант – отправка скана подписки по электронной почте, однако ведомственная электронная почта предусматривает возможность отправки только текстовых файлов, а значит, в таком случае следователь отправку документа будет проводить с личной электронной почты, которая не является надежным каналом связи, или по обычной почте – что увеличивает время оформления материалов уголовного дела.

Место проведения следственного действия также имеет немаловажное значение; кабинет следователя, в котором находится несколько следователей, для этого не подходит, необходимо отдельное помещение для проведения допроса, очной ставки и опознания с использованием видео-конференц-связи.

В Российской Федерации применение видеозаписи в ходе рассматриваемых следственных действий обязательно. Ведение видеозаписи имеет неоспоримые достоинства: минимизация процессуальных нарушений, точное и неукоснительное соблюдение процедуры следственного действия, фиксация всех действий со стороны всех участников, в том числе и адвоката. Как показывает практика, видеофиксация следственного действия дисциплинирует всех участников. Более того, ее можно будет позднее просмотреть и обратить внимание на признаки дачи недостоверной информации (как вербальные, так и невербальные) у допрашиваемого, на которые изначально следователь не обратил внимание; также можно привлечь специалиста-психолога, который поможет с расшифровкой языка тела допрашиваемого и распознаванием лжи в случае выявления факта противодействия установлению всех обстоятельств, о которых извещен допрашиваемый.

Рассмотрим дополнительные процессуальные особенности проведения предъявления для опознания с использованием видео-конференц-связи (веб-конференции).

Прежде всего, отметим, что предъявление для опознания лиц и (или) объектов дистанционно производится в общем порядке, но с учетом требований, изложенных в ст. 189¹ УПК РФ. В Российской Федерации нормативно не закреплён порядок проведения опознания с помощью видео-конференц-связи на стадии судебного разбирательства. В то же время закон не содержит прямого запрета на проведение этого следственного действия судьей.

Этим интересен опыт Республики Беларусь, где в ст. 343¹ уголовно-процессуального закона предусмотрена возможность проведения опознания с помощью видео-конференц-связи на стадии судебного разбирательства. В этом случае поручение направляет суд, рассматривающий уголовное дело, в суд, по месту нахождения которого проводится опознание.

Важнейшими требованиями, предъявляемыми к рассматриваемой процедуре, являются обеспечение реализации участником уголовного процесса своих прав и обязанностей, а также обеспечение надлежащего качества изображения и звука.

Должностное лицо, исполняющее поручение следователя об оказании содействия, должно: находиться с опознающим до окончания проведения следственного действия; фиксировать ход и результаты следственного действия и проводить видеозапись; при наличии соответствующих ходатайств воспроизводить видеозапись участникам;

составлять протокол следственного действия и отправлять его следователю для приобщения к материалам уголовного дела.

Секретарю судебного заседания (помощнику судьи) суда, по месту нахождения которого проводится опознание, вменяется в обязанность: нахождение с опознающим; получение у потерпевшего, свидетеля подписки, где указывается, что им разъяснены их обязанности и ответственность; незамедлительное после окончания опознания направление подписки и представленных потерпевшим, свидетелем документов председательствующему в судебном заседании судье.

Ход и содержание дистанционного опознания, осуществляемого в рамках судебного следствия, фиксируются в протоколе судебного заседания и на электронном носителе информации, который, в свою очередь, подлежит приобщению к указанному протоколу.

В то же время современной процессуальной регламентации использования видео-конференц-связи (веб-конференции) при проведении отдельных следственных и судебных действий присущи отдельные недостатки:

1. Что касается проведения следственных действий с участием несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего, то место нахождения психолога и (или) педагога при допросе на законодательном уровне не урегулировано. В связи с тем, что данные участники необходимы для установления успешной коммуникации между несовершеннолетним и следователем, то желательно, чтобы они находились по месту нахождения участника допроса.

2. В ст. 189¹ УПК РФ и ст. 224¹ УПК РБ отсутствует указание на то, где должны находиться понятые при предъявлении для опознания в дистанционной форме. «В этой связи целесообразно руководствоваться положениями ч. 8 ст. 193 УПК РФ или ч. 10 ст. 224 УПК РБ, согласно которым в случае предъявления лица для опознания в условиях, исключающих визуальное наблюдение опознаваемым опознающего, понятые должны находиться в месте нахождения опознающего» [16, с. 72].

3. Остается также открытым вопрос о месте нахождения представителя потерпевшего, адвоката свидетеля, переводчика.

Следователь стоит перед выбором: провести самому следственное действие с использованием видео-конференц-связи или вызвать участника к себе повесткой либо поручить производство следственного действия следователю по месту нахождения участника. Решая вопрос формата проведения следственного действия, следователь должен учитывать:

1. Особенности протекания познавательных процессов в дистанционном формате.

В первую очередь это касается восприятия, которое может быть зрительным, слуховым, осязательным и обонятельным. Следователь должен иметь возможность наблюдать за психологическим состоянием участника следственного действия, его реакцией на изменение ситуации. Следователь должен иметь возможность наблюдать физиологические, вербальные и невербальные сигналы, исходящие от допрашиваемого. Сложнее всего через экран монитора наблюдать за физиологическими реакциями у человека: изменение цвета кожи, учащение или замедление дыхания, потоотделение, слюноотделение, учащенное моргание, голосовые характеристики. Усугубляется это еще и тем, что при дистанционном общении могут быть технические неполадки: искажение звука, наличие посторонних фоновых звуков, искажение видеосигнала, низкое качество картинки. Целостность восприятия также отсутствует, следователь не видит, в какой позе сидит допрашиваемый; ограничен в наблюдении его движений, мимики.

При технических сбоях, когда видеоконференция прерывается, необходимо удерживать в сознании то, что было сказано допрашиваемым ранее, а также помнить о том, какие реакции допрашиваемого заставили следователя усомниться в правдивости показаний. Возникающая необходимость устранять технические неполадки и восстанавливать видеосвязь распределяет внимание следователя. Способность быстро ориентироваться в изменяющейся обстановке позволит следователю легко переключить внимание. Также при видео-конференц-связи сложнее удерживать внимание, дистанционный допрос требует повышенной концентрации внимания: 4 часа для проведения дистанционного допроса слишком много.

Решить вышеуказанные проблемы можно только при активном взаимодействии следователя, проводящего предварительное расследование, со следователем, находящимся с участником следственного действия. Уже на этапе подготовки к допросу и очной ставке необходимо со вторым следователем установить доверительные отношения, его необходимо ознакомить с теми задачами, которые поставил перед собой следователь, проводящий предварительное расследование; предоставить вопросы, которые будут заданы допрашиваемому, особенно это касается контрольных вопросов, которые необходимы для оценки правдивости сообщенных допрашиваемым сведений. Следователь, находящийся с участником следственного действия, должен фиксировать реакции допрашиваемого при ответе, особенно на контрольные вопросы. В противном случае следственное действие с использованием видео-конференц-связи может быть проведено формально, для того чтобы в материалах уголовного дела имелся протокол выполненного следственного действия.

2. Особенности коммуникативной деятельности при использовании технологий удаленного общения.

Перечисленные в ст. 189¹ УПК РФ следственные действия относятся к вербальным [17, с. 62; 18, с. 100]. Коммуникативная компетентность следователя основана на знании юридической психологии по установлению и развитию контакта при непосредственном взаимодействии участников; большинство приемов криминалистической тактики при производстве вербальных следственных действий были рассчитаны на непосредственное взаимодействие следователя и других участников проводимого следственного действия. Основным содержанием допроса и очной ставки является психологическое воздействие следователя на допрашиваемых. В дистанционном формате сложно установить: психологический контакт с допрашиваемым, доверительную атмосферу допроса, также не задействована пространственная форма общения, когда следователь выбирает место и дистанцию, на которой будет находиться по отношению к допрашиваемому.

В каких случаях уместно использовать видео-конференц-связь вместо живого общения, пусть и опосредованно, через следователя, которому поручено проводить следственное действие по месту нахождения участников? Ведь слабая подготовка следователя как инициатора производства следственного действия посредством видео-конференц-связи, так и следователя, участвующего непосредственно в месте производства следственного действия, вмешательство адвоката-защитника в ход производства следственного действия посредством видео-конференц-связи могут нивелировать результаты проведенного следственного действия.

Поэтому обратим внимание на то обстоятельство, что следственные действия могут проводиться как в конфликтной, так и в безконфликтной ситуации. Конфликт, как известно, включает в себя наличие противоречий между субъектами, их противодействие и наличие негативных эмоций по отношению друг к другу. На первый взгляд может показаться, что при проведении допроса, очной ставки с помощью видео-конференц-связи положительный результат может быть достигнут только в случае

производства следственного действия в безконфликтной ситуации. Однако в этом случае наиболее эффективным будет направление поручения следователю на проведение следственного действия самостоятельно. Использовать видео-конференц-связь в такой ситуации лучше при проведении повторного или дополнительного допроса, когда у следователя остались вопросы или он хочет лично посмотреть на реакцию допрашиваемого.

Что касается очной ставки, которая проводится для устранения существенных противоречий, то при наличии деструктивного конфликта применение видео-конференц-связи нецелесообразно. В целом же, именно проведение очной ставки с помощью видео-конференц-связи способно минимизировать расходы на проведение следственного действия, в том числе – финансовые затраты. Одна из проблем – наличие разных часовых поясов, где проводятся следственные действия (когда в Калининграде 10.00 – в Южно-Сахалинске уже 19.00), поэтому проведение очной ставки может быть попросту невозможно.

Подводя итоги, укажем, что использование видео-конференц-связи дает большое количество положительных моментов, один из основных – возможность производства допроса, опознания и очной ставки с участием лиц, находящихся не в месте производства следственного действия (другой город, другой регион), в том числе – в местах лишения свободы (следственный изолятор, исправительная колония). Это позволяет экономить время и денежные средства на доставку лица для участия в следственных действиях, что прямым образом может отразиться на сроке расследования уголовного дела.

Однако при выборе дистанционного формата проведения допроса, очной ставки и опознания следователю необходимо быть уверенным в целесообразности принятого решения; при малейших сомнениях в возможности достижения результата лучше поручить производство следственного действия следователю по месту нахождения участников.

Список источников

1. Решетняк В.И. Видео-конференц-связь в гражданском и арбитражном процессе: проблемы и перспективы // Арбитражный и гражданский процесс. 2012. № 10. С. 11-15.
2. Шилов А.В. Видео-конференц-связь в арбитражном процессе: теоретико-прикладной аспект // Вестник Федерального арбитражного суда Уральского округа. 2013. № 2 (26). С. 50-60.
3. Поликарпов Б.А. Видео-конференц-связь как современный способ преодоления противодействия уголовному преследованию // Уголовная юстиция. 2014. № 1 (3). С. 91-93.
4. Кружалова А.В. Видео-конференц-связь в арбитражном судопроизводстве России: возникновение и развитие института // Журнал научных и прикладных исследований. 2016. № 12 (47). С. 100-102.
5. Гелиева И.Н. Применение видео-конференц-связи в деятельности судов общей юрисдикции // Инновации. Наука. Образование. 2021. № 47. С. 900-904.
6. Казакова А.В. Возможности применения видео-конференц-связи в уголовном процессе // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2019. № 3 (25). С. 48-53.
7. Марковичева Е.В. Использование видео-конференц-связи в российском уголовном процессе // Российское правосудие. 2019. № 7. С. 88-93.

8. Качалов В.И., Качалова О.В. Об использовании видео-конференц-связи в судебном производстве по уголовным делам // Российский судья. 2017. № 12. С. 34-38.
9. Китаев Н.Н. Неправосудные приговоры к смертной казни: системный анализ допущенных ошибок. М.: Юридический Центр Пресс, 2004. 388 с.
10. Шалумов М.С. Рассмотрение уголовного дела с использованием систем видео-конференц-связи в условиях ограничительных мер // Уголовный процесс. 2021. № 7. С. 66-73.
11. Смахтин Е.В. Некоторые вопросы принятия судебных решений в условиях пандемии // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2021. № 2 (125). С. 127-130.
12. Смахтин Е.В., Смирнова И.Г. Особенности информатизации уголовного процесса в условиях пандемии: новые вызовы // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. Т. 12. № 3. С. 544-554.
13. Смахтин Е.В. Использование в условиях пандемии цифровых коммуникационных технологий как способ повышения эффективности правосудия // Юридический вестник Самарского университета. 2021. № 1. Т. 7. С. 95-101.
14. Матвейчев Ю.А. Уголовно-процессуальное регулирование использования систем видео-конференц-связи при проведении процессуальных действий // Вестник Полоцкого государственного университета. Серия D. Экономические и юридические науки. 2019. № 6. С. 170-174.
15. Шкаплеров Ю.П. Проведение следственных действий с использованием систем видео-конференц-связи в уголовном процессе Республики Беларусь // Предварительное расследование. 2017. № 2. С. 49-54.
16. Следственные действия: пособие / Шкаплеров Ю.П., Данько И.В. Могилев: Могилев. институт МВД, 2016. 108 с.
17. Зинин А.М., Россинский С.Б. Особенности вербального способа познания в уголовном судопроизводстве // Правовая культура. 2013. № 2 (15). С. 61-69.
18. Россинский С.Б. Гносеологические проблемы разграничения вербального и невербального способов познания в уголовном судопроизводстве // Философия права. 2021. № 2 (97). С. 99-106.

References

1. Reshetnyak V.I. Videoconferencing in the civil and arbitration process: problems and prospects // Arbitration and civil process. 2012. No. 10. S. 11-15.
2. Shilov A.V. Videoconferencing in the arbitration process: theoretical and applied aspect // Bulletin of the Federal Arbitration Court of the Ural District. 2013. No. 2 (26). S. 50-60.
3. Polikarpov B.A. Videoconferencing as a modern way of overcoming counteraction to criminal prosecution // Criminal Justice. 2014. No. 1 (3). S. 91-93.
4. Kruzhhalova A.V. Videoconferencing in arbitration proceedings in Russia: the emergence and development of the Institute // Journal of Scientific and Applied Research. 2016. No. 12 (47). S. 100-102.
5. Gelieva I.N. The use of videoconferencing in the activities of courts of general jurisdiction // Innovations. The science. Education. 2021. No. 47. S. 900-904.
6. Kazakova A.V. Possibilities of using videoconferencing in criminal proceedings // Siberian criminal procedural and criminalistic readings. 2019. No. 3 (25). S. 48-53.
7. Markovicheva E.V. The use of videoconferencing in the Russian criminal process // Russian justice. 2019. No. 7. S. 88-93.

8. Kachalov V.I., Kachalova O.V. On the use of video conferencing in criminal proceedings // Russian Judge. 2017. No. 12. S. 34-38.
9. Kitaev N.N. Unjust death sentences: a systematic analysis of mistakes made. Moscow: Law Center Press, 2004. 388 s.
10. Shalumov M.S. Consideration of a criminal case using videoconferencing systems in conditions of restrictive measures // Criminal process. 2021. No. 7. S. 66-73.
11. Smakhtin E.V. Some issues of judicial decision-making in the context of a pandemic // Izvestiya Gomel State University named after F. Skoriny. 2021. No. 2 (125). S. 127-130.
12. Smakhtin E.V., Smirnova I.G. Features of informatization of the criminal process in a pandemic: new challenges // Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2021. Vol. 12. No. 3. S. 544-554.
13. Smakhtin E.V. The use of digital communication technologies in the conditions of a pandemic as a way to increase the effectiveness of justice // Legal Bulletin of Samara University. 2021. No. 1. Vol. 7. S. 95-101.
14. Matveichev Yu.A. Criminal procedural regulation of the use of videoconferencing systems during procedural actions // Bulletin of the Polotsk State University. Series D. Economic and legal sciences. 2019. No. 6. S. 170-174.
15. Shkaplerov Yu.P. Conducting investigative actions using videoconferencing systems in the criminal process of the Republic of Belarus // Preliminary investigation. 2017. No. 2. S. 49-54.
16. Sledstvennye dejstviya: posobie / Shkaplerov YuP., Dan'ko I.V. Mogilev: Mogilev. institut MVD, 2016. 108 s.
17. Zinin A.M., Rossinsky S.B. Features of the verbal method of cognition in criminal proceedings // Legal culture. 2013. No. 2 (15). S. 61-69.
18. Rossinsky S.B. Epistemological problems of differentiation of verbal and "nonverbal ways of cognition in criminal proceedings // Philosophy of Law. 2021. No. 2 (97). S. 99-106.

Информация об авторах

Сергей Леонидович Емельянов. Заведующий кафедрой уголовного права и процесса. Кандидат юридических наук, доцент.

Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины.
246028, Республика Беларусь, г. Гомель, ул. Кирова, д. 119.

Владимир Владимирович Конин. Доцент кафедры уголовно-процессуального права. Кандидат юридических наук, доцент.

Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия.

197198, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Александровский парк, д. 5.

Евгения Владимировна Марьина. Доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Юридического института. Кандидат юридических наук, доцент.

Самарский национальный исследовательский университет им. академика С.П. Королева.

443086, Россия, г. Самара, ул. Академика Павлова, д. 1, к. 24.

Information about the authors

Sergey L. Emelyanov. Head of the chair of Criminal Law and Procedure. Candidate of legal sciences, associate professor.

Gomel State University named after Francysk Skaryna.
246028, Republic of Belarus, Gomel, st. Kirova 119.

Vladimir V. Konin. Assistant professor of the chair of Criminal Procedure Law. Candidate of legal sciences, associate professor.

Northwest Branch of the Russian State University of Justice (St. Petersburg).
197198, Russia, St. Petersburg, st. Alexandrovsky Park 5.

Evgeniya V. Maryina. Assistant professor of the chair of Criminal Procedure and Criminalistics of Law Institute. Candidate of legal sciences, associate professor.

Samara National Research University named after academician S.P. Korolev.
443086, Russia, Samara, st. Akademika Pavlova 1, b. 24.

Статья поступила в редакцию 14.04.2022; одобрена после рецензирования 29.04.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted April 14, 2022; approved after reviewing April 29, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 20, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК 343.9

ПРИМЕНЕНИЕ АНАЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕДУР ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ ПО ДЕЛАМ ОБ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Светлана Анатольевна Лукьянчикова

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, lukyanchikova.76@mail.ru

Аннотация. В данной статье актуализируются вопросы методики проведения финансово-экономических экспертиз при расследовании преступлений экономической направленности, с точки зрения применения аналитических процедур. Автор рассматривает различные позиции ученых относительно организации хода проведения данного рода экспертизы. Акцентируется внимание на конкретных аналитических методах и приемах, наиболее часто встречающихся в экспертной деятельности, характеризуется сущность финансово-экономической экспертизы и ее аналитических процедур в уголовно-процессуальном поле, а также доказательственное значение заключения эксперта. На основе анализа проблемных аспектов, связанных с недостатками методического сопровождения, делаются выводы о необходимости создания единой методических рекомендаций для осуществления исследований финансово-экономической экспертизы.

Ключевые слова: экспертиза, судебно-экспертная деятельность, финансово-экономическая экспертиза, финансы, аналитические процедуры

Для цитирования: Лукьянчикова С. А. Применение аналитических процедур при проведении финансово-экономической экспертизы по делам об экономических преступлениях // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 192-201.

APPLICATION OF ANALYTICAL PROCEDURES IN CONDUCTING FINANCIAL AND ECONOMIC EXPERTISE IN CASES OF ECONOMIC CRIMES

Svetlana A. Lukyanchikova

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia,
lukyanchikova.76@mail.ru

Abstract. This article updates the issues of the methodology of financial and economic expertise in the investigation of crimes of economic orientation, from the point of view of the application of analytical procedures. The author considers various positions of scientists regarding the organization of the course of this kind of examination. The attention is focused on specific analytical methods and techniques that are most often found in expert activity, the essence of financial and economic expertise and its analytical procedures in the criminal procedure field, as well as the evidentiary value of the expert's conclusion are characterized. Based on the analysis of problematic aspects related to the shortcomings of methodological support, conclusions are drawn about the need to create a unified methodological recommendations for the implementation of financial and economic expertise studies.

Keywords: expertise, financial and economic expertise, finance, analytical procedures

For citation: Lukyanchikova S. A. Application of analytical procedures in conducting financial and economic expertise in cases of economic crimes // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 192-201.

Субъекты экономической деятельности в нашей стране находятся в постоянной конкуренции за существование, за получение прибыли и выхода на новые ниши рынка [1, с. 94]. Вследствие рыночного влияния на экономическую деятельность формируются определенные инструменты, которые разрешают диагностировать возможную опасность или потенциальную выгоду в зависимости от принятия управленческого решения.

Развитие экономических отношений, трансформация собственности, усложнение финансово-хозяйственной деятельности в условиях рыночной экономики повышает необходимость защиты указанных общественных отношений с помощью уголовно-правовых и уголовно-процессуальных механизмов. Преступления экономической направленности характеризуются сложностью самого механизма проведения, ведь зачастую они совершаются путем фальсификации данных об экономической деятельности хозяйствующего субъекта через соответствующие документы финансовой отчетности. В этой связи, при расследовании преступлений экономической направленности возрастает роль финансово-экономической экспертизы.

Финансово-экономическая экспертиза (ФЭЭ) – метод, который представляет собой комплексную деятельность компетентных должностных лиц (экспертов), которые используют совокупность юридических и экономических познаний для решения вопроса, касающихся экономического состояния контролируемого предприятия. В данном случае эксперты работают не только с отчетной финансовой документацией, но и, например, с уставной документацией контролируемого объекта. Например, ФЭЭ может ответить на вопрос о соответствии финансового состояния в документации предприятия его фактическому финансовому состоянию.

В экономической литературе описаны различные методы и приемы организации проведения финансово-экономической экспертизы деятельности экономического субъекта. В основе экономической экспертизы лежит методика исследования, которая подбирается по каждому случаю индивидуально. Естественно, что ключевую роль здесь играют именно аналитические процедуры.

Многие авторы, экономисты и правоведы, в том числе Н.А. Никифорова и Г.В. Савицкая, в своих работах отмечают, что в экспертных учреждениях нет единого методического подхода и унифицированных экспертных методик, разработанных с учетом особенностей назначения экспертизы [1, с. 98]. Таким образом, ученые – А.В. Кокин, Ю.С. Кириллов, В.С. Гусев, А.В. Фетодов и др. на протяжении последних лет занимались решением проблем и созданием аналитических процедур и методов организации проведения финансово-экономической экспертизы [2, с. 104].

Рассмотрим распространенные методические подходы к организации проведения финансово-экономической экспертизы деятельности экономического субъекта приведены на рис. 1 [3, с. 408].

Рисунок 1. Подходы к организации проведения финансово-экономической экспертизы

Эксперт, который проводит финансово-экономическую экспертизу должен самостоятельно выбрать метод экспертного исследования [4, с. 102]. Но при этом эксперт обязан учитывать объективные, субъективные условия производства исследования, специфику вида экономической деятельности, поставленные на разрешение вопросы, а также полноту представленных материалов.

Основным методом финансово-экономической экспертизы является метод финансово-экономического анализа. Аналитическая работа может быть организована на нескольких этапах.

Этапы и характер проводимых экспертных процедур и приемов при использовании метода финансово-экономического анализа сгруппированы нами и представлены в таблице 1.

Этап	Наименование	Цель этапа	Контрольные процедуры и приемы
	Экспресс-анализ финансово-хозяйственной деятельности	Предварительная оценка финансового состояния организации на основе ограниченного перечня показателей в динамике	Визуальная и расчетная проверка отчетности по формальным признакам, проверка валюты баланса и взаимной увязки показателей, подбор основных показателей финансового состояния в зависимости от непосредственных целей исследования

2	Расчет и анализ основных показателей финансового состояния предприятия в динамике	Предварительная оценка результатов деятельности организации и ее финансового состояния	Оценка экономического потенциала организации, общих результатов хозяйственной деятельности, эффективности использования экономического потенциала, общая оценка финансового состояния субъекта, оценка динамичности и пропорциональности развития
3	Оценка и анализ экономического потенциала организации	Комплексный финансово-экономический анализ	Экспресс-анализ, детализированный анализ, сопоставление полученных результатов и сделанных выводов, установление причинно-следственных связей экономических и финансовых показателей

Таблица 1. Этапы и характер проводимых экспертных процедур и приемов при использовании метода финансово-экономического анализа

Для обеспечения полноты и достоверности экспертного заключения при выполнении всех указанных в таблице этапов финансово-экономической экспертизы методом финансово-экономического анализа необходимо:

- в документах, содержащих анализ финансового состояния организации необходимо фиксировать все данные, которые будут использоваться для оценки ее платежеспособности;
- в ходе финансового анализа необходимо использовать только документально подтвержденные данные;
- все заключения, расчеты и выводы должны основываться на собранных экспертом материалах.

При этом при подготовке документов для финансово-экономической экспертизы следует обращать внимание на сопоставимость периода исследования и периода действия предоставляемых локальных нормативных актов организации.

К экономической литературе выделяют ряд требований к методам организации проведения финансово-экономической экспертизы деятельности экономического субъекта. На рисунке 2 показаны ключевые из них.

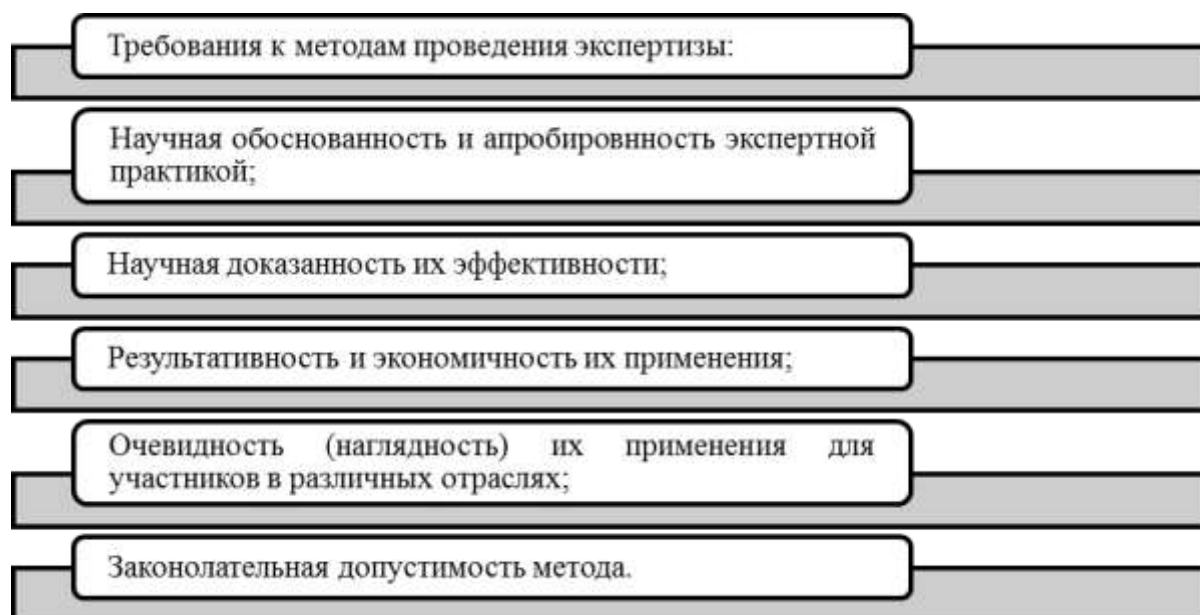

Рисунок 2. Требования к методам проведения финансово-экономической экспертизы

Отсутствие единого подхода в применении различного рода аналитических процедур на практике может создавать проблемы, связанные с допущением ошибок в ходе проведения экспертизы. Безусловно, это может приводить не только к затягиванию периода предварительного расследования, в связи с назначением повторных экспертиз, но и признанием полученных экспертных заключений недопустимыми доказательствами. Ввиду этого, органам исполнительной власти следует выступить инициаторами создания единых методических рекомендаций по проведению экономических экспертиз. Такую ответственность может взять на себя Министерство юстиции Российской Федерации или Министерство внутренних дел Российской Федерации, как ключевые органы исполнительной власти, в ведении которых находится подавляющее большинство экспертных учреждений. Введение единых методик позволит не только избежать появления в экспертных заключениях типичных ошибок, но и даст возможность выявлять более существенные недостатки, а также поможет органам предварительного расследования правильно и четко ставить вопросы эксперту при назначении экспертизы.

В научной литературе часто выделяются два «классических» метода осуществления экспертной деятельности:

1) наблюдение – осуществление изучения «поверхностной» информации о контролируемом объекте, без проведения сложных аналитических мероприятий. С теоретической точки зрения, может рассматриваться как составная часть другого метода проведения экспертизы;

2) анализ – метод, при котором с помощью познаний в математике происходит аналитическая деятельность в отношении необходимой документальной отчетности, которая позволяет выявить ряд нарушений в заполнении документации. Как и предыдущий, может составлять любой другой многоэтапный метод проведения экспертного исследования [5, с. 77].

Для того чтобы финансово-экономическая экспертиза деятельности экономического субъекта была проведена в полном объеме, экспертом изучаются сведения финансовых операций, первичной документации; документах-основаниях; ведомостях аналитического учета и иных учетных регистрах, договоры с контрагентами, накладные, данные о движении денежных средств, их источниках, доходах и затратах [6, с. 198].

К этапам проведения финансово-экономической экспертизы деятельности экономического субъекта можно отнести следующие:

1. Постановка целей и задач экспертизы;
2. Выбор методов и методик экспертизы;
3. Сбор информации необходимой для проведения экспертизы;
4. Расчет абсолютных показателей во время проведения экспертизы;
5. Сравнительное исследование объектов экспертизы;
6. Разработка мероприятий для проведения экспертизы;
7. Оценка результатов исследования и формулирование выводов.

Заметим, что первый из представленных этапов не следует отождествлять с деятельностью следователя по назначению финансово-экономической экспертизы, которая, сама по себе, не входит в процесс ее проведения. Так, эксперт в соответствии с полученным постановлением о назначении экспертизы, а также предоставленными материалами, определяет для себя конкретные цели и задачи, реализация которых позволит дать итоговое заключение и ответить на поставленные следователем вопросы [6, с. 200].

В процессе проведения финансово-экономической экспертизы деятельности экономического субъекта возможно установление источников денежных фондов, обоснованности финансовых затрат и использовании имущества предприятия по целевому назначению, а также правильность образования, распределения и учета доходов [7, с. 16]. Зачастую именно эти сведения, помещенные в заключение эксперта, становятся средствами доказывания по уголовным делам об экономических преступлениях. Естественно, что с учетом указанной структуры экспертом выбирается наиболее эффективная последовательность применения аналитических процедур.

Финансово-экономическая экспертиза традиционно для российской правовой системы применяется в двух формах: процессуальной и непроцессуальной. В свою очередь, процессуальную форму можно разделить также на два основных вида: проводимая в рамках уголовного судопроизводства и проводимая в рамках гражданского (арбитражного процесса). При этом, следует заметить, что сама форма применения данного вида экспертизы никак не влияет на выбор методики ее проведения и использование аналитических процедур: все зависит от конкретных обстоятельств. Смысл процессуальной формы использования ФЭЭ раскрывается через вышеназванные виды, то есть в данных случаях экспертиза будет иметь следующие признаки:

- санкционированность со стороны правоохранительных органов (суда, следственных органов), назначая данную экспертизу указанные органы признают необходимость в проведении данного процессуального действия, признание необходимости закрепляется посредством вынесения специального акта;
- проведение экспертизы и полученные результаты имеют процессуальный характер, то есть проводятся в строгом соответствии с требованиями отраслевых кодексов процессуального права;
- результаты экспертизы имеют официальное доказательственное значение, то есть могут использоваться и представляться в качестве доказательств в суде и во время предварительного расследования.

В свою очередь, непроцессуальная форма использования финансово-экономической экспертизы чаще всего выражается в двух видах: ее проведение осуществляется в рамках государственного финансового контроля для проверки проектов государственных программ Российской Федерации; несудебная финансово-экономическая экспертиза – проводится по запросу адвоката, либо иных заинтересованных лиц в целях

досудебного урегулирования проблем, возникающих в финансово-хозяйственной деятельности объектов.

Естественно, что наибольшее значение в условиях расследования преступлений экономической направленности приобретает именно процессуальная форма проведения финансово-экономической экспертизы. Здесь следует отдельно выделить сотрудников экспертно-криминалистических подразделений МВД России, являющихся субъектами, осуществляющими самостоятельный выбор методики проведения исследования, в том числе при применении аналитических процедур. Экспертно-криминалистические подразделения являются важным звеном в расследовании и раскрытии преступлений экономической направленности и судебном производстве по этой категории дел. Они обеспечивают проведения различного рода экспертиз, необходимых для получения информации о расследуемых событиях.

Частью второй статьи 74 УПК РФ закреплена система видов доказательств в уголовном процессе, среди которых называются такие категории как «заключение эксперта» и «показания эксперта». При этом, в литературе неразрешенным остается спор о самостоятельности этих дефиниций как отдельных доказательств по уголовному делу. Так, Е.М. Ашмарина отмечает, что обе указанные категории обладают собственным доказательственным значением [8, с. 203]. Отметим, часть 1 статьи 80 УПК РФ закрепляет понятие заключения эксперта, а часть 2 – определение показаний эксперта.

Под заключением эксперта законодатель подразумевает выводы и содержание исследований, которые представлены в письменном виде по вопросам, поставленным сторонами по уголовному делу или должностным лицом, ведущим предварительное расследование. В свою очередь, показания эксперта – это сведения, полученные в ходе допроса от того же эксперта по существу данного им заключения. Проводится такое следственное действие непосредственно после проведения исследования и получения по нему выводов лицом, ведущим предварительное расследование. Делается это для уточнения и разъяснения по некоторым вопросам, возникшим в ходе оценки указанного доказательства.

Возвращаясь к вопросу деятельности экспертно-криминалистических подразделений, следует отметить, что они обладают собственной внутренней организацией, что позволяет обеспечивать эффективное решения поставленных перед подразделениями задач. Структура таких учреждений зависит от самого ведомства, в ведении которого они находятся, а также от уровня построения. Обратим внимание на внутреннюю организацию экспертных подразделений системы МВД России, поскольку она отражает наиболее общие закономерности построения структуры, в целом, во всех ведомствах.

По данным сайта МВД России, за 2020г. в ЭКП выполняется более 2,5 млн. экспертиз и исследований в год - это более 80 % всех проводимых экспертиз по расследуемым уголовным делам. Работа специалистов ЭКП на сегодняшний день способствует созданию надежной доказательственной базы по 75 % всех расследованных преступлений¹.

ЭКЦ МВД России, как головное подразделение, обеспечивающее координацию деятельность всех других звеньев единой структуры на нисходящих уровнях, также имеет сложную внутреннюю структуру.

Структурно ЭКЦ МВД России состоит из 8 управлений, в составе которых выделяются отделы по направлениям деятельности. Также там присутствуют и независимые отделы и отделения, обеспечивающие вспомогательные функции (кадровая работа, правовое обеспечение, делопроизводство). Руководство ЭКЦ МВД России осуществля-

¹ [Электронный ресурс] // Сайт МВД РФ. URL: <https://мвд.рф/>

ется Начальником ЭКЦ МВД России, его Первым заместителем и тремя Заместителями по основным направлениям деятельности (криминалистические учеты и экспертизы естественно-научного направления; исследование материалов и экспертизы инженерно-технического направления; материально-техническое обеспечение и экспертизы финансово-экономического и строительного направления).

Среди восьми основных управлений функционируют:

1) Организационно-методическое управление – обеспечивает контрольно-плановые мероприятия, разработку методических материалов, вопросы организации деятельности подразделений, а также профессиональное обучение, подготовку и переподготовку кадров;

2) Управление научных исследований – обеспечивает научные исследования, связанные, в первую очередь, с разработкой методик криминалистических исследований, получения новых знаний, необходимых для проведения экспертиз;

3) Управление криминалистических экспертиз и учетов – обеспечивает организацию и проведение учета криминалистической информации (отпечатки, следы и т.п.), а также общих криминалистических экспертиз (почерковедческая, дактилоскопическая, трасологическая, баллистическая);

4) Управление медико-биологических экспертиз – обеспечивает организацию и проведения экспертиз соответствующего направления. Сюда относятся: биологические объекты (слюна, кровь), геномная информация, медико-криминалистические экспертизы и т.п.;

5) Управление экспертиз и исследования материалов, веществ – обеспечивает организацию и проведение экспертиз, связанных с исследованием физических объектов – различных вещественных доказательств, путем химических или физических методов;

6) Управление инженерно-технических экспертиз – обеспечивает проведение и организацию экспертиз одноименного направления. Сюда относят: компьютерные, радиотехнические, лингвистические, фоноскопические, автотехнические, фото-, видеотехнические, пожаро-, взрывотехнические и иные виды;

7) Управление экономических и строительно-технических экспертиз – обеспечивает проведение и организацию экспертиз соответствующего направления. Сюда относят: все виды финансовых экспертиз, а также строительные;

8) Управление материально-технического и финансового обеспечения деятельности – обеспечивает вопросы внедрения и финансирования деятельности все ЭКЦ МВД России, а также реализации выделенного бюджета.

Следует заметить, что ЭКЦ МВД России на современном этапе не проводят финансово-экономические экспертизы. Однако, это не означает, что нужда в них в процессе проведения предварительного расследования отпадает. ЭКЦ МВД России проводят финансово-аналитические и финансово-кредитные экспертизы, однако, их задачи не охватывают тех, что ставятся перед финансово-экономической экспертизой, что актуализирует вопросы межведомственного сотрудничества по осуществлению экспертной деятельности и расширения родов экспертиз, проводимых ЭКЦ МВД России.

Таким образом, финансово-экономическая экспертиза – крайне сложный род экспертного исследования, что обуславливается рядом причин, которые были рассмотрены нами выше. Применение аналитических процедур в проведении ФЭЭ является важной составной частью экспертного исследования. Однако, ни в литературе, ни в практической деятельности нельзя выделить единого подхода к сущности данного вопроса. Сегодня существует проблема отсутствия единого методического сопровождения экспертной деятельности, что означает, полное возложение ответственности за выбор методик и реализацию аналитических процедур на конкретного эксперта, проводящего исследование. Отсюда можно заключить, что сложность экспертизы подразу-

мекает то, что далеко не во всех случаях ее проведение удастся завершить без допущения ошибок, которые, в лучшем случае, приводят к искажению результатов экспертизы, а в худшем, приводят к признанию результатов недопустимым доказательствам или назначению повторной (дополнительной) экспертизы.

Подобные исходы, учитывая ранее обозначенную сложность, трудоемкость и времязатратность таких исследований, могут нести крайне негативный результат в процессе всего расследования преступлений экономической направленности:

– во-первых, истощается человеческий ресурс – экспертов по проведению именно финансово-экономических экспертиз не такое большое количество и проводятся они далеко не во всех экспертных центрах, например, большинство региональных ЭКЦ УМВД России данным видом экспертиз не занимается;

- во-вторых, замедляется движение дел (касается судебных разбирательств), что естественно не является положительным показателем, ведь зачастую в ходе, например, уголовно-процессуального разбирательства на стадии предварительного расследования к людям, непричастным к совершению преступления, применяются меры пресечения, иногда даже в виде заключения под стражу;

-в-третьих, в некоторых случаях страдают интересы сторонних лиц, которые в частном порядке заказывают финансово-экономическую экспертизу как услугу и которые вынуждены получать результаты своего исследования позже;

в-четвертых, увеличиваются материальные затраты государства или частных лиц, поскольку финансово-экономическая экспертиза не только трудозатратная, но и финансовозатратная процедура [9, с. 23]. В связи с этим, нами были выдвинуты предложения по совершенствованию методического обеспечения деятельности экспертных подразделений с целью нивелирования указанных проблем и разработки единого методического подхода в проведении финансово-экономических экспертиз, в том числе при применении аналитических процедур.

Список источников

1. Никифорова Н.А., Савицкая С.А. Управленческий анализ: учебник для бакалавриата и магистратуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2019. 413 с.
2. Кокин А.В. Экспертиза финансовой деятельности предприятия: учебник для студентов вузов. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». М.: Юнити-Дана, 2015. 698 с.
3. Купряшина Е.А., Симоненко Е.И. Соотношение достоверности и вероятности в заключение эксперта по уголовному делу // Научный альманах. 2016. № 5-1(19). С. 408-411.
4. Дубоносов Е.С. Судебно-бухгалтерская экспертиза: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2020. 229 с.
5. Глустенков И.В. Экономическая безопасность организации // Вестник Международного института экономики и права. 2015. № 2 (18). С. 77-81.
6. Шевелева Л.А. Роль судебной экономической экспертизы в обеспечении экономической безопасности // Экономическая безопасность России: вызовы XXI века: материалы II международной (заочной) научно-практической конференции. 2017. С. 198–202.
7. Поздеев В.Л. Актуальные задачи анализа экономической безопасности предприятий // Учет. Анализ. Аудит. 2016. № 2. С. 16-22.

8. Ашмарина Е. М. [и др.]. Правовое обеспечение контроля, учета, аудита и судебно-экономической экспертизы: учебник для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. 299 с.

9. Климович Л.П. Научные основы современной судебной экономической экспертизы. М.: Проспект, 2015. 144 с.

References

1. Nikiforova N.A., Savickaya S.A. Upravlencheskij analiz: uchebnik dlya bakalavriata i magistratury. 3-e izd., ispr. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2019. 413 s.

2. Kokin A.V. Ekspertiza finansovoj deyatel'nosti predpriyatiya: uchebnik dlya studentov vuzov. Grif UMC «Professional'nyj uchebnik». M.: Yuniti-Dana, 2015. 698 s.

3. Kupryashina E.A., Simonenko E.I. Sootnoshenie dostovernosti i veroyatnosti v zaklyuchenie eksperta po ugolovnomu delu // Nauchnyj al'manah. 2016. № 5-1(19). S. 408-411.

4. Dubonosov E.S. Sudebno-buhgalterskaya ekspertiza: uchebnik dlya vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2020. 229 s.

5. Glustenkov I.V. Ekonomicheskaya bezopasnost' organizacii // Vestnik Mezhdunarodnogo instituta ekonomiki i prava. 2015. № 2 (18). S. 77–81.

6. Sheveleva L.A. Rol' sudebnoj ekonomicheskoy ekspertizy v obespechenii ekonomicheskoy bezopasnosti // Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: vyzovy XXI veka: materialy II mezhdunarodnoj (zaочноj) nauchno-prakticheskoy konferencii. 2017. s. 198-202.

7. Pozdeev V.L. Aktual'nye zadachi analiza ekonomicheskoy bezopasnosti predpriyatij // Uchet. Analiz. Audit. 2016. № 2. S. 16-22.

8. Ashmarina E.M. [и др.]. Pravovoe obespechenie kontrolya, ucheta, audita i sudebno-ekonomicheskoy ekspertizy: uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'stvo Yurajt, 2020. 299 s.

9. Klimovich L.P. Nauchnye osnovy sovremennoj sudebnoj ekonomicheskoy ekspertizy. M.: Prospekt, 2015. 144 с.

Информация об авторе

Светлана Анатольевна Лукьянчикова. Преподаватель кафедры уголовного процесса.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Svetlana A. Lukyanchikova. Teacher of the chair of Criminal Procedure.
Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 26.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted April 26, 2022; approved after reviewing May 11, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 27, 2022.

Научная статья
УДК 343.98

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА С ПРИМЕНЕНИЕМ ПОЛИГРАФА КАК МЕТОД ИНСТРУМЕНТАЛЬНОЙ ДЕТЕКЦИИ ЛЖИ ПРИ РАСКРЫТИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Татьяна Владимировна Сезонова¹, Оксана Николаевна Пунина²

¹Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел, Россия, setav2010@yandex.ru

²Экспертно-криминалистический центр Управления Министерства внутренних дел России по Брянской области, oksana.punina@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассказано об использовании инструментальных методов исследования психофизиологии, дающего показания человека как одного из элементов механизма доказывания. В историческом аспекте рассматривается становление психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в системе МВД. Акцент делается на организационно-тактических особенностях производства психофизиологического исследования, а также тактике работы с определенной категорией лиц (беременные женщины, лица, имеющие некоторые заболевания, находящиеся под воздействием алкоголя и наркотиков). Авторы подчеркивают, что результаты психофизиологической экспертизы подлежат оценке в совокупности со всеми материалами уголовного дела и не могут превалировать над ними.

Ключевые слова: психофизиологическая экспертиза, полиграф, полиграммы, расследование преступлений

Для цитирования: Сезонова Т.В., Пунина О.Н. Психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа как метод инструментальной детекции лжи при раскрытии преступлений // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 202-209.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL EXAMINATION WITH THE USE OF A POLYGRAPH AS A METHOD OF INSTRUMENTAL LIE DETECTION IN THE DETECTION OF CRIMES

Tatiana V. Sezonova¹, Oksana N. Punina²

¹Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia, setav2010@yandex.ru

²Expert-Forensic Center of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk region, Russia, oksana.punina@mail.ru

Abstract. This article describes the use of instrumental methods for the study of the psychophysiology of the testifying person as one of the elements of the mechanism of proof. In the historical aspect, the formation of psychophysiological examination with the use of a polygraph in the system of the Ministry of Internal Affairs is considered. The emphasis is on the organizational and tactical features of the production of psychophysiological research, as well as the tactics of working with a certain category of persons (pregnant women, persons with certain diseases, under the influence of alcohol and drugs).

The authors emphasize that the results of the psychophysiological examination are subject to evaluation in conjunction with all the materials of the criminal case and cannot prevail over them.

Keywords: psychophysiological examination, polygraph, polygrams, crime investigation

For citation: Sezonova T. V., Punina O. N. Psychophysiological examination using a polygraph as a method of instrumental lie detection in solving crimes // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.V. Lukyanov. 2022. No. 2(91). P. 202-209.

Актуальность проблемы выявления скрываемой информации насчитывает многие десятилетия. Данные отечественных и зарубежных исследователей (И.В. Симонов, К. Бакстер, Дж. Гринберг и др.) свидетельствуют, что человеческий индивид утаивает что-то либо говорит неправду ежедневно и постоянно. Актуализация проблемы получения достоверной информации в современном мире, в том числе при расследовании различных преступлений, потребовала поиска возможностей для распознавания и доказательства обмана. Результатом этих поисков стало использование полиграфа, представляющего собой комплекс точных медицинских приборов, непрерывно и синхронно фиксирующих физиологические реакции исследуемого лица (частота пульса, давление крови, глубина и частота дыхания, кожно-гальваническая реакция, степень мускульного напряжения, биотоки мозга и т. п.) в динамике. Акцентирование внимания человека на каком-либо событии, факте, предмете увеличивает его психофизиологические реакции на стимул и показывает его субъективную значимость для человека в определенный момент времени. Предназначение полиграфа – регистрация физиологических параметров у объекта психофизиологического исследования. В основном датчики полиграфа фиксируют физиологические реакции трех систем человеческого организма: дыхательной, сердечно-сосудистой и кожи.

В настоящее время судебная психофизиологическая экспертиза с применением полиграфа на этапе предварительного расследования наряду с другими экспертизами играет особую роль. Как справедливо заметил Н.А. Колоколов, «использование полиграфа стало очередным этапом на пути совершенствования механизма доказывания» [1, с. 30].

Использование специального психофизиологического исследования (далее – СПФИ) с применением полиграфа в деятельности МВД России началось 1994 году, когда был подписан ведомственный приказ «Об утверждении Инструкции о порядке использования полиграфа при опросе граждан». С той поры инструментальные методы детекции лжи дополнили потенциал средств, используемых для выявления, раскрытия и расследования преступлений различной степени тяжести. Актуальные вопросы использования полиграфа начали освещаться в различных изданиях, созданы научно-исследовательские институты, профессиональные объединения специалистов (например, Российская ассоциация полиграфологов). Вопросы применения инструментального выявления скрываемой информации рассматриваются на научных мероприятиях, в вузах ведется обучение по специальности «полиграфолог».

Цель специалиста в области психофизиологического исследования – по результатам анализа достоверно определить причастно ли лицо к данному событию или нет, сократив, таким образом, информативную неопределенность в отношении проверяемого лица. Специалист анализирует полученные графики подэкспертного лица, затем принимается одно из трех вероятностных решений: обман обнаружен, обман не обнаружен или результат не определен. Достоверность выводов лежит в интервале от 50 до 90%.

Психофизиологическое исследование с использованием полиграфа, согласно законодательству Российской Федерации, не является доказательством и носит вероятностный характер, но в судебном заседании полиграфолог выступает как специалист, а результаты, полученные с использованием данного прибора, учитываются судом при постановке приговора – как обвинительного, так и оправдательного [2, с. 106].

Данный вид исследования – сложная процедура, требующая соблюдения не только действующего законодательства, прав и свобод человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации, а также требований к техническому оснащению и оформлению помещений, используемых для её проведения. В частности, отделка звукоизоляционными материалами, окраска стен в нейтральные тона, отсутствие опасных или привлекающих внимание предметов. Применение полиграфа в обязательном порядке сопровождается соблюдением всеми участниками следственного действия принципа добровольности в отношении с обследуемым лицом. Оно должно быть обязательно осознанным. Обследуемому следует пояснить, что данная процедура проводится и в его интересах соответственно и что необходимо сотрудничать со специалистом в процессе исследования.

Безусловно, данная экспертиза может проводиться как одним экспертом-полиграфологом, так и несколькими – то есть комиссией. И подобно любой другой экспертизе она имеет свои особенности и рекомендации к её проведению. Организационно-тактические особенности производства психофизиологического исследования решаются непосредственно при проведении собственно исследования, когда субъект, владеющий специальными познаниями, самостоятельно решает поставленные перед ним вопросы. Рассмотрим тактику проведения психофизиологического исследования как совокупность приемов и средств в достижении намеченной цели. Процедура проведения экспертизы данного вида предусматривает выбор полиграфологом специальных тестов, подбор и формулирование корректных вопросов, построение тестового материала и выбор необходимой системы подсчета полученных данных. Важную роль в ходе экспертизы играет предтестовая беседа, от которой зависит дальнейший ход процедуры. Несомненно, она является обязательным этапом. Её длительность составляет в основном от 30 минут до 1 часа. Предшествующая тестам беседа нужна для установления стабильного, крепкого контакта с исследуемым лицом, его адаптации к обстановке, фиксации его психоэмоционального состояния, выяснения условий и обстоятельств, препятствующих проведению исследования [3, с. 201]. Дополнительно лицу поясняется принцип работы полиграфа и берется добровольное согласие на исследование. При проведении исследования опрашиваемому лицу задаются вопросы, заранее с ним согласованные. Не допускается обсуждение вопросов, унижающих честь и достоинство человека. В ходе исследования все вопросы задаются на родном языке или на языке, которым лицо уверенно владеет. Если опрашиваемый не знает русский язык, инициатор опроса обеспечивает ему переводчика. Исследуемое лицо предупреждается о применении технических средств фиксации (видео- или аудиозаписи). При проведении исследования вправе присутствовать адвокат опрашиваемого лица, который может делать замечания по поводу процедуры проведения, а также привлекать другого практикующего полиграфолога для наблюдения за корректностью действий с целью выявления неточностей.

В процессе проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа испытуемым предъявляются тесты, разработанные по методике выявления скрываемой информации, методике нейтральных и проверочных вопросов, методике контрольных вопросов. Достоверность получаемых результатов зависит от правильно-

го выбора тестов, оценки степени значимости для тестируемого предъявляемых стимулов, от профессионального уровня специалиста (эксперта) [4, с. 19].

Процедура проведения судебно-психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа значительно отличается от других экспертиз. Она проводится в основном в специально созданных условиях стрессовой ситуации, так как именно в таком состоянии лицо способно наиболее конкретно и с большей степенью истинности предоставить известную информацию. При стрессе организм человека реагирует иначе на внешнее раздражение, нежели в спокойном состоянии. Данный прием определения истинной или ложной информации, прежде всего, заключается в создании определенных условий и стимулов, которые заставляют перейти организм в состояние «стрессовой ситуации». В качестве так называемых «стимулов» в данном случае могут выступать различного рода вопросы, фотографии, предметы, имеющие или, наоборот, не имеющие отношения к расследуемому преступлению. В процессе самопроизвольного воспроизведения в сознании допрашиваемого каких-либо известных ему фактов, которые он пытается скрыть от следствия, происходят сложные мыслительные процессы в организме. Именно они выдают в течение исследования факт сокрытия информации. Ведь внутреннее напряжение человека приводит в работу защитные функции организма, оказывающие сопротивление перед внешним раздражителем. При этом происходят психофизиологические реакции, посредством которых повышается артериальное давление, учащается пульс, дыхание. При этом включаются в работу многие системы организма, возникают новые импульсы, помогающие полиграфологу понять, лжет человек или говорит правду.

Непосредственное тестирование заключается в проверке истинности (достоверности) получаемой полиграфологом информации. Именно на этом этапе производится само исследование с помощью вопросов. Здесь стоит отметить, что вопросы задаются ровным тоном, без создания акцента на каких-либо словах и словосочетаниях.

При ответе на вопросы полиграфолога в организме обследуемого лица происходят психофизиологические реакции, которые фиксируются полиграфом и формируются на полиграмме, которая представляет собой бумажный носитель или электронный файл с результатами исследования.

Сама по себе полиграмма включает в себя несколько составных частей (фон, реакция, артефакт). Рассмотрим подробнее каждую из её основных частей. Фон является достаточно широким понятием, обозначающим в целом процессы, протекающие в организме в отсутствие какого-либо раздражителя, то есть в спокойном состоянии. Так как оно отличается некой стабильностью протекающих реакций, можно сказать, что это физиологическая норма, присущая конкретно взятому лицу. Что касается реакции, то это уже изменения, происходящие в организме в момент воздействия стимулов, при которых можно обнаружить усиление работы основных систем организма. Весь организм при воздействии на него внешних раздражителей активизирует работу прежде всего нервной, дыхательной, сердечно-сосудистой систем. Артефактом в данном случае будет выступать заметное изменение, не связанное с предоставляемыми обследуемому лицу стимулами. В основном оно обуславливается внешними и внутренними дестабилизирующими факторами.

Важно отметить, что с помощью полиграфа не измеряется конкретно ложь или правда. Он только лишь отражает реакцию организма на происходящее. Именно поэтому нельзя с абсолютной точностью сказать, что человек лжет. Предположения об этом могут быть только значительно приближены к истине. К тому же реакции лица на какую-либо информацию всего лишь отражают его веру в истинность или ложность фактов.

Особое внимание уделяется непосредственно заключению эксперта. Оно должно соответствовать определённым на законодательном уровне требованиям. Прежде всего, стоит говорить о значимых вопросах, которые в последующем будут задаваться опрашиваемому лицу, ведь они своим содержанием не должны нарушать конституционные права и свободы человека и гражданина, а лишь иметь цель выяснить какие-либо обстоятельства, которые невозможно было бы установить с помощью типичного допроса.

Также в заключение кратко описываются методы, используемые при проведении экспертизы. Зачастую применяют индукцию и дедукцию. При этом особое внимание обращается на реакцию опрашиваемого на проверочные вопросы. Это необходимое условие для анализа ситуации и состояния лица, а также построения дальнейшей процедуры исследования.

По завершении всех действий по исследованию конкретного лица к заключению полиграфологу необходимо приложить образцы полиграмм, а также видеозапись всего процесса к своему заключению. Стоит отметить, что видеозапись должна достаточно подробно отражать обстановку помещения, в котором проводилось исследование, а именно самого опрашиваемого, полиграфолога, а также экран компьютера, который показывает ход и результаты исследования. Прежде всего, это необходимо для оценки работы полиграфолога, корректности его действий и исключения возможности проведения недостоверного исследования.

Упомянутая видеофиксация процедуры исследования должна применяться в основном с целью исключить возможность фальсификации результатов, а также для того, чтобы гарантировать соблюдение прав и свобод человека и гражданина. Также видеофиксация эффективно влияет на опрашиваемого, оказывая на него дисциплинирующее воздействие. Но в некоторых случаях камера может и негативно повлиять на ход и результаты исследования. Прежде всего, это связано с намеренной неискренностью или сокрытием какой-либо информации.

В компетенцию полиграфолога входит формулирование вывода о степени информированности обследуемого лица о событии или его деталях, интересующих инициатора СПФИ, обусловленной наличием (отсутствием) в памяти человека образов, сформировавшихся в связи со случившимся. Данный вывод по форме может быть категорическим, однозначным, безусловным либо вероятным. В основном вывод полиграфолога формулируется исходя из полученной информации о наличии каких-либо реакций обследуемого организма. Зачастую они свидетельствуют о том, что лицо располагает фактами, имеющими отношение к расследуемому преступлению или имеющему значение событию.

Следующим важным документом, определившим условия и порядок проведения СПФИ с применением полиграфа, стал приказ МВД России от 28 декабря 1994 г. № 437, утвердивший инструкцию оформления и хранения материалов, использования результатов СПФИ.

Указанный документ в связи с отсутствием прямого запрета допустил возможность проведения СПФИ определенной категории лиц (беременных; лиц, имеющих некоторые заболевания; находящихся под воздействием определенных препаратов или в состоянии опьянения; в крайней степени утомления и некоторых др.) [5, с. 19]. Практика же показывает, что современные полиграфные комплексы в совокупности с правильно подобранной методикой тестирования при проведении необходимой стимуляции для повышения уровня эмоционального напряжения обследуемого, учитывая его индивидуальные особенности, позволяют получить информацию, способствовавшую раскрытию преступлений или установлению невиновности подозреваемого лица и у некоторых граждан указанной категории [6, с. 67]. В качестве подэкспертного, де-

монстрируя реакции на значимые вопросы, могут выступать люди с незначительными признаками психического расстройства, лица, страдающие алкоголизмом или употребляющие наркотики. Необходимым условием является то, чтобы на момент проведения инструментального исследования испытуемые отдавали отчет своим действиям, осознавали произошедшие события, по которым проводится проверка [7, с. 65]. Однако, как отмечается в инструкции, необходимо принимать во внимание, что у граждан, находящихся под воздействием наркотических средств, психотропных веществ или лекарственных препаратов, может наблюдаться неадекватный характер психофизиологических реакций (то есть результат полиграфной проверки может быть искажен). В таких случаях, а также при отказе исследуемого лица от дальнейшего проведения СПФИ (в том числе и по состоянию его самочувствия) специалист направляет инициатору справку о невозможности проведения процедуры детекции лжи и её причины, а также возможности (или невозможности) проведения СПФИ в другие сроки [8, с. 96].

Положительные результаты инструментального метода детекции лжи при раскрытии тяжких преступлений способствовали созданию в центральном аппарате МВД России отдела психолого-технического обеспечения раскрытия преступлений. Это было реализовано в 2002 году. Основной задачей сотрудников указанного подразделения стало проведение СПФИ с использованием полиграфа граждан, подозреваемых в причастности к различным преступлениям. Таким образом, можно отметить, что в МВД РФ был заложен фундамент для службы, использующей психологию и различные психотехнологии в правоохранительной деятельности органов внутренних дел.

В дальнейшем практические навыки специалистов проведения СПФИ с использованием полиграфа совершенствовались при получении дополнительного профессионального образования, в рамках которого специалисты изучали общую, юридическую, оперативно-разыскную психологию, психиатрию, а также другие дисциплины, позволяющие повысить эффективность работы полиграфолога.

В 2010 году приказом МВД России «Об организации проведения психофизиологических исследований с применением полиграфа в органах внутренних дел Российской Федерации» утверждена Инструкция о проведении СПФИ с применением полиграфа в ОВД, позволяющая проводить обследование граждан не только в рамках оперативно-разыскных мероприятий, но и в ходе профессионального психофизиологического отбора в ОВД [9, с. 94].

В 2017 году в приказ МВД России от 29 июня 2005 г. № 511 «Вопросы организации производства судебных экспертиз в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации» были внесены изменения. «Психофизиологическое исследование в отношении лица с применением полиграфа» стало входить в Перечень родов (видов) судебных экспертиз, производимых в экспертно-криминалистических подразделениях органов внутренних дел Российской Федерации.

На сегодняшний день результаты работы эксперта-полиграфолога позволяют определять наиболее перспективные направления расследования преступления, выявлять преступников, находить факты, доказывающие их преступную деятельность, а также защищать невиновных, снимать безосновательные подозрения и обвинения с лиц, невиновных в преступлении.

Список источников

1. Полиграф в России: отчет о работе международного научно-практического форума «Инструментальная детекция лжи: реалии и перспективы использования в борьбе с преступностью» // Мировой судья. № 7. 2006. С. 26-32.

2. Семенов В.В., Иванов Л.Н. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве: учебно-методическое пособие. М.: Юрлитинформ, 2008. 178 с.

3. Иванов Л.Н. Полисистемные исследования личности в уголовном судопроизводстве. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 2006. 356 с.

4. Побережный С.К. Использование полиграфа как современной нетрадиционной информационной технологии развития преступления // Использование современных информационных технологий в правоохранительной деятельности и региональные проблемы информационной безопасности: сборник материалов научно-практической конференции от 10 апреля 2001 года. Вып. II. Калининград: КЮИ МВД России, 2001. С. 19-24.

5. Заболотских И.Б., Илюхина В.А. Физиологические основы различий стрессорной устойчивости здорового и больного человека. Краснодар: Изд-во Кубанской медицинской академии. 1995. 100 с.

6. Холодный Ю.И. Применение полиграфа при профилактике, раскрытии и расследовании преступления (генезис и правовые аспекты): монография. М., 2000. 160 с.

7. Комиссарова Я.В. Практические аспекты назначения и производства психофизиологической экспертизы по уголовным делам // Вестник криминалистики. Вып. 1(9). М., 2004. С. 65-70.

8. Семенов В.В., Иванов Л.Н. Использование полиграфа при проведении служебных проверок в ОВД: материалы IX Международной научно-практической конференции. Краснодар: изд-во КубГТУ, 2008. С. 96-104.

9. Печенкова Е.А. Специфика применения полиграфа при проведении служебных проверок в МВД России. Журнал психологии и педагогики служебной деятельности. № 2. 2019. С. 94-98.

References

1. Poligraf v Rossii: otchet o rabote mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma «Instrumental'naya detekciya lzhi: realii i perspektivy ispol'zovaniya v bor'be s prestupnost'yu» // Mirovoj sud'ya. № 7. 2006. S. 26-32.

2. Semenov V.V., Ivanov L.N. Pravovye, takticheskie i metodicheskie aspekty ispol'zovaniya poligrafa v ugovnom sudoproizvodstve: uchebno-metodicheskoe posobie. M.: Yurlitinform, 2008. 178 s.

3. Ivanov L.N. Polisistemnye issledovaniya lichnosti v ugovnom sudoproizvodstve. Saratov: Izd-vo Saratovskogo un-ta, 2006. 356 s.

4. Poberezhnyj S.K. Ispol'zovanie poligrafa kak sovremennoj netradicionnoj informacionnoj tekhnologii razvitiya prestupleniya // Ispol'zovanie sovremennyh informacionnyh tekhnologij v pravooxranitel'noj deyatel'nosti i regional'nye problemy informacionnoj bezopasnosti: sbornik materialov nauchno-prakticheskoy konferencii ot 10 aprelya 2001 goda. Vyp. II. Kaliningrad: KYUI MVD Rossii, 2001. S. 19-24.

5. Zabolotskih I.B., Ilyuhina V.A. Fiziologicheskie osnovy razlichij stressornoj ustojchivosti zdorovogo i bol'nogo cheloveka. Krasnodar: Izd-vo Kubanskoj medicinskoj akademii. 1995. 100 s.

6. Holodnyj Yu.I. Primenenie poligrafa pri profilaktike, raskrytii i rassledovanii prestupleniya (genezis i pravovye aspekty): monografiya. M., 2000. 160 s.

7. Komissarova Ya.V. Prakticheskie aspekty naznacheniya i proizvodstva psiho-fiziologicheskoy ekspertizy po ugovnym delam // Vestnik kriminalistiki. Vyp. 1(9). M., 2004. S. 65-70.

8. Semenov V.V., Ivanov L.N. Ispol'zovanie poligrafa pri provedenii sluzhebnyh proverok v OVD: materialy IX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Krasnodar: izd-vo KubGTU, 2008. S. 96-104.

9. Pechenkova E.A. Specifika primeneniya poligrafa pri provedenii sluzhebnyh proverok v MVD Rossii. Zhurnal psihologii i pedagogiki sluzhebnoj deyatel'nosti. № 2. 2019. S. 94-98.

Информация об авторах

Татьяна Владимировна Сезонова. Старший преподаватель кафедры криминалистики и предварительного расследования в ОВД. Кандидат педагогических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.

302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Оксана Николаевна Пунина. Главный эксперт.

Экспертно-криминалистический центр Управления Министерства внутренних дел России по Брянской области.

241050, Россия, г. Брянск, ул. Советская, д. 93.

Information about the authors

Tatiana V. Sezonova. Senior teacher of the chair of Criminology and Preliminary Investigation of Internal Affairs Bodies. Candidate of pedagogical sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.

302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Oksana N. Punina. Chief expert.

Expert-Forensic Center of the Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in the Bryansk region.

241050, Russia, Bryansk, st. Sovetskaya 93.

Статья поступила в редакцию 03.03.2022; одобрена после рецензирования 19.03.2022; принята к публикации 04.04.2022.

The article was submitted March 3, 2022; approved after reviewing March 19, 2022; accepted to the writing of the article for publication April 4, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК 343.1

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА НОВЫХ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ В СЕТИ

Иван Михайлович Смирнов

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова, Орел,
Россия, kadyj@yandex.ru

Аннотация. В настоящей статье рассматриваются основные способы совершения интернет-мошенничества, появившиеся в последние годы. Обращается внимание на основные действия преступников в рамках каждого из способов и на то, как проявляется типичное поведение потерпевшего. Анализируется цифровое мошенничество, которое на сегодняшний день является глобальной проблемой для всех экономик мира. Основной причиной распространения данной проблемы можно считать бурное развитие компьютерных и интернет технологий. Раскрываются виды мошенничества, а также способы его совершения. Описаны схемы, которые часто применяются в мошенничестве.

Ключевые слова: интернет, мошенничество, раскрытие преступлений, способы совершения, фишинг

Для цитирования: Смирнов И. М. Оперативно-розыскная характеристика новых способов совершения мошеннических действий в сети // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 210-216.

OPERATIONAL AND INVESTIGATIVE CHARACTERISTICS OF NEW WAYS OF COMMITTING FRAUDULENT ACTIONS IN THE NETWORK

Ivan M. Smirnov

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Orel, Russia,
kadyj@yandex.ru

Abstract: This article discusses the main ways of committing Internet fraud that have appeared in recent years. Attention is drawn to the main actions of criminals within each of the methods and how the typical behavior of the victim manifests itself. Digital fraud is analyzed, which today is a global problem for all economies of the world. The main reason for the spread of this problem can be considered the rapid development of computer and Internet technologies. The types of fraud are disclosed, as well as the ways of its commission. The schemes that are often used in fraud are described.

Keywords: internet, fraud, crime detection, methods of commission, phishing

For citation: Smirnov I. M. Operational and investigative characteristics of new ways of committing fraudulent actions in the network // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 210-216.

© Смирнов И. М., 2022

Отрасль связи и телекоммуникации является инфраструктурной. Оказывая значительное влияние на процессы инновационного развития страны в целом и производственной инфраструктуры других отраслей в частности, она определяет темпы роста национальной экономики, а также занимает существенную и постоянно увеличивающуюся долю в валовом внутреннем продукте.

В настоящее время информационная оснащенность выступает определяющим фактором эффективности функционирования всех сфер деятельности человека и государства. При этом уровень данной оснащенности обусловливается технологическими возможностями и напрямую зависит от наличия мобильных надежных каналов (средств) получения и передачи информации, а также квалифицированных специалистов, которые способны на высоком профессиональном уровне организовать данный процесс.

Вышеизложенное обстоятельство предопределило тот факт, что в последнее время происходит активное внедрение современных средств связи и телекоммуникации в жизнь граждан; осуществляются всеобщая компьютеризация, развитие новых технологий обработки и передачи данных; принимаются передовые инженерные решения создания телекоммуникационных сетей с использованием последних достижений современного рынка IT-технологий и т. д. [1, с. 54].

Наряду с очевидными плюсами развития российского общества в рассматриваемом направлении возникли существенные трудности: появилось множество внутренних и внешних угроз, нетрадиционных каналов утечки информации, несанкционированных доступов к ней, мошенничеств с использованием платежных карт и много других преступлений экономической направленности в подобных условиях защиты ресурсов связи.

Борьба с преступлениями в сфере предоставления услуг связи и телекоммуникации выступает одним из приоритетных направлений деятельности правоохранительных органов по обеспечению безопасности государства, отдельных граждан и их законных интересов. Данное обстоятельство обусловлено высокой степенью латентности рассматриваемых противоправных деяний, сложностью и большим объемом работы по делам о них, а также отсутствием достаточного положительного опыта практики противодействия данному виду преступлений.

Безусловно, практике противодействия хищениям, совершенным дистанционным способом, характерно наличие ряда проблем организационно-тактического и правового характера. С.В. Екимцев в своей статье, исследующей настоящий объект, к числу наиболее острых проблем относит недостаточный уровень подготовки оперативных сотрудников, способных противостоять преступлениям указанных видов [2, с. 72]. Данная проблема обусловлена отсутствием у них опыта раскрытия таких преступлений, а также недостаточным уровнем профессиональной подготовки. Об этом свидетельствует анализ образовательного процесса, который показывает, что даже в тематических планах дисциплин оперативно-розыскной специализации отсутствуют занятия, посвященные рассмотрению вопросов выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия хищений денежных средств граждан, совершенных удаленным способом, что крайне негативно сказывается на процессе подготовки высококвалифицированных кадров [3, с. 127].

Развитие постиндустриального общества и цифровых технологий вывели на первое место и утвердили в качестве наиважнейшего ресурса информацию. Сегодня IT-технологии уже достигли пика своего развития и ежегодно набирают все большие обороты. Безусловно, все это влияет на большинство сфер жизнедеятельности общества и человека. Все позитивные моменты от использования возможностей Интернета успели осознать не только добросовестные граждане, но и преступники, ищущие мате-

риальную выгоду от совершения различных противоправных деяний в отношении доверчивых людей. Одним из наиболее распространенных преступных деяний, совершаемых с использованием сети Интернет, является мошенничество. Можно отметить, что в условиях развития IT-технологий традиционные способы совершения мошеннических действий постепенно отходят на второй план. Сейчас все реже можно услышать в открытых источниках об использовании «кукол», «ломок» или «пустышек» для хищения денежных средств у граждан. Сегодня можно говорить о постепенном переносе интереса мошенников на электронное пространство. Это связано с рядом ключевых факторов, среди которых:

- Удобство. Мошеннические действия такого рода совершаются дистанционно, что позволяет находиться в любой точке мира; также это расширяет круг потенциальных жертв.

- Повышенные шансы избежать ответственности. Вопросам конфиденциальности в сети уделяется достаточно много внимания в последние годы. Одним из ее негативных последствий является возможность для мошенников скрыться от преследования со стороны правоохранительных органов. Для этого уже существует множество различных облачных сервисов, анонимайзеров и т. п.

- Потенциальная выгода. О традиционных способах совершения мошеннических действий сегодня не знает только ленивый. А вот интернет-пространство позволяет мошенникам реализовать весь свой творческий потенциал, придумав новые способы совершения преступлений, которые неизвестны мнительным гражданам и которые с наибольшей вероятностью принесут результат.

- Виктимологические особенности. Именно в электронном пространстве наиболее просто отыскать потенциальных жертв мошеннических действий. Интернет-пространство полно пользователей, обладающих высокой степенью доверчивости, что привлекает преступников еще больше [4, с. 100].

Анализ современных новостных и иных информационных источников позволяет выделить ряд основных способов совершения мошенничества в сети, которые появились в последние годы.

1) Фишинг – данный способ совершения мошеннических действий нельзя назвать новым. Он появился достаточно давно, еще когда интернет лишь начинал распространяться для широких масс. Его суть состоит в рассылке специальных сообщений, которые различными средствами вынуждают жертв к передаче личной информации: паролей, пин-кодов и т. п. Традиционный фишинг, как правило, связан с высылкой уведомлений о блокировке аккаунта, банковских уведомлений, писем с просьбой перейти на сайт и восстановить доступ и т. д. [4, с. 246]. Однако ежегодно появляется множество новых способов осуществления фишинга, что заставляет обратить внимание на эту сферу. В первую очередь нужно говорить о способе, который был выявлен не так давно. Злоумышленники создают сайты-зеркала банковских ссылок для оплаты каких-либо товаров. Получая специальные коды, мошенники могут списывать отдельные суммы с банковских карт потерпевших. В последний год получил распространение фишинг посредством приложения «Blablacar», который используется для поиска попутчиков в совместных поездках по городам. Мошенники покупают аккаунты с хорошими рейтингами и выкладывают информацию о поездках по популярным маршрутам. Получив обращения потенциальных клиентов, злоумышленники просят перейти в сторонний мессенджер, так как само приложение не дает возможности реализовать дальнейший преступный замысел (маскируются номера, показываются предупреждения и т. п.) [5, с. 56]. Позже мошенники в переписке сообщают, что готовы взять пассажира, но нужно осуществить оплату на сайте организации. Далее жертве приходит СМС-

сообщение на фишинговый сайт, замаскированный под страницу «blablacar.ru», откуда преступники и получают доступ к необходимой информации по картам потерпевших.

2) Интернет-магазины. Ряд мошенников предпочитают заработать на желании людей покупать товары значительно дешевле, чем у официального продавца. Суть способа проста: создаются сайты или страницы в социальных сетях, где объявляется о продаже вещей по сниженной цене. Далее преступный замысел реализуется по двум основным схемам:

- мошенники получают деньги и перестают выходить на связь;
- мошенники получают деньги и высылают товар из самых дешевых материалов, даже близко не соответствующий рекламе.

В последние годы распространение данный способ получает на игровых платформах. Молодые люди, желающие получить популярные игры или расширения для них недорого, становятся жертвами мошенников, отправляя денежные средства «перекупщикам».

3) Работа с предоплатами – практикуется в различных сферах продаж. Наиболее часто встречается на сайтах, где размещаются объявления («Авито», «Юла», «Моя реклама», «Авто.ру», «ЦИАН» и т. д.). Мошенник выкладывает информацию о потенциально интересном товаре по выгодной цене. В личной беседе с покупателями выставляется условие о предоплате, которую человек вынужден заплатить, чтобы не потерять возможность приобрести товар или арендовать объект. Естественно, что позже такие лица свои обязательства не исполняют [6, с. 82].

4) Письма-просьбы – способ распространен достаточно давно, однако в последние годы приобретает особые формы. Очень часто страницы людей в социальных сетях взламываются, и мошенники рассылают всем друзьям в аккаунте просьбы о займах. Способы реализации данного метода достаточно разнообразны: некоторые пытаются играть на жалости, рассказывая про тяжелые болезни, операции и т. п., а некоторые пытаются имитировать обычные дружеские беседы, попутно прося «взаймы». Естественно, что подобные взломы страниц выявляются достаточно быстро – в течение 30 минут, однако и за это время часть доверчивых лиц успевает перечислить требуемые суммы¹.

5) Брокерские услуги – суть способа сводится к получению доступа к электронному устройству жертвы. Наиболее часто мошенничество распространяется в сфере предоставления брокерских услуг. Лицу предлагается несложный заработок. От него требуются лишь вложения и некоторые простые действия по установке и регистрации. Жертва все это выполняет и даже получает первую прибыль. Далее ему предлагается возможность увеличить свой капитал, но с привлечением профессионального брокера, который гарантирует стопроцентный результат. Потерпевший соглашается, и ему высылается пакет приложений, среди которых программа для удаленного доступа к его техническому устройству. Злоумышленник получает этот доступ и выводит все необходимые средства со счетов жертвы [7, с. 247].

6) Ставки на спорт – лицу предлагаются прогнозы для букмекерских контор, которые считаются договорными, то есть сделанными специально для извлечения прибыли. Жертве рекламируются указанные прогнозы с обещанием удвоения или утроения денежных вливаний. Также прилагаются отзывы всех ранее пользовавшихся услугами. Оплатив прогнозы, лицо получает информацию о прогнозе, который сделан «наугад». В результате потерпевший теряет деньги при оплате, а также при самой ставке, поскольку уверен в результате.

¹ Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <https://мвд.рф/-document/11700239>

Не так давно получил распространение и новый способ – лицо предлагает совместными усилиями увеличить банк в букмекерских конторах. С него – аналитические способности со стопроцентным исходом, с жертвы – денежные средства. Мошенник дает прогнозы доверившемуся лицу. Если исход верен, деньги делятся пополам, если неверен – аналитик пропадает [8, с. 52].

Таким образом, нами были рассмотрены основные способы совершения мошенничества в сети Интернет, появившиеся в последние годы. Преступники постоянно пытаются найти новые возможности для извлечения материальной выгоды, поэтому потенциальным жертвам крайне важно всегда быть бдительными и не пытаться найти выгоду там, где ее быть не может.

Список источников

1. Князьков А.С. Следственная ситуация как предпосылка тактико-криминалистической деятельности следователя // Криминалистические чтения на Байкале – 2012: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Иркутск, 2012. С. 54-60.
2. Екимцев С.В. Особенности раскрытия мошенничества, совершенного с использованием // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 1(90). С. 71-75.
3. Завезёнова И.А., Краюшкин К.Д., Нестерова А.В., Ососко Я.С. Цифровое мошенничество в финансовой сфере: новые типы обмана в контексте дигитализации: материалы Международного студенческого научно-практического форума по финансовой грамотности, Волгоградский государственный университет. 2018. С. 125-144.
4. Михайленко И.А. К вопросу о способах мошенничества в сети Интернет // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 5(13). С. 98-104.
5. Яковлев А.Н., Олиндер Н.В. Особенности расследования преступлений, совершенных с использованием электронных платежных средств и систем: научно-методическое пособие. М., 2012. 240 с.
6. Кузьмин И.А. Актуальные направления подготовки сотрудников ОВД, осуществляющих противодействие хищениям денежных средств с использованием информационно-коммуникационных технологий // Подготовка кадров для силовых структур: современные направления и образовательные технологии: материалы двадцать второй Всероссийской научно-методической конференции. Иркутск: ФГКОУ ВПО ВСИ МВД России, 2015. С. 81-83.
7. Коровин Н.К., Щербина М.А. Способы совершения мошенничества в сети Интернет как элементы криминалистической характеристики // Лучшая научная статья 2018: сборник статей XVII Международного научно-исследовательского конкурса, Пенза, 30 мая 2018 года. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 245-247.
8. Иногамова-Хегай Л.В. Квалификации преступлений с использованием компьютерных технологий // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы XVI Международной научно-практической конференции, Москва, 24-25 января 2019 года. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 51-55.

References

1. Knyaz'kov A.S. Sledstvennaya situaciya kak predposylka taktiko-kriminalisticheskoy deyatel'nosti sledovatelya // Kriminalisticheskie chteniya na Bajkale – 2012: materialy Vserossiyskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Irkutsk, 2012. S. 54-60.

2. Ekimcev S.V. Osobennosti raskrytiya moshennichestva, sovershennogo s ispol'zovaniem // Nauchnyj vestnik Orlovskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni V.V. Luk'yanova. 2022. № 1(90). S. 71-75.

3. Zavezyonova I.A., Krayushkin K.D., Nesterova A.V., Ososko Ya.S. Cifrovoe moshennichestvo v finansovoj sfere: novye tipy obmana v kontekste digitalizacii: materialy Mezhdunarodnogo studencheskogo nauchno-prakticheskogo foruma po finansovoj gramotnosti, Volgogradskij gosudarstvennyj universitet. 2018. S. 125-144.

4. Mihajlenko I.A. K voprosu o sposobah moshennichestva v seti Internet // Sibirskie ugolovno-processual'nye i kriminalisticheskie chteniya. 2016. № 5(13). S. 98-104.

5. Yakovlev A.N., Olinder N.V. Osobennosti rassledovaniya prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem elektronnyh platezhnyh sredstv i sistem: nauchno-metodicheskoe posobie. M., 2012. 240 s.

6. Kuz'min I.A. Aktual'nye napravleniya podgotovki sotrudnikov OVD, osushchestvlyayushchih protivodejstvie hishcheniyam denezhnyh sredstv s ispol'zovaniem informacionno-kommunikacionnyh tekhnologij // Podgotovka kadrov dlya silovyh struktur: sovremennye napravleniya i obrazovatel'nye tekhnologii: materialy dvadcat' vtoroj Vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii. Irkutsk: FGKOU VPO VSI MVD Rossii, 2015. S. 81-83.

7. Korovin N.K., Shcherbina M.A. Spособы soversheniya moshennichestva v seti Internet kak elementy kriminalisticheskoy harakteristiki // Luchshaya nauchnaya stat'ya 2018: sbornik statej XVII Mezhdunarodnogo nauchno-issledovatel'skogo konkursa, Penza, 30 maya 2018 goda. Penza: MCNS «Nauka i Prosveshchenie», 2018. S. 245-247.

8. Inogamova-Hegaj L.V. Kvalifikacii prestuplenij s ispol'zovaniem komp'yuternyh tekhnologij // Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy XVI Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 24-25 yanvarya 2019 goda. M.: RG-Press, 2019. S. 51-55.

Информация об авторе

Иван Михайлович Смирнов. Преподаватель кафедры оперативно-разыскной деятельности ОВД. Кандидат исторических наук.

Орловский юридический институт МВД России имени В.В. Лукьянова.
302027, Россия, г. Орел, ул. Игнатова, д. 2.

Information about the author

Ivan M. Smirnov. Teacher of the chair of Operational Search Activity of the Internal Affairs Bodies. Candidate of historical sciences.

Lukyanov Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia.
302027, Russia, Orel, st. Ignatova 2.

Статья поступила в редакцию 10.03.2022; одобрена после рецензирования 24.03.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted March 10, 2022; approved after reviewing March 24, 2022; accepted to the writing of the article for publication April 21, 2022

Научная статья
УДК 343.985.7

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ АВТОСТРАХОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Сергей Игоревич Усачев¹, Екатерина Анатольевна Малахина², Геннадий Геннадиевич Небрatenko^{3,4}

¹Восточно-Сибирский институт МВД России, Иркутск, Россия, usachef@list.ru

²Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации, Иркутск, Россия, malykhina_ek@mail.ru

³Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия, gennady@nebratenko.ru

⁴Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы криминалистической характеристики, приводится понятие криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования, перечисляются основные её элементы: предмет преступления, способы совершения преступлений и сокрытия следов преступления, характеристика личности преступника, механизм слеодообразования, раскрываются их особенности. Знание этих особенностей позволяет наиболее эффективно подходить к вопросам раскрытия, расследования и предупреждения мошеннических действий в сфере автострахования.

Ключевые слова: мошенничество в сфере автострахования, способы совершения мошенничества, автострахование, элементы криминалистической характеристики, личность преступника

Для цитирования: Усачев С. И., Малахина Е. А., Небрatenko Г. Г. К вопросу о криминалистической характеристике мошенничества в сфере автострахования на современном этапе // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 216-223.

TO THE QUESTION OF THE FORENSIC CHARACTERISTICS OF FRAUD IN THE SPHERE OF AUTOMOTIVE INSURANCE AT THE PRESENT STAGE

Sergey I. Usachev¹, Ekaterina A. Malykhina², Gennady G. Nebratenko^{3,4}

¹East Siberian Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Irkutsk, Russia, usachef@list.ru

²Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, malykhina_ek@mail.ru

³Rostov Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia, Rostov-on-Don, Russia, gennady@nebratenko.ru

⁴South-Russian Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The article discusses the issues of forensic characteristics, provides the concept of forensic characteristics of fraud in the field of auto insurance, lists its main elements: the subject of the crime, methods of committing crimes and hiding the traces of a crime, characterizing the personality of the offender, the mechanism of trace formation, revealing their features. Knowledge of these features allows you to most effectively approach to the issues of disclosure, investigation and prevention of fraudulent activities in the field of auto insurance.

Keywords: fraud in the field of auto insurance, ways of committing fraud, auto insurance, elements of forensic characteristics, identity of the perpetrator

For citation: Usachev S. I., Malykhina E. A., Nebratenko G. G. To the question of the forensic characteristics of fraud in the sphere of automotive insurance at the present stage // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 216-223.

Борьба с противоправными деяниями является одной из приоритетных задач правоохранительных органов Российской Федерации. Безусловно, развитие всех отраслей общества и государства требует непрерывного совершенствования деятельности, направленной на противодействие преступности.

Раскрытие, расследование и предупреждение преступлений – это целый комплекс взаимосвязанных мероприятий, каждое из которых выполняет особую роль в едином сложном процессе, направленном на борьбу с преступностью. Успешное расследование отдельных видов преступлений напрямую связано со всесторонним исследованием криминалистической характеристики конкретного противоправного деяния и является составной частью методики расследования. Без изучения данного понятия невозможно спрогнозировать эффективные методы и приемы расследования, раскрытия и предупреждения преступлений, установить все обстоятельства расследуемого события. Таким образом, очевидно, что изучение криминалистической характеристики является неотъемлемой частью расследования.

А.Н. Васильев и Н.П. Яблоков описывают криминалистическую характеристику как активную систему корреляционно зависимых признаков преступного события, которые наиболее отчетливо прослеживаются в способе и механизме совершения преступления, а также в особенностях личности и обстановке [1, с. 116].

В своих трудах Р.С. Белкин отмечал, что такое понятие, как «криминалистическая характеристика», имеет приоритетное значение для практики в том случае, если установлены определенные корреляционные связи между ее элементами [2, с. 219-222]. Л.Я. Драпкин рассматриваемое понятие определяет как особую научную категорию, которая сопоставляет и объединяет личность потерпевших, способ, обстановку, процесс слеодообразования в единую структуру, что позволяет повысить методический и информационно-поисковый уровень расследования [3, с. 470].

Также в этом отношении с учеными солидарен и профессор В.К. Гавло, констатирующий, что криминалистическая характеристика – часть методики расследования, состоящая из данных о подготовке, совершении и сокрытии преступлений [4, с. 87]. Аналогичное мнение по этому поводу и у профессора Е.П. Ищенко, характеризовавшего это понятие как некую информационную модель, содержащую данные о типичных чертах и особенностях преступления [5, с. 14].

В настоящее время ученые разделяют уже устоявшиеся точки зрения о сущности криминалистической характеристики преступлений. Так, А.В. Варданян и И.Г. Гнетнев отмечают, что криминалистическая характеристика способна в общем смысле выразить механизм совершаемых преступлений, а также выступает в качестве информационной базы, что необходимо при выдвижении следственных версий и разработке тактических

приемов [6, с. 10]. А.С. Князьков отмечает, что криминалистическая характеристика представляет собой систему обобщенных сведений и информации, которая в совокупности способствует дальнейшему поиску доказательств о преступлении и преступнике [7, с. 123].

Теоретическим вопросам сущности криминалистической характеристики преступлений уделено достаточное внимание в различных диссертационных и монографических трудах многих ученых-криминалистов. В этой связи в настоящем исследовании мы не ставим перед собой цель изучить данное понятие в общем смысле и понимании, а стремимся сформулировать и охарактеризовать наиболее актуальные элементы криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования.

Нами сформировано мнение о том, что данное понятие следует понимать как совокупность типичных данных, указывающих на существование закономерных связей между ними, которые взаимно проявляются в процессе совершения преступления, обстановке и типичных способах совершения мошенничества в сфере автострахования и сокрытия следов преступной деятельности, типичных чертах личности мошенников и позволяют мысленно представить факт совершения преступления в сфере автострахования, в целях выбора оптимальных и эффективных способов и приемов раскрытия данных преступлений [8, с. 123].

Исходя из специфики рассматриваемой категории преступлений и изучения следственной практики, считаем важным включить в криминалистическую характеристику мошенничества в сфере автострахования следующие элементы:

- предмет преступления;
- способы совершения преступлений и сокрытия следов преступления;
- характеристику личности преступника;
- механизм следообразования.

Указанные элементы криминалистической характеристики данного вида преступлений взаимосвязаны, имеют прямую зависимость друг от друга, в совокупности образуют научную систему криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования. Более того, находясь в тесной взаимосвязи, перечисленные части криминалистической характеристики преступлений влияют непосредственно на процесс совершения мошенничества в сфере автострахования, на выбор способов и приемов совершения преступления, определение жертвы преступления и т. п.

При проверке материалов по сообщениям о преступлениях или раскрытии фактов мошеннических действий в сфере автострахования существует своя специфика, потому что сам факт мошенничества подменяется другим действием и берет основу в заведомо ложных сведениях по фактам совершения дорожно-транспортного происшествия, кражи, поджога, умышленного уничтожения или повреждения автотранспортного средства и т. п. Поэтому сотрудники правоохранительных органов должны решать очень сложную задачу по тщательной проверке и сопоставлению фактов, событий и явлений, разобраться с их достоверностью либо выявить признаки фиктивности страхового случая через проведение оперативно-разыскных мероприятий и следственных действий.

В связи с этим изучение особенностей криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования является одной из приоритетных задач, так как знание специфических особенностей всех элементов криминалистической характеристики необходимо для выстраивания следственных версий и дальнейшего планирования раскрытия и расследования совершенного преступного деяния.

По нашему мнению, важным элементом криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования является способ совершения преступления,

так как от выбора способов совершения преступления и сокрытия следов преступной деятельности зависит не только конечный результат, но и уровень латентности деяния, что в дальнейшем повлияет на формирование следственных версий и план расследования.

Е.П. Ищенко под способом совершения преступления понимает совокупность объективных и субъективных манипуляций, в результате чего остаются характерные следы, при должном изучении которых возможно установить истину по делу, а также определить особенности личности преступника [9 с. 134].

Т.С. Волчецкая характеризовала способ как внешнюю сторону волевого преступного акта, подчеркнув, что выявление этой информации позволяет установить реальный замысел преступника и мотив преступления [10 с. 70].

Способов совершения мошенничества в сфере автострахования – достаточное количество, при этом изменения в законодательстве, а также совершенствование умений и навыков преступников приводят к постоянной модернизации этих способов. К наиболее распространенным считаем актуальным отнести следующие:

- инсценировка ДТП;
- включение в одностороннем порядке в полис дополнительных водителей;
- фальсификация обстоятельств ДТП или пострадавшего автомобиля;
- использование похищенных бланков полисов;
- использование поддельных бланков и печатей;
- оформление полисов после ДТП;
- намеренная порча бланков и их списание;
- вступление в преступный сговор с представителями страховой компании, экспертами и иными лицами;
- провокация ДТП («подстава»);
- фальсификация результатов проводимых экспертиз [8, с. 217].

Следующим немаловажным элементом криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования является личность преступника.

Без изучения свойств личности преступника невозможно определить истинные причины, мотивы и обстоятельства совершенного противоправного деяния. Характерные черты и свойства личности при должном изучении могут послужить отправной точкой при формировании этапа планирования расследования; эти данные позволят определить обстоятельства, которыми руководствовался преступник при выборе способов совершения и сокрытия преступного деяния.

Нельзя не согласиться с профессором О.П. Грибуновым, который констатирует, что на основе данных криминалистической характеристики личности можно сделать выводы о причинах совершения преступления, способе и месте его совершения, а также возможных следах [11, с. 17].

Очевидно, что информация о личности преступника, представляя собой особым образом структурированную модель, в наибольшей мере является необходимой на первоначальном этапе расследования [12, с. 93].

Анализ архивных уголовных дел и материалов доследственной проверки позволил определить категории лиц, которые совершают рассматриваемые преступления. Так, в качестве субъекта преступления зачастую выступают:

- страхователь (собственник автотранспортного средства);
- страховой агент (лицо, оформлявшее страховой полис);
- аварийный комиссар / сотрудник ГИБДД МВД России;
- эксперт/специалист;
- страховой агент, работающий в отделе урегулирования конфликтов;
- сотрудник службы безопасности;

– лицо, выступающее организатором мошенничества и связующим звеном между ранее перечисленными субъектами.

Рассматриваемые преступления характеризуются особым уровнем подготовки, наличием у преступников определенных умений и навыков, тщательным планированием и подготовкой, поэтому очевидно, что такие преступления в основном совершаются группой лиц по предварительному сговору.

Конечно, различные способы совершения мошеннических действий отличаются разным уровнем подготовки и перечнем участников совершаемого преступного деяния. Однако практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев подготовкой и совершением преступлений занимаются несколько заинтересованных лиц.

Анализ личности преступника и его характерные черты, по нашему мнению, напрямую зависят от способа совершения мошеннических действий в сфере автострахования, а также на данный элемент криминалистической характеристики влияют и те мотивы, которые преследуют преступники.

Так, например, при инсценировке дорожно-транспортного происшествия в качестве преступников зачастую выступают граждане, целью которых является разовое получение материальной выгоды. Для реализации данного способа в большинстве случаев лица вступают в преступный сговор, при этом им совсем не обязательно обладать особыми умениями и навыками, а также иметь особое служебное положение. В данном случае, как показывает практика, преступники – это физические лица мужского пола, среднего возраста (30-45 лет), обладающие средним специальным или высшим образованием, по роду деятельности или увлечений – разбирающиеся в автомобильной технике, знающие основы технического ремонта транспорта.

Инсценировка может быть осуществлена не в качестве разового получения материальной выгоды, т. е. хищения денежных средств у страховой компании путем обмана относительно наступления страхового случая, но и неоднократно. При этом для данных случаев характерно уже наличие не группы лиц, действующих по предварительному сговору, а организованной группы, участниками которой являются представители страховых компаний, ГИБДД, оценщики. В подобных случаях личность преступника будет характеризована уже несколько иначе. Практика показывает, что здесь в качестве подозреваемых выступают лица, обладающие такими критериями, как: определенное служебное положение, наличие опыта в автомобильной сфере, наличие определенных умений и навыков, распределение ролей и обязанностей, четкое планирование всех действий.

Говоря о личности преступника при осуществлении различного рода провокаций ДТП, отметим, что в подобных случаях зачастую действуют целые преступные группировки, а потерпевшей стороной, по обыкновению, становятся среднестатистические законопослушные водители. Изучение судебно-следственной практики говорит о достаточно большом количестве данного вида мошеннических действий на дорогах, при этом его можно характеризовать как достаточно прибыльный для преступников. В данном случае целью преступников будет являться вымогательство денежных средств у выбранной жертвы провокационных действий на дороге.

Анализ этого вида мошенничества показал, что, как правило, в качестве преступников выступают лица, обладающие такими чертами характера, как: способность к убеждению, настойчивость, грубость, при этом такие лица умеют воздействовать на психику оппонента, являются опытными махинаторами и знают, как напугать человека.

В рассматриваемом варианте распознать преступников достаточно сложно, ведь обычно задействуются несколько машин, иногда привлекаются сотрудники ГИБДД, находящиеся также в преступном сговоре, либо представители страховых компаний.

Делая вывод об исследуемых элементах криминалистической характеристики мошенничества в сфере автострахования, хочется подчеркнуть, что все ее структурные элементы обладают своими характерными особенностями, их изучение, анализ необходим для дальнейшего выстраивания следственных версий, построения плана расследования и выбора тактики действий следственных и оперативных подразделений. Знание этих данных позволит наиболее эффективно подходить к вопросам раскрытия, расследования и предупреждения мошеннических действий в сфере автострахования.

Список источников

1. Яблоков Н.П., Васильев А.Н. Предмет, система и теоретические основы криминалистики. М., 1984. 144 с.
2. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. М., 2001. 240 с.
3. Драпкин Л.Я. Криминалистика. Углубленный курс. М., 2012. 831 с.
4. Гавло В.К., Клочко В.Е., Ким Д.В. Судебно-следственные ситуации: психолого-криминалистические аспекты. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2006. 226 с.
5. Ищенко Е.П., Топорков А.А. Криминалистика. 2-е изд., испр. и доп. М.: Контракт, Инфра-М, 2006. 78 с.
6. Варданян А.В., Гнетнев И.Г. Понятие, значение и структура криминалистической характеристики преступлений против жизни и здоровья, совершенных лицами, имеющими психические расстройства, не исключающие вменяемости // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. № 2-2. 2013. С. 10-16.
7. Князьков А.С. О критериях значимости криминалистической характеристики преступления // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 304. С. 122-128.
8. Усачев С.И. К вопросу о мошенничестве в сфере автострахования // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2019. № 3 (90). С. 214-221.
9. Ищенко Е.П. Криминалистика: курс лекций. М.: Контракт: АСТ-Москва, 2007. 416 с.
10. Волчецкая Т.С. Современные проблемы моделирования в криминалистике и следственной практике: учебное пособие. Калининград: Калининградский университет, 1997. 95 с.
11. Грибунов О.П., Залескина А.Н. Криминалистическая характеристика личности мошенника (на примере ч. 5-7 ст. 159 УК РФ) // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2018. № 3-2. С. 11-18.
12. Князьков А.С. Тактико-криминалистические цели и задачи получения и использования информации о личности обвиняемого при производстве следственных действий // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 2-1 (74). С. 89-93.

References

1. Yablokov N.P., Vasil'ev A.N. Predmet, sistema i teoreticheskie osnovy kriminalistiki. M., 1984. 144 s.
2. Belkin R.S. Kriminalistika: problemy segodnyashnego dnya. M., 2001. 240 s.
3. Drapkin L.YA. Kriminalistika. Uglublennyy kurs. M., 2012. 831 s.

4. Gavlo V.K., Klochko V.E., Kim D.V. Sudebno-sledstvennyye situacii: psihologo-kriminalisticheskie aspekty. Barnaul: Izdatel'stvo Altajskogo universiteta, 2006. 226 s.
5. Ishchenko E.P., Toporkov A.A. Kriminalistika. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Kontrakt, Infra-M, 2006. 78 s.
6. Vardanyan A.V., Gnetnev I.G. Ponyatie, znachenie i struktura kriminalisticheskoy harakteristiki prestuplenij protiv zhizni i zdorov'ya, sovershennykh licami, imeyushchimi psihicheskie rasstrojstva, ne isklyuchayushchie vmenyaemosti // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. № 2-2. 2013. S. 10-16.
7. Knyaz'kov A.S. O kriteriyah znachimosti kriminalisticheskoy harakteristiki prestupleniya // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2007. № 304. S. 122-128.
8. Usachev S.I. K voprosu o moshennichestve v sfere avtostrahovaniya // Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta Ministerstva vnutrennih del Rossii. 2019. № 3 (90). S. 214-221.
9. Ishchenko E.P. Kriminalistika: kurs lekcij. M.: Kontrakt: AST-Moskva, 2007. 416 s.
10. Volcheckaya T.S. Sovremennye problemy modelirovaniya v kriminalistike i sledstvennoj praktike: uchebnoe posobie. Kaliningrad: Kaliningradskij universitet, 1997. 95 s.
11. Gribunov O.P., Zaleskina A.N. Kriminalisticheskaya harakteristika lichnosti moshennika (na primere ch. 5-7 st. 159 UK RF) // Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki. 2018. № 3-2. S. 11-18.
12. Knyaz'kov A.S. Taktiko-kriminalisticheskie celi i zadachi polucheniya i ispol'zovaniya informacii o lichnosti obvinyaemogo pri proizvodstve sledstvennykh dejstvij // Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta. 2012. № 2-1 (74). S. 89-93.

Информация об авторах

Сергей Игоревич Усачев. Преподаватель кафедры криминалистики.
Восточно-Сибирский институт МВД России.
664071, Россия, г. Иркутск, ул. Лермонтова, д. 110.

Екатерина Анатольевна Малыхина. Научный сотрудник отдела научной информации, издательской деятельности и библиографического обеспечения. Кандидат юридических наук.

Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры Российской Федерации.
664035, Россия, г. Иркутск, ул. Шевцова, д. 1.

Геннадий Геннадиевич Небратенко. Профессор кафедры теории государства и права. Доктор юридических наук, профессор.
Ростовский юридический институт МВД России.
344015, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ереминко д. 83.

Information about the authors

Sergey I. Usachev. Tecturer of the chair of Criminalistics.
East Siberian Institute of the Ministry of Interior of Russia.
664071, Russia, Irkutsk, st. Lermontov 110.

Ekaterina A. Malykhina. Researcher of the Department of Scientific Information, Publishing and Bibliographic Support. Candidate of legal sciences.

Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation.

664035, Russia, Irkutsk, st. Shevtsov 110.

Gennady G. Nebratenko. Professor of the chair of Theory of State and Law. Doctor of legal sciences, professor.

Rostov Law Institute of the Ministry of Interior of Russia.

344015, Russia, Rostov-on-Don, st. Eremenko 83.

Статья поступила в редакцию 25.04.2022; одобрена после рецензирования 11.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted April 25, 2022; approved after reviewing May 11, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 20, 2022.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Авторами внесён равный вклад в написание статьи.

The authors have made an equal contribution.

Научная статья
УДК 30; 343; 343,98; 343,92

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ И ПРОБЛЕМЫ СБОРА ЭМПИРИЧЕСКИХ ДАННЫХ ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИК

Николай Григорьевич Шурухнов

Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний,
Москва, Россия, matros49@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье обращается внимание на сущность, назначение в расследовании криминалистической характеристики преступления, даются краткая ретроспектива, современное состояние и ее научно-познавательное назначение. Делается акцент на методах сбора информации, составляющей ее содержание, соблюдении закона больших чисел, выявляющих закономерности проявления противоправных действий субъектов преступлений. Подчеркивается необходимость изучения взаимных связей и зависимостей (корреляций) элементов криминалистической характеристики, способных указать путь к еще не установленным в процессе расследования обстоятельствам. Анализируются работы виднейших ученых-криминалистов О.Я. Баева, Р.С. Белкина, И.Е. Быховского, А.В. Дулова, опираясь на содержание которых, указывается, что в выявлении таких связей и зависимостей состоит само содержание и назначение криминалистической характеристики преступлений, ее прикладная направленность.

Ключевые слова: криминалистическая характеристика, методология, сбор эмпирических данных, закон больших чисел, корреляции

Для цитирования: Шурухнов Н. Г. Методологические закономерности и проблемы сбора эмпирических данных для формирования криминалистических характеристик // Научный вестник Орловского юридического института МВД России имени В.В. Лукьянова. 2022. № 2(91). С. 224-232.

METHODOLOGICAL PATTERNS AND PROBLEMS OF EMPIRICAL DATA COLLECTION FOR FORENSIC CHARACTERIZATION

Nikolay G. Shurukhnov

Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia,
matros49@mail.ru

Abstract. In this article, attention is drawn to the essence, purpose in the investigation of the forensic characteristic of the crime, a brief retrospective, the current state and its scientific and educational purpose are given. Emphasis is placed on the methods of collecting information that makes up its content, observing the law of large numbers that reveal the patterns of manifestation of illegal actions of crime subjects. The need to study mutual ties and dependencies (correlations) of elements of the forensic characteristic that can indicate the path to the circumstances not yet established in the investigation process is emphasized. The works of the most prominent forensic scientists O.Ya. Baeva, R.S. Belkin, I.E. Bykhovsky, A.V. Du-lova, based on the content of which, it is indicated that the very content and purpose of the forensic characteristic of crimes, its applied orientation are in the identification of such ties and dependencies.

Keywords: forensic characteristic, methodology, collection of empirical data, the law of large numbers, correlations

For citation: Shurukhnov N. G. Methodological patterns and problems of empirical data collection for forensic characterization // Scientific Bulletin of the Orel Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation named after V.V. Lukyanov. 2022. No 2(91). P. 224-232.

В отечественной литературе понятие «криминалистическая характеристика» стало употребляться в середине 60-х годов прошлого века. Приоритет в использовании обозначенного словосочетания многие исследователи отдавали А. Сергееву, С. Митричеву, А. Колесниченко. В частности, А.Н. Колесниченко в автореферате диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук конкретно указывал, что в число существенных положений, характерных для всех частных методик, входит криминалистическая характеристика конкретного вида преступлений [1].

В 1979 году основоположник советской криминалистики, великий ученый-криминалист Р.С. Белкин в своем трехтомном издании писал: «...идея криминалистической характеристики преступления отнюдь не нова. Еще до того момента, как впервые был употреблен термин «криминалистическая характеристика преступления», в частных криминалистических методиках упоминались отдельные ее элементы и подчеркивалась их роль для выбора направления и организации расследования» [2, с. 187]. Это действительно так. Один из первых отечественных криминалистов – Н.И. Якимов к материальным уликам относил приемы и способы, при помощи которых преступник проник на определенное место и совершил преступление. Улики, как он их именовал, особенно важны, «когда при помощи одних и тех же приемов и способов в разных местах совершен целый ряд однородных преступлений» [3, с. 356].

За прошедшие десятилетия криминалистическая характеристика преступлений стала признанной научно-познавательной, методологически значимой категорией, предназначенной быть отправной при разработке рекомендаций по расследованию противоправных деяний. По поводу сущности, системы, содержания, места в криминалистике и в методике расследования отдельных видов и групп преступлений проведено множество дискуссий, специальных конференций [4, с. 183-193; 5; 6, с. 128-136; 7; 8]. Осуществлено значительное количество профильных разработок по ее использованию в методиках расследования преступлений [9, с. 93-97; 10; 11, с. 119-133; 12] и в следственной практике.

Активизация использования научных методов сбора эмпирических данных для формирования криминалистических характеристик преступлений различных видов наблюдалась после 1987 года¹. В этот период в журнале «Социалистическая законность» известные ученые И. Быховский, А. Дулов, совместно с основоположником российской криминалистики Р. Белкиным, высказали свое мнение о содержании анализируемой категории, ее соотношении с предметом доказывания. Они давали ориентир на условия ее использования в построении методик и в практике расследования преступлений. Говорили, что комплекс сведений о преступлениях, составляющих содержание криминалистической характеристики, может иметь значение для расследования лишь в тех случаях, когда между ее данными установлены закономерные связи – корреляции,

¹ Еще ранее критика криминалистической характеристики была высказана известным ученым доктором юридических наук, профессором А.М. Лариным в его издании «Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие» [13]. Автор высказал и конструктивные, справедливые замечания.

«в противном случае указанная криминалистическая категория теряет свое практическое назначение, лишается всякого смысла, так как в таком виде не работает на раскрытие преступления» [14, с. 56-58].

Спустя значительное время, в преддверии столетия со дня рождения Р.С. Белкина, скажем о том, что патриархи криминалистики, в силу своего высочайшего профессионализма и интеллигентности, таким образом обращались к нам, своим преемникам, последователям (ученикам). Чтобы мы не превращали криминалистическую характеристику в некую панацею, а честно, без халтуры изучали и всесторонне анализировали следственную практику; для того чтобы полученные эмпирические данные были объективны, отражали действительность, показывали взаимообусловленные связи, выводили на обстоятельства, являющиеся следствием анализа, способствовали интенсификации процесса расследования, а наша репутация не только в научном, но и в нравственном аспекте была на должном уровне.

Постановка данной проблемы связана с тем, что с позиций методологии типичные свойства могут быть выявлены только в том случае, когда количество выбранных для анализа единиц изучения достаточно велико, как говорят математики, если оно подпадает под действие закона больших чисел. Лишь при этом условии зафиксированные в наблюдаемых единицах свойства и закономерности могут считаться распространенными (репрезентативными) во всем классе изучаемых явлений, проступков [2, с. 366]. У отдельно взятого преступления, характеризующего статистическую совокупность, может не быть, к примеру, приема подготовки или сокрытия, но он обязательно появится, когда все подобные преступления берутся в массу. Специалисты называют их аддитивными – соответствующими целому явлению (объекту)² (определенному массиву преступлений), так как у единичного противоправного деяния они могут отсутствовать. Массовость при характеристике преступлений означает, что ее аддитивные свойства проявляются лишь тогда, когда изучением охватывается достаточно большое число случаев, независимо от того, идет ли речь о видах преступлений, совершенных в данном регионе в определенный период, или об их выборочной совокупности. Если закон больших чисел не действует вследствие ограничения числа охваченных изучением единиц, то нет и не может быть речи о преступлениях, отличающихся от простой суммы входящих в нее преступных деяний.

Значение имеет и иррегулярность совершения преступлений независимо друг от друга. Исходя из этого, в расчет не следует брать эпизоды конкретного противоправного деяния. Каждый преступный акт должен браться в расчет как случайный по отношению к другому противоправному деянию, самостоятельный, независимый от предыдущего. И конечно, делая определенный вывод, следует ориентироваться на устойчивость, повторяемость, проявление закономерностей.

Приводим все перечисленное сейчас, но эти выводы были сделаны в конце 80-х годов прошлого века при обсуждении содержания указанной публикации (Р. Белкина, И. Быховского, А. Дулова) с многоуважаемыми авторами. Обнаrodуем это, к сожалению, спустя несколько десятилетий (как часто бывает в жизни) и делаем это в качестве неоплатного долга перед ушедшими.

Еще одной «стимуляцией» научной мысли по сбору эмпирических данных для формирования криминалистической характеристики была статья известнейшего ученого доктора юридических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Российской

² Аддитивность (с лат. – прибавляемый) – значение величины, соответствующее целому объекту, равно сумме значений величин, соответствующих его частям, каким бы образом ни был разбит объект // Большой энциклопедический словарь. Изд. 2-е, перераб. и доп. СПб: «Норинт», 1998. С. 18.

Федерации О.Я. Баева «И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений)» (2002 г.) [15, с. 19-23]. Между первой и второй публикациями был значительный промежуток времени. Каждая из них становилась весомым толчком для научных руководителей, под руководством которых готовились диссертации по методике расследования преступлений. Именно они должны были воздействовать на интенсификацию методологической, нравственно-познавательной работы аспирантов, адъюнктов, соискателей, которые формировали криминалистические характеристики по результатам обобщения следственной практики. Промежуточным итогом их добросовестного, кропотливого, методологически выверенного труда должна была стать объективная, прогностическая, обеспечивающая оптимизацию следственного поиска криминалистическая характеристика определенного преступления, на ее основе должны были формироваться рекомендации по расследованию.

Специально укажем на содержательное сходство рекомендаций, высказанных авторами представленных нами статей. И в первом, и во втором случае предлагалось проанализировать содержание сведений этой научной категории, «определить, каким образом устанавливаются корреляционные связи и зависимости при конструировании криминалистической характеристики отдельного вида преступлений и какие при этом возникают сложности». «Именно в выявлении таких связей и зависимостей, – писал О.Я. Баев, – состоит само содержание и назначение криминалистической характеристики преступлений: оптимизация следственного поиска при расследовании конкретных преступлений путем использования следователем знаний о наиболее вероятных связях между установленными элементами расследуемого преступления с искомыми, но к данному моменту расследования неизвестными» [15, с. 20]. При этом предлагались две группы связей и зависимостей – дедуктивные (однозначные; причинно-следственные) и индуктивные (статистические; видимые; скрытые) [15, с. 23].

Справедливости ради скажем о том, что на определенных этапах приведенные установки повлияли на исследователей: результаты обобщения практики стали объективнее, в составляющих криминалистической характеристики просматривалась научно-методическая и прикладная значимость. Это позволяло получать типичные данные о способах совершения и сокрытия преступлений, механизме преступных посягательств, следах, обстановке, в которой готовились и происходили преступные события, предметах преступного посягательства, свойствах личности преступников и потерпевших, обстоятельствах, способствовавших совершению преступления; обращалось внимание на приемы противодействия расследованию, корреляции составляющих данных. Они, не образуя самостоятельной открытой системы криминалистической характеристики, позволяют по наличию одного из них категорически утверждать или вероятностно предполагать о существовании и характере другого, еще не установленного расследованием. Срабатывает метод экстраполяции [16, с. 638-645] – переноса знаний об одних признаках на другие, распространения выводов, полученных при анализе одних составляющих криминалистическую характеристику, на неисследованные. Корреляции имеют значение для выдвижения версий, определения направлений расследования, поиска следов и орудий (средств) совершения преступлений, установления лиц, совершивших данные преступления, и выбора тактических приемов производства процессуальных действий.

В тех случаях, когда исследователь использует эмпирические и теоретические законы, вскрывающие отношения, существующие между двумя составляющими криминалистическую характеристику данными, где одни порождают другие (причина и следствие), устанавливаются более глубокие функциональные отношения – корреляции. Другими словами, установление взаимообусловленных связей (корреляций) дает возможность через посредство одних сведений установить или предполагать наличие

других, «проливающих» свет на механизм противоправного деяния, поведение субъекта или потерпевшего (если он имеется) при конкретных противоправных деяниях. Заметим, что речь идет о взаимообусловленных связях, а не о простом, количественном переборе данных, с помощью постижения механизма взаимодействия, который и порождает определение искомого направления.

При таком подходе криминалистическая характеристика приобретает объемную информационную модель, представляющую описание свойств и существенных признаков преступления, отобразившихся в реальной действительности. В основе ее разработки – результаты изучения и обобщения эмпирического материала – архивных уголовных дел, законченных (успешно) уголовно-процессуальным производством. Только в таком случае можно говорить о том, что она методологически и практически значима. Чтобы выполнять эту роль, криминалистическая характеристика должна включать имеющие закономерную связь блоки информации, которые образуют целостную систему и позволяют в процессе ее сопоставления с реальным (расследуемым) событием выявлять, опять же с помощью метода экстраполяции, в нем не только общие, но и индивидуальные особенности.

Особенно следует отметить ее роль на таких этапах расследования, как предварительный и первоначальный, когда существует дефицит информации о событии, способе совершения преступления и лице, его совершившем. В эти периоды криминалистическая характеристика рода, группы или вида преступлений с ее типичными данными о способах совершения, предметах преступного посягательства, сведениях о лицах, преимущественно совершающих такие преступления в конкретном регионе, и другие сведения призваны оказать помощь в раскрытии преступлений, определить наиболее верные направления в поиске истины.

Следует подчеркнуть, что криминалистическая характеристика преступления всякий раз рассматривается как примерная модель события, служащая основанием для вероятностных умозаключений, выдвижения следственных версий, играющая роль своеобразной матрицы. Она позволяет распространить знания на другие события, сопоставить конкретный случай с типичными данными для построения исходной модели, позволяющей следователю предположить обстоятельства противоправного деяния, для чего должна включать систему типичных данных о преступлении, преступнике, потерпевших, сопутствующих обстоятельствах [2, с. 449-450]. Без таких данных и их корреляций она остается нереализованным теоретическим положением, не представляющим интереса для практики расследования. И если сказать больше, то будет антиориентиром для субъектов расследования, окажет медвежью услугу, отрицательно повлияет на время раскрытия и расследования преступления с вытекающими негативными последствиями.

Приведя содержание, обозначив роль криминалистической категории, следует указать на ее объемность при реализации в методических рекомендациях расследования. При формировании криминалистических методик (особенно по диссертациям на соискание ученой степени кандидата юридических наук) важные вопросы, составляющие суть методических рекомендаций, тактики производства следственных действий, использования современных технических средств и информационных технологий, выписываются порой кратко, схематично. А это отрицательно сказывается на практических рекомендациях, которые так необходимы современным субъектам расследования преступлений. Обстоятельное изложение криминалистической характеристики определенного вида преступления в ущерб всей программе расследования вряд ли обосновано.

Может быть, избрать следующие пути: 1) криминалистическую характеристику с ее цифрами, диаграммами, сравнительными таблицами представлять в приложении к диссертации, оставив значительное место для изложения прикладных аспектов расследования, основанных на ее данных; 2) закреплять тему исследования за двумя соискателями, в конечном итоге один из них представлял бы криминалистическую характеристику, второй – методику расследования (с соответствующим выделением).

Было бы значимо для субъектов расследования, авторитета разработчиков методик, если бы соответствующие рекомендации проходили более обстоятельную апробацию на практике, при которой можно было бы высказать значимые советы, сделать соответствующие корректировки, способные усилить эффект использования, оптимизировать следственный поиск путем реализации соответствующих знаний.

Возвращаясь к предложениям О.Я. Баева, приведем его оригинальные суждения (однако возникает вопрос, возможно ли их осуществить на практике). Он полагал, что для обеспечения работоспособности криминалистической характеристики, ее прогностической функции, выявления названных зависимостей изучаемые криминалистами уголовные дела должны быть не только качественно расследованными, но расследованными по специальной программе. При этом программа должна разрабатываться именно с целью использования полученной информации для конструирования криминалистической характеристики преступлений отдельного вида [15, с. 22]. Как представляется, ставилась задача с обратным решением. При этом предлагалось подключить: 1) ученых-криминалистов для разработки специальных программ выявления необходимых, но «скрытых» при совершении преступления элементов; 2) организационные решения на управленческом уровне; 3) многофакторный корреляционный анализ, способный выявлять скрытые зависимости [15, с. 22].

Приведенные предложения оригинальны по своему замыслу, но в то же время не просты в практическом осуществлении, в век торопливости борьбы с преступностью, в том числе и в таких уникальных направлениях, как расследование и судебное разбирательство, при которых нагрузка уполномоченных должностных лиц такова, что «оглянуться назад», переосмыслить весь процесс уголовного судопроизводства не представляется возможным.

Существуют и реальные сложности в изучении уголовных дел (сборе эмпирических данных), сосредоточенных в архивах судов различных уровней. Заметим, что проблема создана не только коронавирусной инфекцией COVID-19, в связи с которой запрещены или ограничены выезды в другие регионы. Напряженная деятельность всего уголовного судопроизводства связана и с появлением новых составов преступлений, частыми изменениями законодательства, наличием информационных технологий, позволяющих совершать преступления дистанционно в различных регионах. Суды районного звена работают в «режиме аврала». В них постоянная проблема с «аппаратом», и дело не в том, что он имеет низкую квалификацию, а в том, что вакантны должности секретарей, помощников, архивариусов, нередко судьям не с кем «выходить в процесс».

Приводим это не для того, чтобы обозначить проблему судов – она известна, а для того, чтобы сказать, что в суде не до исследователей, изучающих расследованные уголовные дела. Ведь архивариусам (если они имеются) нужно уделить время – выдать дело, определить помещение, которых хронически не хватает, периодически отвлекаться, чтобы отыскать следующее уголовное дело. Все это дополнительно усложняет работу суда.

Исходя из этого, исследователи прибегают к решению проблемы малоинформативным путем: изучают приговоры в системе ГАС «Правосудие». Этот путь сбора эмпирических данных в некоторых случаях совершенно неприемлем: соблюдая законода-

тельство, секретари судебных заседаний забывают персональные данные, сумму материального ущерба, места совершения преступлений, предметы преступного посягательства.

Для того чтобы как-то продвинуть эту проблему, рискнем предложить вариант, который создаст дополнительную нагрузку дознавателям и следователям. Суть его состоит в том, чтобы после окончания расследования следователи и дознаватели с помощью уже подготовленных компьютерных программ заполняли анкету по расследованному преступлению, которая будет храниться в уголовном деле и дополняться судьями по обстоятельствам, выявленным в суде, но не установленным во время досудебного производства.

Список источников

1. Колесниченко А.Н. Научные и правовые основы расследования отдельных видов преступлений: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Харьков, 1967. 28 с.
2. Белкин Р.С. Курс советской криминалистики. Т. III: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. 408 с.
3. Якимов И.Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. Новое изд., перепеч. с изд. 1925 г. М.: ЛексЭст, 2003. 496 с.
4. Белкин Р.С. Криминалистическая характеристика преступления // Курс советской криминалистики. Т. III: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., 1979. 408 с.
5. Криминалистическая характеристика в методике расследования преступлений: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 69. Свердловск: УрГУ, 1978. 155 с.
6. Селиванов Н.А. Советская криминалистика: система понятий. М., 1982. 152 с.
7. Криминалистическая характеристика преступлений: сборник научных трудов / редкол.: В.В. Ключков (отв. ред.) [и др.]. М.: Всесоюз. ин-т по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1984. 106 с.
8. Колесниченко А.Н., Коновалова В.Е. Криминалистическая характеристика преступлений. Харьков: Юрид. ин-т, 1985. 93 с.
9. Герасимов И.Ф. Криминалистические характеристики в методике расследования // Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) / редкол.: Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйсман А.А., Эминов В.Е. М., 1976. 179 с.
10. Радаев В.В. Криминалистическая характеристика преступлений и ее использование в следственной практике. Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1987. 21 с.
11. Зуев Е.И., Шурухнов Н.Г. Криминалистическая характеристика преступлений // Криминалистика (актуальные проблемы). М., 1988. С. 119-133 (150 с.).
12. Методика расследования преступлений. Общие положения: материалы научно-практической конференции (г. Одесса, ноябрь 1976 г.) / редкол.: Селиванов Н.А., Танасевич В.Г., Эйсман А.А., Эминов В.Е. М., 1976. 179 с.
13. Криминалистика и паракриминалистика: научно-практическое и учебное пособие. М.: Бек, 1996, М., 1996. С. 116-127.
14. Белкин Р., Быховский И., Дулов А. Модное увлечение или новое слово в науке? (Еще раз о криминалистической характеристике преступления) // Социалистическая законность. 1987. № 9. С. 56-58.
15. Баев О.Я. И все же: реальность или иллюзия (еще раз о криминалистической характеристике преступлений) // Вестник криминалистики. 2002. Вып. 1 (3). С. 19-23.
16. Понкин И.В., Лаптева А.И. Методология научных исследований и приклад-

ной аналитики: учебник. Издание 3-е, допол. и перераб. Консорциум «Аналитика. Право. Цифра». М.: Буки Веди, 2022. 754 с.

References

1. Kolesnichenko A.N. Nauchnye i pravovye osnovy rassledovaniya otдел'nyh видов преступлений: avtoref. дис. ... д-ра юрид. наук. Хар'ков, 1967. 28 с.
2. Belkin R.S. Kurs sovetskoj kriminalistiki. T. III: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii. M., 1979. 408 с.
3. Yakimov I.N. Kriminalistika. Rukovodstvo po ugolovnoj tekhnike i taktike. Novoe izd., perepech. s izd. 1925 g. M.: LeksEst, 2003. 496 с.
4. Belkin R.S. Kriminalisticheskaya karakteristika prestupleniya // Kurs sovetskoj kriminalistiki. T. III: Kriminalisticheskie sredstva, priemy i rekomendacii. M., 1979. 408 с.
5. Kriminalisticheskaya karakteristika v metodike rassledovaniya prestuplenij: mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. Vyp. 69. Sverdlovsk: UrGU, 1978. 155 с.
6. Selivanov N.A. Sovetskaya kriminalistika: sistema ponyatij. M., 1982. 152 с.
7. Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij: sbornik nauchnyh trudov / redkol.: V.V. Klochkov (otv. red.) [i dr.]. M.: Vsesoyuz. in-t po izucheniyu prichin i raz-rabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti, 1984. 106 с.
8. Kolesnichenko A.N., Konovalova V.E. Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij. Хар'ков: Yurid. in-t, 1985. 93 с.
9. Gerasimov I.F. Kriminalisticheskie karakteristiki v metodike rassledovaniya // Metodika rassledovaniya prestuplenij. Obshchie polozheniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Odessa, noyabr' 1976 g.) / redkol.: Selivanov N.A., Tanasevich V.G., Ejsman A.A., Eminov V.E. M., 1976. 179 с.
10. Radaev V.V. Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij i ee is-pol'zovanie v sledstvennoj praktike. Volgograd: VSSH MVD SSSR, 1987. 21 с.
11. Zuev E.I., SHuruhnov N.G. Kriminalisticheskaya karakteristika prestuplenij // Kriminalistika (aktual'nye problemy). M., 1988. S. 119-133 (150 с.).
12. Metodika rassledovaniya prestuplenij. Obshchie polozheniya: materialy nauchno-prakticheskoy konferencii (g. Odessa, noyabr' 1976 g.) / redkol.: Selivanov N.A., Tanasevich V.G., Ejsman A.A., Eminov V.E. M., 1976. 179 с.
13. Kriminalistika i parakriminalistika: nauchno-prakticheskoe i uchebnoe posobie. M.: Bek, 1996, M., 1996. S. 116-127.
14. Belkin R., Byhovskij I., Dulov A. Modnoe uvlechenie ili novoe slovo v nauke? (Eshche raz o kriminalisticheskoy karakteristike prestupleniya) // Socialisticheskaya zakonnost'. 1987. № 9. S. 56-58.
15. Baev O.YA. I vse zhe: real'nost' ili illyuziya (eshche raz o kriminalisticheskoy karakteristike prestuplenij) // Vestnik kriminalistiki. 2002. Vyp. 1 (3). S. 19-23.
16. Ponkin I.V., Lapteva A.I. Metodologiya nauchnyh issledovanij i prikladnoj analitiki: uchebник. Izdanie 3-е, допол. i pererab. Konsorcium «Analitika. Pravo. Cifra». М.: Buki Vedi, 2022. 754 с.

Информация об авторе

Николай Григорьевич Шурухнов. Вводящий научный сотрудник.
Научно-исследовательский институт федеральной службы исполнения наказаний.
125130, Россия, г. Москва, ул. Нарвская, д. 15-а, стр. 1.

Information about the author

Nikolay G. Shurukhnov. Leading researcher.
Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia.
125130, Russia, Moscow, st. Narvskaya 15-a, b.1.

Статья поступила в редакцию 22.04.2022; одобрена после рецензирования 06.05.2022; принята к публикации 20.05.2022.

The article was submitted April 22, 2022; approved after reviewing May 6, 2022; accepted to the writing of the article for publication May 20, 2022.

Уважаемые читатели и авторы!

Редакция оставляет за собой право в случае необходимости редактировать, сокращать объём статей и принимать решение о включении их в журнал. Отклонённые материалы не возвращаются. Научные материалы, оформленные с нарушением требований или поступившие после контрольного срока, могут быть опубликованы в последующих номерах журнала. Ответственность за достоверность фактов, библиографических ссылок и правильность цитирования несут авторы статей.